

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 4 (16)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 4 (16)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почётный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАО
проректор по учебной работе, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Щепилова А.В.**

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.**Беляева И.А.****Бубнова И.А.****Вострикова О.В.**

секретарь

Геймбух Е.Ю.**Громова А.В.****Джанумов С.А.****Карандеева Л.Г.**

ответственный секретарь

Кирилина А.В.**Курдюмов В.А.****Матвеева И.И.**

секретарь

Радченко О.А.**Собянина В.А.****Сулейманова О.А.****Тарева Е.Г.****Чупрына О.Г.****Языкова Н.В.****Ярыгина Е.С.**

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Розенхольм А.* Эстетика путешествия: пространство и повествовательные средства в экологическом воображении Беллы Улановской..... 8
- Васильев С.А.* Образ Игумена земли Русской в поэме Т.К. Зульфикарова «Откровения Сергия Радонежского»..... 21
- Колбасин В.Н.* Игровое начало в творческом методе А.С. Пушкина..... 28
- Фу Мэйянь.* Изучение творчества Н.А. Некрасова в Китае 35

Русистика. Германистика. Романистика

- Казаченко О.В.* Проблема заимствований как фактор изменения языкового сознания..... 42
- Карандеева Л.Г.* Фонопрагматические характеристики указаний в немецком языке 50
- Клеймёнова Н.М.* Олбанские тенденции франкоязычных интернет-форумов 56
- Кулешова А.В.* Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе 62
- Зондзе Э.А.* Функции вопросительных синтаксических конструкций в газетном тексте..... 69
- Кузьмина О.В.* Особенности перевода греческого субстантивированного инфинитива в славянском тексте «Патерика Римского» 75

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации..... 80
- Иванова Н.С.* О некоторых актуальных словесных объективаторах концепта «успех» в современном русском и болгарском языках..... 89

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Макеева С.Н. Формирование профессионально-педагогической направленности личности будущих учителей иностранного языка 95

Слово молодым учёным

Беляева А.В. Мотивы сборника стихотворений Г.Н. Кузнецовой «Оливковый сад» 102

Громова К.А. Особенности проколониального романа в американской женской прозе 50-х годов XIX века 108

Журавлёва А.П. Индейская тема в творчестве Вашингтона Ирвинга и Джеймса Фенимора Купера 113

Ли На. Развитие гоголевской традиции в повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова 119

Щербаков А.В. Самостоятельная работа в системе педагогической подготовки бакалавров 126

Научная жизнь

Тарева Е.Г. Итоги XI Международного симпозиума МАПРЯЛ «Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание» (г. Велико-Тырново, Болгария, 3–6 апреля 2014 г.) 132

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2014, № 4 (16)..... 135

Требования к оформлению статей 139

CONTENTS

Literary Science

- Rozenholm A.* Aesthetics of Travel: Space and Narrative Means
in the Environmental Imagination of Bella Ulanovskaya 8
- Vasilyev S.A.* The Image of Russia's Hegumen
in T. Zulfikarov's Poem «The Revelations of Sergius of Radonezh»..... 21
- Kolbasin V.N.* The Play Principle in the Creative Method of A. Pushkin..... 28
- Fu Me'ian'.* Studies of N. Nekrasov's Writings in China 35

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Kazachenko O.V.* The Problem of Borrowings
as a Factor of Linguistic Consciousness Changes 42
- Karandeeva L.G.* Phonopragmatic Characteristics of Directives
in the German Language..... 50
- Klejmyonova N.M.* «Olbanian» Trends of Francophone Internet Forums.... 56
- Kuleshova A.V.* Citation as a Key Element of «Somebody Else's Word»
in French Print Media 62
- Zoidze E.A.* The Functions of Interrogative Syntactic Constructions
in a Newspaper Text 69
- Kuzmina O.V.* Translation Peculiarities of the Greek
Substantivized Infinitive in the Slavic Text of «Romanian Patericon» 75

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Bubnova I.A., Krasnykh V.V.* The Human Being and His World Image
as an Object and Subject of Modern Integrative Research:
Traditions and Innovations 80
- Ivanova N.S.* Actual Lexical Means Objectifying the Concept «Success»
in the Modern Russian and Bulgarian Languages 89

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Makeeva S.N.</i> Developing Professional Personality Orientation of Future Foreign Language Teachers	95
--	----

Young Scientists' Platform

<i>Belyaeva A.V.</i> Motifs of the Book of Poems «Olive Garden» by G. Kuznetsova	102
<i>Gromova K.A.</i> Peculiarities of Pro-colonial Novels in Women's Writings of the 1850-ies	108
<i>Zhuravlyova A.P.</i> Indian Subject in the Works of Washington Irving and James Fenimore Cooper.....	113
<i>Li Na.</i> Gogol's Tradition Developed in the Tale «Diaboliad» by M. Bulgakov	119
<i>Scherbakov A.V.</i> Autonomous Activity in Bachelor Pedagogical Training System.....	126

Scholarly Events

<i>Tareva E.G.</i> Results of the XI th International Symposium of the IARLLT (International Association of the Russian Language and Literature Teachers) «Theoretical and Practical Studies of Russian and Its Typological Comparison and Description» (Veliko Tarnovo, Bulgaria, Apr. 3–6, 2014)	132
---	-----

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2014, № 4 (16)	135
---	-----

Style Sheet.....	139
------------------	-----

А. Розенхольм

**Эстетика путешествия:
пространство и повествовательные средства
в экологическом воображении
Беллы Улановской**

В статье анализируются пространственные измерения как основной элемент «экологического воображения» Изабеллы Юрьевны Улановской (1943–2005), выявляются взаимоотношения между местом, пространством и повествовательными средствами. Центральная проблема статьи — формирование повествовательных средств в связи со спатильной концепцией *путешествия* как ведущего топоса прозы Б. Улановской.

The paper analyzes spatial dimensions as a core element of Isabella Yu. Ulanovskaya's (1943–2005) «ecological imagination» and displays interrelations between place, space and narrative techniques. The major subject matter of the paper is formation of the narrative techniques in connection with the spatial concept of *wandering*, a leading one for the topos of B. Ulanovskaya's prose.

Ключевые слова: эстетика путешествия; пространство; экологическое воображение; повествовательные средства.

Keywords: aesthetics of travel; space; environmental imagination; narrative techniques.

Место и пространство в произведениях Беллы Улановской¹ являются взаимопроникающими категориями, основными элементами «экологического воображения» [5] писательницы. Её отличает необыкновенное восприятие природы и ландшафта, особое понимание взаимосвязей между человеком и окружающей средой. Обращение к прозе Улановской позволяет выявить новые грани в осмыслении «деревенской прозы» советского

¹ Об Изабелле Юрьевне Улановской (1943–2005), см.: *Shrayer M.D.*, Ed. An Anthology of Jewish-Russian Literature: two centuries of dual identity in prose and poetry. NY, Armonk, London: M.E. Sharpe, 2007. P. 907; *Kelly Catriona*. A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 377, n. 80; *Goscilo H.* Ulanovskaia, Izabella Iur'evna // Dictionary of Russian Women Writers, eds. Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, and Mary Zirin. Westport, CT., Greenwood Press, 1994. P. 679–680; *Marsh Rosalind*. An Introduction to Bella Ulanovskaia // *Rusistika*. 1995. № 12. P. 28–31.

времени, которая в гендерном аспекте маркирована лишь мужской традицией [3: с. 127].

Выбранные для анализа тексты — рассказы «Осенний поход лягушек», «Кто видел ворона» и «Альбиносы» [1] — были созданы в 1970-е годы, впервые опубликованы в последующие два десятилетия² и перепечатаны в сборнике «Личная нескромность павлина. Повести и рассказы» в 2004 году [2].

Я следую концепции «автор как “картограф”», предложенной в современной научной дискуссии о спатиальном повороте в литературе, действии автора и формировании повествовательных средств. Например, Р. Талли пишет: «Действие письма можно рассматривать как форму картографирования или картографической деятельности». Автор, как картограф, «должен обследовать территорию, решить, какие черты данного ландшафта включить, усилить или уменьшить» (здесь и далее перевод мой. — *A.P.*) [21: р. 45]. Повествование включает картографирование, но и карта передаёт рассказ; взаимоотношения между пространством и письмом создают новые нарративы. Центральная проблема обсуждения такова: как формируется повествование в процессе «картографирования», как формируются повествовательные средства и методы в связи со спатиальной концепцией *путешествия* как ведущего топоса в прозе Улановской? Проанализируем взаимоотношения между миром текста и миром спатиального опыта, воздействующие как на ритм и течение повествования, так и на построение идентичности рассказчицы, существующей между культурой и природой. Более широким контекстом моей интерпретации является экокритика и её принципиальный тезис о том, что культурные значения и метафоры, которыми мы наделяем природу в художественной литературе, влияют на то, как мы относимся к природе. Читать литературные тексты с экокритической точки зрения означает, что литературный анализ тесно связан с материальным миром и подчёркивает эгоцентрический ракурс. Такой анализ обращает внимание на данные для репрезентации природы, на взаимодействие между физической окружающей средой, её метафорами и повествовательными средствами [10; 12].

Основные термины

Анализируемые рассказы привлекают внимание своей характерной чертой — непостоянством границ и одновременно местом и пространством как облигаторными концепциями в прозе Улановской. Предлагаемые термины являются наиболее важными, ибо они создают контекст экологического воображения автора.

Во-первых, понятие *экофикшен*, или «эколитература» [20: р. 75–84], к которой мы можем отнести прозу Улановской, призывает человека существовать в природе без страха, обращаться к ней с уважением и адаптироваться к природным условиям, а не эксплуатировать природу. Рассказчица

² Рассказ «Альбиносы» вышел сначала в самиздате, затем — в парижском журнале «Эхо» (1984 г.) и в 1985 году в сборнике «Круг».

не идентифицирует себя со специалистом-профессионалом, она переводчица, «посредник» между читателем и средой, описанной ею с большой симпатией. При этом жители самых глухих, заброшенных, «неперспективных» [1: с. 120] деревень находятся в центре повествования.

Под термином *экофикшен* я имею в виду литературу, соответствующую критериям текстов, идентифицируемых в западном дискурсе экокритики как «nature writing». Лоуренс Буэлл в своей книге «The Environmental Imagination» тип текста «environmental text» определяет следующим образом: 1. «Окружающая среда существует не только как украшающая рамка, но и как некое существование, которое предполагает, что человеческая история вплетена в историю природы». 2. «Интересы человека нельзя понимать как единственно законные интересы». 3. «Ответственность человека за окружающую среду — часть этически ориентированного текста». 4. «Такое понимание окружающей среды как процесса, а не константы или данности является как минимум подразумеваемым в тексте» [6: р. 7–8]. Эти критерии, которые рассматривает Буэлл в основном на материале американской литературы нон-фикшен, можно применить и к произведениям Улановской, считавшей американских трансценденталистов, прежде всего Генри Торо, своими предшественниками³. Как рассказчик у Торо прочно связан с природой, так и Я-рассказчица Улановской прекрасно знает флору и фауну северной России. Природа получает свой язык, который читатель начинает расшифровывать, следуя за автором через леса, болота и поля.

Во-вторых, характерная черта прозы Улановской — сильная связь с местом, чувство местности и биорегионализма [6: р. 64]. Автор различает место и пространство как географические понятия; «место» — это то «пространство», на котором, как пишет географ Ю-Фу Туан [22: р. 161–162], фиксируется значение, и место становится субъектом повествования. Пространство превращается в место, принимающее разные значения, проникающие из географии в нарратив [7: р. 12]. Местность, как её описывает Улановская, является «уникальной» [1: с. 136] спатио-темпоральной окружающей средой с «неперспективными» деревнями, где рассказчица путешествует во время своих охотничьих походов, ночует у одиноких старушек — «добровольных» отшельниц, живущих далеко от технологического мира, на периферии, «общающихся» с волками и другими дикими зверями. Представленные места — неотъемлемая часть конкретного региона и ландшафта с болотами, северными борами, льяными полями, скромными сельскими жилищами и коровниками. Эти места маркированы и физическими признаками, и социальной идентичностью, что и подчёркивает «локализованное знание» (D. Nagaway) об экосистеме, её природе и культурной идентичности жителей, о том, как они

³ См.: Симмонс С. Спутники Беллы Улановской // Улановская Б. Одинокое письмо. М.: НЛО, 2010. С. 348–357, 348; Рогинский Б. Летучая правда наших слов // Улановская Б. Одинокое письмо. М., НЛО, 2010. С. 275–294, 280–281.

живут и говорят на региональном идиолекте северной России, на своей «родной речи» [1: с. 104]. Местность в произведениях Улановской воспринимается разными сенсорными каналами; её можно видеть, слышать и чуют, место воображается, его любят и ненавидят, его боятся и о нём мечтают.

В-третьих, понятие перемещения можно применить к анализу произведений Улановской в рамках спатильного переворота и экокритики [6: р. 62]. Речь идёт об изменении границ как мест, так и идентификации. Многие исследователи спатильного переворота подтверждают идею Фуко, что пространство заменило гегемонию времени; например, как пишет Джеймсон, наша ежедневная жизнь, психический опыт, культурные языки обусловлены скорее категорией пространства, чем категорией времени [16: р. 16]. В рассказах Улановской подчёркивается история перемещений в форме вынужденных переселений и миграций во время советской модернизации, как и говорит рассказчица: «Раскулачивали, выселяли, сгоняли с хуторов, или, уже в самое последнее время, случалось перебираться в другое место; на центральную усадьбу, в соседнее хозяйство, рабочее предместье или город» [1: с. 135]. Причиной этих обширных и вынужденных переселений является сильное «центростремительное» государство, «где всё подчиняется центру» [1: с. 135–136].

Автор предлагает ракурс, который даёт возможность выражать сопротивление на частном уровне: точка зрения принадлежит «путешественнице», чьи маршруты и нарративы избегают взгляда паноптикума; ракурс перемещается «к периферии, [где] власть ослабевает» [1: с. 136]. Существование для Улановской значит «существование где-то», и бытие понимается всегда как взаимодействие между «внешним ландшафтом» и «внутренним ландшафтом» рассказчицы, имплицитно переданным в качестве культурного ландшафта. Идея «множественных ландшафтов» («Plural landscapes») [6: р. 91] не отделяет природу от социального порядка, первоначальное — от копии. Улановская приглашает критически поразмыслить над тем, что такое первоначально-природное и что есть вторичное и культурное в окружающей среде. Критическое отношение автора к бинарным структурам технократического мышления, в логике которых природа противопоставляется культуре, город — деревне, разум — телесности, мужское — женскому и т. д., вызывает альтернативное «картографирование» жизни; всякие бинарные структуры не выдерживают критики, потому что рассказчица находится в постоянном развитии, в пути, в физическом движении, коррелирующем с процессом мышления; процесс представляется спатилотемпоральной концепцией «частного путешествия» [1: с. 136], что и даёт возможность не-бинарного видения мира, и таким образом, как говорит Пламвуд, видения мира с неиерархического ракурса [18: р. 41–69].

Такой ракурс ориентирован на материальную землю, и он регионален. Он деконструирует карту, нарисованную по центростремительным нормам, часто не совпадающую с реальностью, особенно советского периода, как констатирует рассказчица: «Дело в том, что до последнего времени система картографии у нас была разработана так, что часто карта служит для дезориентации

тех, кто обращается к ней» [1: с. 136, также с. 106]. Нарратив «путешествия» обещает путешественнику личное место, «нишу» [1: с. 135–136], которая находится далеко от власти, противопоставит колонизации как людей, так и земли. Такое место является «палимпсестом последовательных ощущений места» (palimpsest of serial place-experiences) [6: р. 73] и прикрепляется к материальной среде. Официальный дискурс и память заменяются личными историями, раскрывающими катастрофические последствия советской модернизации для местных жителей, природы, земли и воды [1: с. 136]. Улановская показывает последствия утраты локального знания и замены его абстрактным, привнесённым из далекого центра: люди теряют контакт с землёй и с животными, они лишаются умений и знаний, позволяющих заботиться об этом мире («Попутчики обменивались новостями. Пьяный утонул в реке, на ферме норма сена каждой корове урезана до трёх килограммов. Зоотехник распорядился выпустить скотину на воздух, тощие коровёнки, увязнув в грязи, падали, не в силах подняться» [1: с. 109]).

Улановская выражает глубокое сомнение в человеческом *hybris*, в научно-технической миссии, которая выражается в утилитарном использовании лесов, в жестоком обращении с животными. Отказ от дуализма передаёт голос символизированным «другим», репрезентациям «природы» — женщинам и животным, для того чтобы критически продемонстрировать связь антропоцентрической и андроцентрической доминант, подчиняющей феминизированную природу мужскому культурному порядку [17: р. 67–68].

С помощью этой стратегии автор обращается к *эко*-логии ещё до того, как фиксирует внимание на *эго*-логии, подчёркивает не только органическую взаимосвязь между человеком и природой, но и гендерно-специфическое собственное пограничное место, связь между природой и культурой, между символическим и пре-лингвистическим языками.

Также можно ещё добавить, что биорегиональный нарратив и представляемое им многообразие экосистемы, включая и культурные, и природные аспекты жизни, типичны для Улановской. Они не опираются на национальный консенсус, в отличие от «деревенской прозы», где доминируют мужчины и которая, как пишет Э. Шоре, «инструментализирует» [4: с. 112] и женщин, и природу как иконические образы национальной «карты». Повествование Улановской избегает и сентиментальности, и пафоса [3: с. 336] в изображении природы и в описании образов старушек. Хотя её отшельницы легко встраиваются в традицию добровольного страдания как формы женского сопротивления, узнаваемого в русской культуре в образе Матрёны Солженицына или Дарьи Распутина, старушки Улановской всё-таки далеки от идеального. И природа, как интегрированная часть холистической концепции и, таким образом, социального порядка, не зависит от изображения национальных мифов.

“To walk is to lack a place”⁴

В повествовании Улановской особое внимание обращает на себя непостоянство границ и одновременно чувство наслаждения тем, что происходит благодаря переменчивости, открытости границ между культурой и природой, человеком и животным, текстом мира и литературы. Воссоздаются и разные гибриды, гибридные идентичности, и гибридные повествовательные формы. К таким гибридам относится и рассказчица, которая предстаёт в двойном качестве: журналистки (женское начало) и охотника (мужское начало), горожанки и путешественницы по далёким лесам. Гибридными являются и жанр⁵, и практики репрезентации, и сама бессюжетность повествования. Концепт «путешествия» отличается многомерностью, поэтому сложно идентифицировать как рассказчицу, так и автора⁶; по словам де Серто, «путешествовать — значит лишаться места», поэтому её место скорее *нигде*. Автор путешествует и одновременно выходит как за границы карты, так и социально маркированных рамок, за пределы литературы (особенно советской); Улановская создаёт *свои* маршруты, ходит по неизвестным дорогам. Следуя «частной» карте, она выступает как правонарушитель, как активный деятель, который в состоянии манипулировать пространством, прокладывая «свою собственную дорогу» (A. Ganser): «...частное путешествие, предпринятое по личным нуждам, находится как бы вне закона» [1: с. 136]. Создаётся «парадоксальное пространство» [11: р. 150], где различия не заглушаются и «инаковость» не исчезает, как предлагает феминистская география, а наоборот — различия культурной идентичности разрешаются в том же нестабильном, изменяющемся, неопределённом пространстве «путешествия». Автор раскрывает органическую взаимосвязь между человеком и природой и говорит сразу на разных языках: на языке символов и одновременно пытается обрести голос и за символическим дискурсом, достигая референциальности в отражении заглушённой материи природы до её трансформации в немой объект в репрезентации [15: р. 32].

Именно здесь намечается «третий путь», ориентированный на «зелёный мир» [19]. Обращение к «зелёному миру» становится вариантом бегства, которое переводит протест в фантазию об альтернативном и утешающем мире.

⁴ *De Certeau Michel. The Practice of Everyday Life (Trans. Steven Randall). Berkeley: CA., University of California Press, 1984. P. 103.*

⁵ Когда мы говорим о жанре повести «Осенний поход лягушек» Б. Улановской, как и вообще о её прозе, нельзя не обратить внимание на жанровую гибридность. Автор определяет жанр своей повести как «документальное повествование», которое включает в себя «разговоры», «осенние жалобы», «историю одной старухи» и разнообразные установления, которые рассказчица перечисляет, вмещая в одно предложение, растянутое на целую страницу.

⁶ Например, Б. Рогинский спрашивает: «Кто она — осторожный охотник, хроникёр, свидетель казни, способный добрым словом напутствовать несчастного, репортёр, северный бродяга, филолог?» (*Рогинский Б. Летучая правда наших слов // Улановская Б. Одинокое письмо. М., НЛО, 2010. С. 290*).

Такие архетипические ситуации обнаруживаются и в рассказах Улановской: «зелёный мир» оказывается местом воссоздания и защиты альтернативной идентичности для женщины. Как говорит А. Прагт, обращение к «зелёному миру» — это и бегство, и протест. Чтобы отвернуться от мира, где господствуют нормы, с которыми автор не хочет отождествляться, рассказчица Улановской дистанцируется от социального и гендерного контроля вместе со своими многочисленными старушками, живущими в отдалённых заброшенных местах, среди леса вместе с волками и дикими зверями, которые у них «почти ручные» [1: с. 141]. Рассказчица перемещается между городом и деревней, «цивилизацией» и «дикостью», блуждает в маркированных мирах «энергетиков» и доярок с их «коровушками-матушками» [1: с. 104, 105].

«Овеществление»

Автор ориентируется на такие языковые и повествовательные средства, которые предпочитают оперировать так называемым «отсутствующим референтом» [5: р. 40–62]. Таким образом автор стремится преодолеть пропасть между присутствием и отсутствием, субъектом и объектом, между означающим и означаемым. Идентификация с «зелёным миром» служит конструированию собственной идентичности, которая осуществляется в открытом положительном отношении и к природе, и к языку, не отказывающемуся от пре-символического [15: р. 16]. Когда рассказчица говорит о своём отношении к природе, она знакомится с существованием «другого» языка, живущего в пре-символическом мире «отсутствующего референта». Амбивалентность осуществляется психолингвистической практикой «буквализации», или «овеществления» [15: р. 16, 29], практикой, которая подчёркивает хронотопическую референтность, предпочитает конкретность и телесность гиперболам и абстракциям.

Природа в прозе Улановской не сводится к абстрактной символической фигуре, не является придуманной концепцией. Автор в описании природы стремится к максимальной подлинности: запечатлеть момент, зафиксировать конкретный случай, постичь в природе непосредственное и частное. Улановская интересуется необыкновенным, маргинальным, локальным, детализированным физическим миром: вещи и события имеют для неё ценность, какой бы описанная действительность ни была бессвязной и эстетически некогерентной.

Практика «буквализации» развивается как метод «эстетики путешествия». Проход между разными языковыми мирами предполагает и перемещение из символического языка к более референтному. Переход эксплицитно выражается «обменом»: книги, слова, язык сравниваются с «рыбами» в деревенской библиотеке, где читатели «расползлись между стеллажей, как любители подлёдного лова, каждый выбирает своё место; всегда удивляешься, глядя на то, как по ровной и как будто одинаковой глади озера расходятся рыбаки» [1: с. 121]. Метафоры «культуры» и «природы» меняются местами: как писательница

становится «рыбаком» слов, так и символический язык выявляет свои физические корни в природном мире; лён культивируется не только в полотно и парусы, но и в тонкую «повествовательную ткань» [1: с. 144]. Так устанавливается связь между материализованными метафорами и словом, одухотворённым материей⁷.

Эстетика «частного путешествия» производит и так называемый «неофициальный» повествовательный стиль и ритм, который будто бы следует за шагами путешественницы-охотника; она регистрирует, воспринимает всё, что довольно случайно попадает на пути. Повествование течёт как будто ассоциативно, без заранее заданного плана, нарочито наивно. Ритм движения словно следует течению хождения, повествование прерывается, превращается в медитативные рефлексии и продолжает далее свой путь. Следовательно, повествование напоминает то явление, которое Делёз и Гваттари называют «становлением» [8]; речь идёт об ацентрической системе, которая производит многообразность и, таким образом, ставит под сомнение иерархические нормы и репрезентации. «Становление» означает состояние идентичности, находящейся в постоянном процессе, и напоминает практики прогулки: время от времени гуляющий останавливается и снова продолжает свой путь, что и делает нарратив непредсказуемым. Движение повторяется и идейно в ботанической метафоре ризомного корневища [8: р. 7–9], с помощью которой Делёз и Гваттари подчёркивают идею разнообразия, в отличие от иерархической структуры арборетума: корневища могут ломаться где угодно и продолжать своё распространение куда угодно — вне дуализма или дихотомий [8: р. 9]. Таким же образом появляется «частное путешествие» Улановской в качестве метафоры многообразия.

Списки как знаки бесконечности

Грамматические законы упраздняются сериями списков, которые характеризуют повествование Улановской. Список значит бесконечность, он противостоит закрытости и окончательности и, таким образом, производит многообразие.

Логику списка можно сравнить с прогулкой или с тем, как развивается корневище; списки продолжают как угодно, и поворачивают куда угодно, и заглушают, таким образом, иерархические структуры. Их гетерогенность связывает воедино знаки разных миров.

Повествование основывается на паратаксисе, как будто на гибридном повествовании; его характеризуют некорректные грамматические законы, эллиптические предложения, фрагментарный синтаксис, гибридные жанры. Повествование предпочитает полисиндетон, паратактическую фигуру, соединяющую идеи

⁷ См. также: *Перлина Н.* Пробежим снова по всем этим тонким ходам и жемчужным переходам, перечитаем путаную прочность // Улановская Б. *Одинокое письмо*. М.: НЛЮ, 2010. С. 260–275, 267.

через серии «И»-предложений [9: р. 67]. Использование «И»-серии указывает на то, что автор движется за пределы символической грамматики, в место, где, как пишут Делёз и Гваттари, трудно идентифицировать определённые, строго установленные места, где постоянное движение заглушает начало и конец [8: р. 25]. Паратаксис избегает иерархических оценок: разные дела, случаи, персонажи, животные, исторические действия — всё существует на одном и том же не-иерархическом уровне. Читателю остаётся осознать совокупность значений, ибо Улановская не даёт каузальных объяснений. Союз *и* становится субверсивным знаком, обходя дуализмы. Цепочки «*и*–, *и*–, *и*», маркируя открытость конца, свидетельствуют, что конца нет, что опыт всегда является потенциально бесконечным. Это маркируется и длинными предложениями, тянущимися через всю страницу и ломающими конвенциональный синтаксис. Потенциальная открытость списка и путешествия увеличивает гетерогенность действительности и дестабилизирует нормы репрезентаций тем, что ставится под вопрос иерархический порядок аутентичного и имитированного. Рассказчица осознаёт: её место посередине, и поэтому она полна сомнения и разочарования, поскольку переживания, трансформированные в искусство, могут отсутствовать в жизни, что и демонстрируют на стене картины с ландшафтом: «Четыре картины на стенах — одного формата в одинаковых рамах — времена года. Для чего эти безжизненные пейзажи, глядя на которые всё равно нельзя представить ни зимы, ни осени, — того, что где-то есть настоящая жизнь с ветром, холодом, свободой» [1: с. 38].

Метаморфозис

Наконец в финале путешествия находится ключевая репрезентация психолингвистической трансмиссии рассказчицы с одного языка, символического, на другой, пре-символический, метаморфозис, охарактеризованный максимальным слиянием языков в физической референтности. Рассказчица описывает осенний поход лягушек и ощущение особенности момента: «Я шла и удивлялась поразительно тёплому вечеру... была полная темень. Бархатная грязь, тёплый дождик после стужи последних дней, какое-то оттаивание души и сердца, какое-то размягчение... чтобы... чувствовать мягкий шелест дождя по шоколадной нежной грязи... Под ногами всё было живое... что-то было южное, влажно-тропическое в этой ночи, какая-то скрытая мощь оттаивания... ожили, перебираются, неудержимо, неуклонно... <...> Закрыться бы с головой в эту согревающую грязь, оттаивать, отогреваться, задышать ровно, в такт, слушать шёпот дождя, а может, и понять лягушечье тихое переговаривание, может, их тихое переругивание — что-нибудь насчёт дороги, глубины колеи» [1: с. 118–119].

Это — репрезентация абсолютного наслаждения, испытанного рассказчицей в путешествии, в ходе ассоциативного движения. Рассказчица переходит границы между культурой и природой, человеком и животным, чтобы слиться с ними воедино. Значения обозначены физическим восприятием, так что говорящий субъект

сам становится природой — сливается с «шоколадной нежной» грязью, с «ритмическим бархатным шлёпаньем музыки», с лягушачьим оживлением. Символические метафоры обнажают свои физические корни. В этот момент абсолютного слияния с природой рассказчица словно забывает свою двойственность и амбивалентность в культуре и наслаждается общением с животными.

Концепция путешествия как средства критики направляется против бинарного понимания мира и детерминированного восприятия идентичности. Подчёркиваются элементы вариации и разнообразия; перед читателем предстают не стабильный образ города, не идеализированные картины природы, а напротив — гетерогенная и динамическая негация их обоих: леса, волки, дома, старушки, овощи, птицы, запахи и голоса — все вместе они создают действительность в своём многообразии, где гетерогенные серии человеческого и нечеловеческого сливаются. Повторение разных списков имеет положительные коннотации, поскольку эти списки создают недугальное восприятие мира. Всё находится в состоянии «становления» и в постоянной амбивалентности, в том числе и идентичность рассказчицы: она не только женщина-журналист и «мальчик-охотник», как её называют доярки [1: с. 36], но и добровольный пленник природы. Великое наслаждение метаморфозиса описывается в форме гимнической медитации, когда человек сдаётся природе и может поменяться местами с животными, чтобы стать коровой [1: с. 47] или медведем [1: с. 146] и даже лягушкой. Литература и язык представляются Улановской местом, где элементарное течение физической жизни не заглушается, а, напротив, обновляет воображение. Поэтический язык позволяет ей уловить то, что скрывается под символическим как неартикулированное и подавленное под центростремительным языком. В языке лягушек, приносящем архаический и жизнеутверждающий мессидж из прошлого, путешественница узнаёт и свой язык. Возвращение к «зелёному миру» можно интерпретировать как переход в область «природного языка», возвращение к тому языку телесности, который совпадает и с лягушкиным «уа-а-а-а» и вороньим «кар-р-р» [1: с. 56], он также персонифицируется с «немой Тоней», «протягивающей» свои пре-символические и непонятные слова «Ой, Бе.. где бы...» [1: с. 121].

Эстетика, создаваемая Улановской как практика «личного путешествия», как торжество самости в метаморфозисе: чтобы быть «целым», от человека требуется слиться воедино с животным «пульсом» и узнать в языке природы интонацию собственного «старинного говора» [1: с. 121], который не покорывается нормативным законам техногенного мира. Говорящий, следуя своему личному путешествию, становится инновативным правонарушителем как литературной карты, так и социальных ролей жизненной географии. Проза Улановской напоминает, что умение предаться неиерархическому диалогу с природой, умение слышать её как *другого*, говорящего на своём языке, коррелирует с вызовом нашего времени — сохранение окружающей среды.

Библиографический список

Источники

1. Улановская Б. Осенний поход лягушек. СПб.: Советский писатель, 1992. 184 с.
2. Улановская Б. Личная нескромность павлина. Повести и рассказы. М.: Аграф, 2004. 221 с.

Литература

3. Жировова Н. Добровольное отшельничество в рассказе Беллы Улановской «День, когда упал Челленджер» // Улановская Б. Одинокое письмо. М., НЛЮ, 2010. С. 333–341, 336.
4. Шопе Е. Власть–природа–телесность. Гендерная проблематика в советской литературе // Репрезентации телесности: сб. науч. ст. / Ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2003. 272 с.
5. Adams Carol J. The Sexual Politics of Meat. New York: Continuum, 1990. 256 p.
6. Buell L. The Environmental Imagination. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1995. XII. 586 p.
7. Carter E., James D. and Judith S. (eds.). Space and Place: Theories of Identity and Location. London: Lawrence & Wishart, 1993. 399 p.
8. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. (Trans. Brian Massumi). Minneapolis, Minnesota University Press, 1987. 275 p.
9. Donovan J. Style and Power // Feminism, Bakhtin, and the Dialogic. (Eds.) Bauer, Dale M. and Susan Jaret McKinstry. Albany: State University of New York, 1991. P. 85–94.
10. Garrard G. Ecocriticism. London: Routledge, 2004. 203 p.
11. Gillian R. Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge. Minneapolis, MN.: University of Minnesota Press, 1993. 205 p.
12. Glotfelty Ch., Fromm H. (Eds.). The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology. Athens: The University of Georgia Press, 1996. 456 p.
13. Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Haraway D. Simians, Cyborgs and Women. The Reinvention of Nature. London: Free Association, 1991. P. 183–250.
14. Hiatt M. The Way Women Write. New York: Teachers College Press, Columbia University, 1977. 152 p.
15. Homans M. Bearing the Word: Language and Female Experience in Nineteenth-Century Women's Writing. Chicago and London: University of Chicago Press, 1986. 326 p.
16. Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC.: Duke University Press, 1991. 438 p.
17. Ortner S. Is Female to Male as Nature Is to Culture? // Rosaldo M. Z and L. Lamphere (Eds.) Woman, Culture, and Society. Stanford: Stanford University Press, 1985. P. 67–87.
18. Plumwood Val. Feminism and the Mastery of Nature Plumwood. London: Routledge, 1993. 239 p.
19. Pratt A. Archetypal Patterns in Women's Fiction. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 224 p.

20. *Ryder M.R.* Willa Cather as Nature Writer // *Such New of the Land*. U.S. Women Nature Writers. T.S. Edwards and E.A. De Wolfe (Eds.), Hanover and London: University Press of New England, 2001. P. 75–84.
21. *Tally R.T. Jr.* *Spatiality*. London: Routledge, 2013. 178 p.
22. *Tuan Y.F.* *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 235 p.
23. *Turchi P.* *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*. San Antonio: Trinity University Press, 2004. 248 p.

References

Istochniki

1. *Ulanovskaya B.* Osennij pohod lyagushek. SPb.: Sovetskij pisatel', 1992. 184 s.
2. *Ulanovskaya B.* Lichnaya neskromnost' pavlina. Povesti i rasskazy'. M.: Agraf, 2004. 221 s.

Literatura

3. *Zhirovova N.* Dobrovol'noe otshel'nichestvo v rasskaze Belly' Ulanovskoj «Den', kogda upal Chellendzher» // *Ulanovskaya B. Odinskoe pis'mo*. M.: NLO, 2010. S. 333–341, 336.
4. *Shore E.* Vlast'–priroda–telesnost'. Gendernaya problematika v sovetskoj literature // *Reprezentacii telesnosti: sb. nauch. statej / Red. G.I. Zvereva*. M.: RGGU, 2003. 272 s.
5. *Adams Carol J.* *The Sexual Politics of Meat*. New York: Continuum, 1990. 256 p.
6. *Buell L.* *The Environmental Imagination*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1995. XII. 586 p.
7. *Carter E., James D. and Judith S.* (eds.). *Space and Place: Theories of Identity and Location*. London: Lawrence & Wishart, 1993. 399 p.
8. *Deleuze G., Guattari F.* *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. (Trans. Brian Massumi). Minneapolis, Minnesota University Press, 1987. 275 p.
9. *Donovan J.* *Style and Power // Feminism, Bakhtin, and the Dialogic*. (Eds.) Bauer, Dale M. and Susan Jaret McKinstry. Albany: State University of New York, 1991. P. 85–94.
10. *Garrard G.* *Ecocriticism*. London: Routledge, 2004. 203 p.
11. *Gillian R.* *Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge*. Minneapolis, MN.: University of Minnesota Press, 1993. 205 p.
12. *Glotfelty Ch., Fromm H.* (Eds.). *The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*. Athens: The University of Georgia Press, 1996. 456 p.
13. *Haraway D.* *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Haraway D. Simians, Cyborgs and Women. The Reinvention of Nature*. London: Free Association, 1991. P. 183–250.
14. *Hiatt M.* *The Way Women Write*. New York: Teachers College Press, Columbia University, 1977. 152 p.
15. *Homans M.* *Bearing the Word: Language and Female Experience in Nineteenth-Century Women's Writing*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1986. 326 p.

16. *Jameson F.* Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC.: Duke University Press, 1991. 438 p.
17. *Ortner S.* Is Female to Male as Nature Is to Culture? // Rosaldo M. Z and L. Lamphere (Eds.). *Woman, Culture, and Society*. Stanford: Stanford University Press, 1985. С. 67–87.
18. *Plumwood Val.* Feminism and the Mastery of Nature Plumwood. London: Routledge, 1993. 239 p.
19. *Pratt A.* Archetypal Patterns in Women's Fiction. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 224 p.
20. *Ryder M.R.* Willa Cather as Nature Writer // *Such New of the Land. U.S. Women Nature Writers*. T.S. Edwards and E.A. De Wolfe (Eds.), Hanover and London: University Press of New England, 2001. P. 75–84.
21. *Tally R.T. Jr.* Spatiality. London: Routledge, 2013. 178 p.
22. *Tuan Y.F.* Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 235 p.
23. *Turchi P.* Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer. San Antonio: Trinity University Press, 2004. 248 p.

С.А. Васильев

Образ Игумена земли Русской в поэме Т.К. Зульфикарова «Откровения Сергия Радонежского»

Статья посвящена одному из наиболее характерных произведений известного современного русского поэта Т.К. Зульфикарова — «Откровения Сергия Радонежского». Поэма создавалась в преддверии 600-летия Куликовской битвы и приобретает особую актуальность в год 700-летия великого русского святого. Образ Игумена земли Русской создаётся писателем с опорой на традиции русской литературы и иконописи, а также на фольклор и культуру Востока.

This paper is about the poem «The revelations of Sergius of Radonezh», one of the most representative creations of the outstanding modern Russian poet T. Zulfikarov. The poem was written in the lead-up to the six-hundredth anniversary of the Battle of Kulikovo and acquires a new topicality in the year of celebration of the great Russian Saint's seven-hundredth anniversary. The image of the Russia's Hegumen was created by the poet with reference to Russian literature, orthodox icon traditions and oriental folklore and culture.

Ключевые слова: поэма; откровение; апокриф; переосмысление в образах; стиль.

Keywords: poem; revelation; apocryphal story; image re-comprehension; style.

Преподобный Сергей Радонежский (1314–1392), чьё 700-летие широко отмечается в 2014 году, — величайший русский святой, со всей полнотой отразивший в своей личности идеал святости как смирения и единомыслия в братской любви [2], «русскую душу». В.О. Ключевский отмечал: «При имени преп. Сергия народ вспоминает своё нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» [9: с. 271]. П.А. Флоренский, долгое время живший в Сергиевом Посаде, писал: «Дом Живоначальныя Троицы всегда сознавался и сознаётся сердцем России, а строитель этого Дома, преподобный Сергей Радонежский... — особым покровителем, хранителем и вождём русского народа... Ангелом-Хранителем России» [12: с. 276].

Преподобный Сергей глубоко почитается в отечественной православной традиции, широко известен он и далеко за пределами России. Его образ ярко отразился в культуре как религиозной, так и светской. Наиболее известна икона Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублёва, вдохновившегося Сергиевой обителью и самой личностью Святого. На рубеже XIX–XX веков М.В. Нестеровым был создан знаменитый живописный цикл, посвящённый преп. Сергию, из его полотен наиболее значимо и активно интерпретируемо до сегодняшнего дня

«Видение отроку Варфоломею» (1889–1890). Среди историков, посвятивших свои труды личности преподобного Сергия и его Лавре, выделяются Е.Е. Голубинский, В.О. Ключевский. О нем писали священники Павел Флоренский, Георгий Федотов и др. Недавно в серии ЖЗЛ о преподобном Сергии вышла очередным изданием книга С.Н. Борисова [2].

Наиболее значительным литературным памятником, посвящённым преп. Сергию, как известно, стало его Житие и примыкающее к нему Похвальное слово — образцы литературного стиля «плетение словес» — насельника Свято-Троицкого монастыря преп. Епифания Премудрого (2-я половина 1410-х гг.) и Пахомия Логофета (выступившего позже как редактор) [1]. Это Житие в дальнейшем неоднократно перерабатывалось и дополнялось, в частности, в начале XX века — архиепископом Никоном Рождественским, чей труд переиздавался и в наше время. В памятниках эпохи Куликовской битвы, прежде всего в «Сказании о Мамаевом побоище», также запечатлён образ Сергия. Он проходит красной нитью в летописях Свято-Троицкого монастыря, чрезвычайно важен в «Сказании...» Авраамия Палицына об осаде монастыря в эпоху Смутного времени.

В русской литературе образ преподобного Сергия многократно создавался в прозе: Л.А. Чарской — «Святой отрок», «Один за всех»; Б.К. Зайцевым — «Преподобный Сергий Радонежский»; И.С. Шмелёвым — «Богомолье», «На Куликовом поле»; Д.М. Балашовым — «Ветер времени», «Святая Русь. Книга вторая. Сергий Радонежский»; В.Н. Крупиным — «Великорецкая купель» и др. В поэзии художественно значимый, ориентированный на Житие образ паломничества в Троице-Сергиев монастырь Иоанна Грозного перед походом на Казань создал М.М. Херасков в поэме «Россияда». Стихи о преп. Сергии и его Лавре писали М.Ю. Лермонтов («Нищий»), С.М. Соловьев («Сергий Радонежский»), Ю.И. Минералов («Сергий»), иеромонах Варнава (Санин) («Святая крепость. Сергий Радонежский») и др.

Значительный всплеск интереса к эпохе преподобного, наиболее выдающимся историческим событием которой стала Куликовская битва, произошёл в конце 1970-х годов, в преддверии 600-летия победы русских войск в этом сражении. Среди вышедших произведений этого периода, создающих образ Сергия Радонежского, выделяется роман Ю.М. Лощица «Дмитрий Донской» (1980, многократно переиздан).

Именно в это время, по авторскому свидетельству, в 1976–1980-х годах, Т.К. Зильфикаров работал над своей поэмой «Откровения Сергия Радонежского», что подчёркивает и прямое авторское посвящение — «К 600-летию битвы на Куликовом поле». Поэма была опубликована позже и, по крайней мере, трижды переиздавалась. Напечатанная в книге «Первая любовь ходжи Насредина» [8], поэма завершала это издание, название которого, возможно, маскировало не вполне «легальную» ещё, даже для времени так называемой перестройки, тему русской святости и религиозной истории. Следующее издание — в книге «Лазоревый странник. Песнопения Руси и Азии» [6]. Здесь поэма «Откровения Сергия Радонежского» наряду с предшествующей ей

«Поэме о князе Михаиле Черниговском» (где поэтически изображаются более ранние события начала монголо-татарского ига) открывает книгу избранного. Оба эти произведения, очевидно, особо значимые для автора, в 2009 году открывали уже 7-томное собрание сочинений поэта [7].

Характерно и специфично для Т. Зильфикарова уже название произведения, фактически большого поэтического цикла, — «Откровения Сергея Радонежского». Согласно Словарю В.И. Даля, «Откровение ср. открытие, открыв, бол. в переносн., знч. просветление свыше, открытие истин, до коих человек умом своим не доходит; зачатки понятий и убеждений духовных или нравственных. *Вера в Бога и в будущую жизнь дана нам откровением, самая совесть человека есть откровение. Откровение пророков* — вдохновение, наитие, вразумление свыше. *Откровение свят. Иоанна Богослова* — Апокалипсис. *Иные верят в откровение чрез сны и чрез видения. Некоторая степень откровения проявляется в снобдении*» [4: стлб. 1896].

Очевидно, поэт силой вдохновения пытается проникнуть, конечно, с опорой на художественную условность, во внутренний мир подвижника, уловить его «завет», смысл жизни и деятельности. Это тем более парадоксально, что преп. Сергей, как известно, не оставил после себя никаких текстов, в отличие от ряда других древнерусских писателей и проповедников (свв. Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Максима Грека и многих других). Он старался мало говорить, любил безмолвие. Хотя в житии преподобного и запечатлены некоторые его краткие высказывания, к Сергию привлекала сама его *личность*, а не слово как проповеднический или литературный дар. В этом, быть может, проявилась одна из наиболее ярких граней служения *преподобного*, во всем старавшегося, уже по одному монашескому выбору и званию, *уподобиться* Спасителю, Который, как известно, в 30-летнем возрасте вышел на проповедь, но Сам ничего не писал. Синоптические Евангелия, содержащие слова Иисуса Христа, — творение Его учеников-апостолов, а главной Ценностью («Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6)) стала Сама *Личность* Богочеловека. В этой связи предложить читателю не просто литературное переложение жития святого, которое создавалось в русской литературе, а *откровения* святого такого масштаба, да ещё склонного к молчанию, уже само по себе является актом художественной смелости, может быть, дерзновенности творческой задачи.

С другой стороны, поэма перекликается не только с переложением древнерусского жития князя-мученика («Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора») — упоминавшейся «Поэмой о князе Михаиле Черниговском» или с другими поэмами писателя, разворачивающими христианские мотивы, темы древнерусской истории («Песни Дионисия Богомаза», «Троица протопopa Аввакума», «Исповедь Ивана Грозного»). Слово *откровение* использовано и в названии другой поэмы, воплощающей тему Востока и восточной, среднеазиатской, культуры и литературы («Книга откровений Омара Хайяма»). Это подчёркивает художественную условность такого рода «откровений», далеко отстоящих от собственно сакральности, особую роль авторской субъективности.

Важен и вводимый уже через заглавие жанровый компонент апокрифа (ср.: «Книга детства Иисуса Христа» Т.К. Зульф리카рова). Наиболее известный христианский апокриф, получивший в Древней Руси широкое распространение и воздействующий на русскую культуру и в XX веке (ср.: эпопею А.Н. Толстого «Хождение по мукам»), и до сегодняшнего дня, — «Хождение Богородицы по мукам» — имеет и другое название: «Откровение Пресвятой Богородицы». В этой связи в произведение ассоциативно вводятся мотивы тяжких, «адских» страданий, но и надежды на бесконечное милосердие Матери Божией и её ходатайства перед Своим Сыном за грешников, за землю Русскую:

О Богородица!..
 Скорей покрой златую Русь своим покровом снежным святым
 платом омофором
 Чтоб стало на Руси светло
 Чтоб стало на Руси тепло... [7: с. 48]

Переосмысление нестеровских осенних пейзажей («златая Русь» ассоциативно, с учётом Сергиевской темы, — «Видение отроку Варфоломею»), молитв в преддверии праздника Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября н. ст.), соединяется с апокрифическими мотивами посещения Богородицей «ада» — тяжело страдающей Русской земли. Вероятно, лирический пассаж соотнесён с отмечающимся перед Покровом Днём преставления преп. Сергия (8 октября н. ст.), почти совпавшим с днём его именин (21 октября н. ст.), а это включает в контекст художественных ассоциаций уже не апокриф, а действительное явление Богоматери преподобному Сергию, что нашло богатое отражение в иконографии. Почти полное отсутствие знаков препинания в приведённом фрагменте, как и во всей поэме, длина строки, не укладывающаяся в книжный формат, характерные повторы, многоточие подчёркивают особый характер поэтического слова Т.К. Зульф리카рова, ориентированного на плач, заклинание, молитву — жанры, связанные с эмоциональностью особой силы и выразительности. Ср. «Плач»:

И плачу посреди Руси
 И стражду посреди Руси
 И возлагаю посреди Руси
 О Господь в травах палых хладных в травах скошенных Господь
 о упаси
 Ой, упаси среди Руси! [7: с. 54]

Слово *откровения* в парадоксальном применении к «молчальнику» Сергию может вызвать также ассоциации с некоторыми историко-богословскими концепциями личности преподобного. Так, Георгий Федотов подчёркивал «мистику» преподобного Сергия [11: с. 176], соотносил её (т. е. «видения», «откровения», духовный опыт) и «политику». Б.К. Зайцев в сопоставлении преп. Сергия и св. Франциска Ассизского, наоборот, подчёркивает «немистичность» и «неэкстатичность» русского подвижника, которого, согласно писателю, отличало «тихое делание», но не прямое миссионерство [4]. *Откровения* в применении к личности Сергия в поэме Т.К. Зульф리카рова гораздо более являют собой печать

авторского стиля, с присущей ему эмоциональностью, стилизацией плача, заклинательности, влияния литературы Востока, чем личность Преподобного.

Поэма «Откровения Сергия Радонежского», как отмечалось, в целом не является ни поэтическим переложением жития святого, ни реализацией свойственного беллетристике стремления «заглянуть» во внутренний мир персонажа, передать, пусть и не претендуя на достоверность, его мысли, мотивы поведения, слова. Вместе с тем нельзя не заметить, что в произведении через название, эпитафьи, ряд мотивов, связанных с поэтическим воплощением темы монашества, событий истории Древней Руси, через творческое переосмысление открытий русской поэзии (цикл А.А. Блока «На поле Куликовом» и др.), круг причудливых, символических ассоциаций создаётся образ преподобного Сергия, величайшего русского святого, Игумена земли Русской.

Исторический ракурс задаётся двумя эпитафиями, их роль особенно важна на фоне доминирующей, броской, неожиданной и «субъективной» образности произведения. Первый — слова А.С. Пушкина: «Мы обязаны монахам нашей истории, следовательно, и просвещением...» («Заметки по русской истории XVIII века»). Второй — из Ф.И. Тютчева: «Есть в этих формах, так глубоко исторических, в этом мире византийско-русском, где жизнь и верослужение составляют одно, — в этом мире столь древнем, что даже Рим, в сравнении с ним, пахнет новизною, есть во всем этом для человека, снабженного чутьём для подобных явлений, величие поэзии необычайное...» [7: с. 43].

В образной ткани поэмы Т.К. Зульфикаров не стремится сколько-нибудь следовать реалиям эпохи, когда жил преподобный Сергий. Наоборот, очевидно, масштаб личности святого, его колоссальная созидательная деятельность позволяют увидеть через призму его образа всю Русь — Россию, и до него, и после. Так, в начале поэмы неоднократно упоминается Ярославна («Слово о полку Игореве»), князь Игорь. Уже в первых строках задана военная тема, используется анахронизм — слово «рекрут», относящееся уже к XVIII веку, Петровской эпохе: «Всяк тут *рекрут*, солдат, по могиле собрат...» [7: с. 43]. Другой фрагмент называется «Тысячелетие Крещения» и переносит временной план уже в наше время, в конец XX века, 1988 год. Название фрагмента «Вечность» говорит само за себя.

Характерно, что Сергий в поэме впрямую практически нигде не упоминается. К миниатюре «Песнь матери перед битвой», очевидно — Куликовской, но с символическим, обобщающим разворотом, предпослан эпитафья: «Многим плетутся венки мученические... *Сергий Радонежский*» [7: с. 74]. Однако некоторые «главы» поэмы всё же дают возможность, наряду с другими планами внутренней формы произведения, выстроить пунктирную линию жития преподобного. «Монах и Бог» — выбор жизненного пути; «Молитва у Плещеева озера» — неоднократные посещения Переславля Залесского, в частности, участие в княжеском съезде незадолго до Куликовской битвы; «На дальнем полуострове Афон...» — возможно, послание Константинопольского Патриарха Филофея и начало общежительной, по образцу Афона и древних монашеских традиций, монастырской жизни; «Богородица» — явление

Пресвятой Богородицы Сергию и его ученику Михею; «Мамай», «Молитва Дмитрия Донского на Куликовом поле», «На поле Куликовом» — события, связанные со знаменитым сражением.

Есть и другие значимые содержательные планы, ассоциативно разворачивающиеся в поэме. Завершают её два своеобразных цикла: произведения-иконы («Параскева-Пятница», «Николай Чудотворец Мирликийский», «Иоанн Лествичник», «Афанасий Афонский», «Николай-угодник») и Священная История и Земная Жизнь Спасителя («Вербное воскресенье», «Гефсиманский сад», «Распятие», «Вознесение» — линия, завершающая произведение). Они создают важнейшие в смысловом плане иконописные и литургические ассоциации [10], а с другой стороны, учитывая заглавие и тематику, по-новому воплощают образ Преподобного, следующего за Христом и введённого Им в Царствие Небесное.

Итак, поэма Т.К. Зульф리카рова «Откровения Сергия Радонежского», написанная в конце 1970-х годов в преддверии 600-летия Куликовской битвы, неоднократно переизданная, фактически открывавшая его «Избранное» и Собрание сочинений, несомненно, является одним из характерных и художественно наиболее значимых произведений писателя. Заглавие и стилевые особенности его таковы, что в круг художественных ассоциаций, воплощающих образ Преподобного и образ земли Русской, включаются не только произведения русской литературы, в первую очередь эпохи Куликовской битвы, но и XX века (Б.К. Зайцева, И.С. Шмелёва), а также апокриф («Откровение Пресвятой Богородицы»), русский фольклор и словесность Востока. Важнейшей составляющей внутренней формы поэмы становятся развёрнутые словесные образы икон, а также Мистерия Боговоплощения, Крестных Страданий и Воскресения Спасителя — тот центр, который и определял жизнь и мирозерцание Игумена земли Русской. Его образ многогранно, с яркими чертами авторской субъективности и художественного синтеза [10] воплощён в поэме Т.К. Зульф리카рова «Откровения Сергия Радонежского».

Библиографический список

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 6: XIV – середина XV в. СПб.: Наука, 1999. 583 с.
2. *Борисов Н.С.* Сергей Радонежский. 5-е изд. М.: Мол. гвардия, 2014. 298 [6] с.: ил. (Жизнь замечательных людей; вып. 1463).
3. *Голубинский Е.Е.* Преп. Сергей Радонежский и созданная им Лавра // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., посл. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов В.В. Колесова и Т.П. Рогожниковой. М.: Сов. Россия, 1991. С. 149–191.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: А/О ИГ «Прогресс», «Универс», 1994. 912 с.
5. *Зайцев Б.К.* Преподобный Сергей Радонежский // Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Терра, 1993. С. 15–70.
6. *Зульф리카ров Т.К.* Лазоревый странник. Песнопения Руси и Азии. М.: Мол. гвардия, 2002. 543 с.

7. *Зульфикаров Т.К.* Откровения Сергия Радонежского // Зульфикаров Т.К. Сочинения: в 7 т. М.: Худ. лит., 2009. С. 33–94.
8. *Зульфикаров Т.К.* Первая любовь ходжи Насреддина. М.: Сов. писатель, 1989. 711 с.
9. *Ключевский В.О.* Значение преп. Сергия для русского народа и государства // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., посл. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов В.В. Колесова и Т.П. Рогожниковой. М.: Сов. Россия, 1991. С. 259–272.
10. *Минералова И.Г.* Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма: учеб. пособие. М.: Флинта – Наука, 2011. 256 с.
11. *Федотов Г.* Преподобный Сергий Радонежский // Федотов Г. Святые Древней Руси. СПб.: Держава, Сатис, 2007. С. 161–179.
12. *Флоренский П.А.* Троице-Сергиева лавра и Россия // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., посл. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов В.В. Колесова и Т.П. Рогожниковой. М.: Сов. Россия, 1991. С. 272–286.

References

Literatura

1. Biblioteka literatury' Drevnej Rusi / RAN IRLI; pod red. D.S. Lixacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Pony'rko. T. 6: XIV – sredina XV v. SPb.: Nauka, 1999. 583 s.
2. *Borisov N.S.* Sergij Radonezhskij. 5-e izd. M.: Mol. gvardiya, 2014. 298 [6] s.: il.
3. *Golubinskij E.E.* Prep. Sergij Radonezhskij i sozdannaya im Lavra // Zhizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo / Sost., posl. i komment. V.V. Kolesova; podgot. tekstov V.V. Kolesova i T.P. Rogozhnikovoj. M.: Sov. Rossiya, 1991. S. 149–191.
4. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka: v 4 t. T. 3. M.: IG «Progress», «Univers», 1994. 912 s.
5. *Zajcev B.K.* Prepodobny'j Sergij Radonezhskij // Zajcev B.K. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. M.: Terra, 1993. S. 15–70.
6. *Zul'fkarov T.K.* Lazorevy'j strannik. Pesnopeniya Rusi i Azii. M.: Mol. gvardiya, 2002. 543 s.
7. *Zul'fkarov T.K.* Otkroveniya Sergiya Radonezhskogo // Zul'fkarov T.K. Sochineniya: v 7 t. M.: Худ. лит., 2009. С. 33–94.
8. *Zul'fkarov T.K.* Pervaya ljubov' hodzhi Nasreddina. M.: Sov. pisatel', 1989. 711 s.
9. *Klyuchevskij V.O.* Znachenie prep. Sergiya dlya russkogo naroda i gosudarstva // Zhizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo / Sost., posl. i komment. V.V. Kolesova; podgot. tekstov V.V. Kolesova i T.P. Rogozhnikovoj. M.: Sov. Rossiya, 1991. S. 259–272.
10. *Mineralova I.G.* Analiz xudozhestvennogo proizvedeniya: stil' i vnutrennyaya forma: ucheb. posobie. M.: Flinta – Nauka, 2011. 256 s.
11. *Fedotov G.* Prepodobny'j Sergij Radonezhskij // Fedotov G. Svyaty'e Drevnej Rusi. SPb.: Derzhava, Satis, 2007. S. 161–179.
12. *Florenskij P.A.* Troice-Sergieva lavra i Rossiya // Zhizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo / Sost., posl. i komment. V.V. Kolesova; podgot. tekstov V.V. Kolesova i T.P. Rogozhnikovoj. M.: Sov. Rossiya, 1991. S. 272–286.

В.Н. Колбасин

Игровое начало в творческом методе А.С. Пушкина

Статья посвящена исследованию игрового начала в творчестве А.С. Пушкина. По мнению автора статьи, с помощью игры Пушкин осваивал фольклор, при этом использовал в своей художественной практике не просто отдельные элементы фольклорной системы (как при стилизации), но стремился соответствовать ей целиком, прежде всего в художественном мышлении. Именно так он достигал иллюзии аутентичности фольклорного текста.

The article investigates into the play principle in A. Pushkin's creation. In the author's opinion, by means of play, A. Pushkin mastered folklore not only using certain elements of folklore system in his literary practice for pastiche purposes but also striving for absolute according with this system preeminently in artistic thinking. Thus he created an illusion of the folklore text authenticity.

Ключевые слова: игровая природа творчества; артистизм; взаимодействие литературы и фольклора.

Keywords: play nature of creativity; artistry; interaction of literature and folklore.

Творчество А.С. Пушкина и его уникальную личность часто рассматривают и оценивают с точки зрения таких понятий, как игра и театральность. «Игровой Пушкин» (выражение Ю.М. Лотмана) — это лишь «одна грань многогранной личности Пушкина, но весьма значительная» [6: с. 7]. Однако понимание игрового начала применительно к творчеству и жизни поэта многоаспектно и часто приводит к смешению смыслов. Ещё современники обратили внимание на протеизм Пушкина, имея в виду скорее многообразие его индивидуальности.

Неоднократно говорилось об особенном пушкинском чувстве театра и театральной игры. Так, Вс.Э. Мейерхольд, характеризуя Пушкина-драматурга, заметил в нём режиссёрский дар, поскольку поэт «не только пишет пьесы, но и отвергает каноны предыдущих периодов и пытается создать новую форму. Создавая эту форму, он подсказывает изменение сценической техники, которая необходима при постановках его пьес» [7: с. 421]. Исследуется и игровая природа поведения поэта. Л.И. Вольперт описывает творческое поведение Пушкина как игру по моделям французской литературной традиции, являющейся важным этапом, предваряющим творчество. Но протеизм и игра как специфика творческой деятельности, хотя и имеют общую природу, являются разными проявлениями пушкинского творчества.

Общую природу этих понятий можно определить как артистизм. В современной эстетике, в частности в искусствознании, сам термин весьма размыт.

Артистизм, общеэстетическое качество, своеобразная квинтэссенция художественности, проявляется в различных видах: «от доминирования виртуозности, игрового начала, импровизации до способности парадоксального снятия антинормативной напряженности элементов художественной формы, утверждения ценности сиюминутного переживания, обнаружения граней скрытого, внутреннего артистизма произведения» [12: с. 7]. Литературный текст тогда содержит в себе артистическое начало, когда автор («артист», «артистическая личность») делает установку на виртуозное совершенство художественной формы, на игровое начало как способ творчества, на неожиданность, эмоциональную вспышку, парадокс, сбивающий привычную инерцию восприятия. Поэтому своеобразной антитезой артистизму выступают такие признаки, как приверженность канону, установка на нормативность и правила.

Феномен артистизма позволяет понять способ художественного мышления автора, «механизмы» самого творческого акта, что и выражает суть традиционного понятия «своеобразии авторского художественного мира». Статус артистизма позволяет рассматривать искусство как самобытную деятельность, имеющую цель в самой себе, художника — как творца чисто эстетического акта, а произведение как его результат. Особое значение категория артистизма приобретает тогда, когда исследуются переходные явления в искусстве. Смена эстетических ориентиров, художественных направлений, поиск новых форм всегда осуществляется художественной интуицией, преодолением стереотипов, зачастую эпатажно, через игру и парадокс. Артистическое начало и является той силой, которая даёт импульс для поиска новых приёмов. В их основе всегда можно обнаружить артистическую природу «интуитивной тяги художников к тому, что могло бы ощущаться как победа новой витальности над прежней организацией» [2: с. 166]. Феномен артистизма проясняет «механизмы» той художественной новаторской практики, которая и приводит к инновациям в искусстве. Артистическое начало в первую очередь способствует пониманию соотношения эстетической реальности, сотворенной художником, и «реальной реальности», т. е. жизни, оно помогает понять принципы эстетизации реальности, которая составляет сущность самых различных направлений в искусстве. При этом важно заметить, что проявления артистизма, как и проявления творческого начала вообще, всегда индивидуальны. Именно поэтому артистизм как творческий феномен требует рассмотрения применительно к личности и художественной практике конкретного художника.

А.С. Пушкин в архетипическом сознании давно воплощает истинно артистическую личность. Кроме того, с точки зрения культурно-исторического контекста именно Пушкин в своей художественной практике окончательно осуществил переход от нормативной эстетики к принципам свободного творчества. Поэтому феномен артистизма в первую очередь обнаруживается в его творческой деятельности, чётко проявляется в её результатах.

Но понятие артистизма не абстрактно. Сущность его составляют конкретные категории, которые требуют обоснования применительно к творческой индивидуальности Пушкина. Так, следует прояснить понятия театральности и игры.

Театральность проявляется прежде всего в поведенческой сфере именно как феномен, противоположный обыденному, бытовому. Театральность подчёркивает условность явления, его знаковую, символическую сущность. Ю.М. Лотман, характеризуя поведение декабриста, утверждает его театрализованную природу: «Поведение получает некоторый сверхбытовой смысл, причём оцениваются не сами поступки, а их символическое значение» [5: с. 338]. Безусловно, в основе театральности лежит принцип игры, но игры особой, которая предполагает некое «отстранение», оглядку на зрителя, воспринимающего всё именно как игру. «Игровой» Пушкин в интерпретации Л.И. Вольперт, «включающийся в игру “по французскому роману” с обитателями этого мира» — это Пушкин как воплощение театральности: он «одновременно наблюдает их и себя как бы со стороны» [2: с. 10].

Игровая поведенческая сфера проявляется в насыщенном театральностью контексте пушкинской эпохи. Театральность житейского поведения является для Пушкина в рамках общей артистической атмосферы эпохи изысканной формой житнетворчества. Игра, как писал Й. Хейзинга, обеспечивает «выход из рамок привычной жизни во временную сферу деятельности». При этом «представление о “как будто” абсолютно не исключает, что это “ради игры” может протекать с величайшей серьёзностью, даже с самозабвением, переходящим в восторг; тем самым квалификация “как будто” на время полностью снимается» [13: с. 18].

Но театральность повседневной жизни для Пушкина — это то, что Мейерхольд называл «предыгрой», подготавливающей к основному действию — игре в художественном творчестве.

Провозглашённый романтиками принцип искусства как мощного действенного начала, преобразующего и творящего мир, утверждает игру в качестве средства поэтической созидательности. Признаком игрового начала объявлялось вдохновение, которое мыслилось неременным условием артистизма, так как выражало отрешённость от прозаической повседневности. Показательно, что Пушкин связывает вдохновение с самим актом творческого познания, не ограничивает сферой искусства: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» («Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине») [9: с. 354]. Вдохновение провоцирует игровое начало, с которым у Пушкина сопряжено понимание природы творчества. Характерно, что Пушкин сам определил основные принципы игры в художественной практике. Так, он разделял разные типы театрального творчества, размышляя о понятии «правдоподобие драматического искусства»: «И классики, и романтики основывали свои правила на правдоподобии, а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения» (из письма Н.Н. Раевского, июль 1825 г.) [10: с. 169]; «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического

писателя» («О народной драме и о “Марфе Посаднице” М.П. Погодина») [9: с. 318]. Размышления Пушкина о драматическом творчестве выявляют осознание им разной природы театрального искусства: условного (в основе которого «неправдоподобие», собственно театральность, в терминологии современного театра — «искусство представления») и предполагающего «правдоподобие», т. е. перевоплощение («искусство переживания»). Это второе и ведёт, с его точки зрения, к «истине страстей». Если перенести такой принцип драматического искусства на понимание игры, то игра предстаёт в ином аспекте, отличном от театральности, и является моделированием реальности. В этом аспекте происходит иной творческий процесс, связанный с перевоплощением. Не случайно Пушкин употребляет формулу, которую впоследствии возьмёт К.С. Станиславский за основу своей «системы»: «правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах». Игра здесь означает не артистический жест, рассчитанный на внешний эффект, который выразит «неправдоподобную», условную (т. е. внешнюю) театральность, а глубинный «процесс» «чувствований», вызывающий установку на «правдоподобие». Ф.М. Достоевский в очерке «Пушкин» отмечает «результат» подобного «процесса»: «В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду* (курсив Достоевского. — В.К.), доходящее в нём почти до какого-то простодушного умиления» [3: с. 363]; «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством *перевоплощения* (курсив наш. — В.К.) вполне в чужую национальность» [3: с. 365].

На таком принципе игры основана важнейшая часть творческого метода Пушкина. Этот принцип вообще соответствует особенностям литературного творчества. М.М. Бахтин определил это так: «Литература создаёт совершенно специфические образы людей, где *Я* и *другой* сочетаются особым и неповторимым образом: *Я* в форме *другого*, или *другой* в форме *Я*» [1: с. 62]. Причём подобное перевоплощение имело у Пушкина разное выражение. Во-первых, это литературная мистификация. Сложный характер имеет литературная игра с П. Мериме в связи со сборником «Гюзла», являющаяся двойной мистификацией, «высокой и серьёзной игрой больших художников» (по выражению О.С. Муравьёвой) [8: с. 132]. Во-вторых, стилевая игра, отражающая взаимоотношения планов «жизнь — литература», как в «Евгении Онегине» и «Повестях Белкина». И, наконец, игра, имеющая характер особого эксперимента, направленного на освоение иной эстетической системы.

Речь идёт о цикле «Песни о Стеньке Разине», которые были созданы в формах подлинных народных песен. Пушкин не использовал отдельные элементы фольклорной системы (как при стилизации), а стремился соответствовать ей целиком, прежде всего в художественном мышлении. Поэт не ориентировался на конкретные фольклорные источники, а как бы воссоздавал их. Причём первые две «песни» он строил в соответствии как с сюжетами и композиционной структурой подлинного разинского фольклора, так и с жанровой спецификой разинского цикла исторических песен XVII–XVIII веков. Третья «песня» воссоздаётся

на основе жанрового сходства. Пушкин как бы перевоплощается в народного певца, используя все средства выразительности, присущие фольклору. При этом первые две «песни» писались на основании исторических свидетельств — прозаических источников: статьи Я. Стрюйса в «Северном архиве» и записи в «Хронографе», известной С.П. Шевырёву, знакомому Пушкина. На наш взгляд, Пушкину было интересно представить (и самому воплотить), как исторические события становятся народной поэзией. Таким образом, игра помогла проникнуть в иную эстетическую реальность. При этом народная жизнь осознавалась как иная реальность, которую нужно понимать и осваивать.

Пушкин продолжил свой творческий эксперимент, ступив на поле литературной мистификации. В работе над циклом «Песни западных славян», особенно над тремя стихотворениями цикла: «Песня о Георгии Чёрном», «Воевода Милош» и «Яныш Королевич», ориентированными не на конкретные источники, а, подобно третьей песне о Стеньке Разине, на образцы подлинной славянской поэзии, — снова достигается иллюзия подлинности фольклорного текста. «Читая эти стихи, — писал о пушкинском стихотворении «Песня о Георгии Чёрном» И.И. Срезневский, — невольно подумаешь, что они дословно переведены с сербского» [11: с. 11]. При этом Пушкин не только ориентировался на определённые источники сюжетов, жанров, поэтических ресурсов. Принцип игры, «перевоплощения», позволял ему как бы впитывать саму атмосферу фольклорного мира народа, проникать в специфику языка. Если условно «разложить» творческий процесс на этапы, то «погружение» в фольклорный мир было первым и обязательным этапом работы Пушкина над фольклорными источниками его стихотворений. Вторым этапом была ориентация на сюжеты, жанры, стилистические и языковые особенности. А затем вступал в силу дар пушкинского перевоплощения: поэт воссоздавал фольклорный текст своими поэтическими средствами, родившимися в результате глубокого проникновения в фольклорный мир. Это и был ответ на мистификацию Мериме — убедившись в том, что Мериме приводит не подлинные песни (о чём свидетельствует пушкинское предисловие к «Песням западных славян»), он стал корректировать тексты из «Гюзлы» подлинными сербскими песнями, ориентируясь на сборник Вука Караджича, воссоздавая образцы как бы подлинного сербского песенного фольклора.

Примечательно, что исследователи «Песен западных славян» неоднократно пытались объяснить метод работы Пушкина над циклом. Так, О.С. Муравьёва пишет: «В работе над “Песнями” Пушкин стремился создать произведения, имитирующие фольклор с предельной достоверностью. Это приближение к фольклору достигалось за счёт отбора языковых и стилистических средств, а также освоения более глубоких, уже мировоззренческих сущностей. Пушкин смог сам мыслить в рамках фольклорной образности и сделать народные песни как бы фактом своего индивидуального творчества, достигнув сложного взаимодействия внутри одного текста сущностных элементов фольклора и субъективного авторского начала» [8: с. 132]. На наш взгляд, такой результат объясняется

своего рода «правдоподобной» игрой, игровым началом, которое проявляется прежде всего при взаимодействии Пушкина с иными, требующими проникновения и освоения эстетическими системами, — фольклорной, античной, средневековой. Сходный метод использовался и в работе над историческими источниками при создании произведений на исторические темы.

Игровое начало вообще направлено на нарушение рутинности, застылости формы, прямого дидактизма. Пушкин своей художественной практикой разрушал нормативность искусства, утверждая принципы творческой свободы, расширяя возможности литературы, обогащая её иной, новой поэтикой. Он делал это не рациональным путём, как в XVIII веке, когда теоретический манифест предвещал творческую практику, а артистическими методами, которые выводили искусство за грань логики, за рамки привычного, ожидаемого, добиваясь целостности, гармонии искусства. Это привело к преодолению Пушкиным (а через него и всей русской литературой) не только влияния нормативности XVIII века, но и эстетических законов романтизма.

Библиографический список

Литература

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 502 с.
2. *Вольперт Л.И.* Пушкин в роли Пушкина. М.: Языки русской культуры, 1998. 327 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Об искусстве. М.: Искусство, 1973. 632 с.
4. *Кривицун О.А.* Творческое сознание художника. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 360 с.
5. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство—СПБ., 1994. 399 с.
6. *Лотман Ю.М.* Пушкин в роли Пушкина // Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина: творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 4–7.
7. *Мейерхольд Вс.Э.* Пушкин — режиссер // Мейерхольд Вс.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 2: 1917–1939. М.: Искусство, 1968. 644 с.
8. *Муравьёва О.С.* «Гюэзла» и «Песни западных славян» // Мериме – Пушкин. М.: Радуга, 1987. С.114–132.
9. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1975. 508 с.
10. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Худ. лит., 1975. 462 с.
11. *Срезневский И.И.* Замечания об эпическом размере славянских народных песен. СПб.: Академия наук, 1861. 45 с.
12. *Феномен артистизма в современном искусстве.* М.: Индрик, 2008. 520 с.
13. *Хейзинга Й.* Homo ludens. М.: Прогресс – Академия, 1992. 464 с.

References

Literatura

1. *Baxtin M.M.* Voprosy' literatury' i e'stetiki. M.: Xud. lit., 1975. 502 s.
2. *Vol'pert L.I.* Pushkin v roli Pushkina. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1998. 327 s.
3. *Dostoevskij F.M.* Ob iskusstve. M.: Iskusstvo, 1973. 632 s.

4. *Krivczun O.A.* Tvorcheskoe soznanie xudozhnika. M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2008. 360 s.
5. *Lotman Yu.M.* Dekabrist v povsednevnoj zhizni // Lotman Yu.M. Besedy' o russkoj kul'ture. SPb.: Iskusstvo–SPB, 1994. 399 s.
6. *Lotman Yu.M.* Pushkin v roli Pushkina // Vol'pert L.I. Pushkin v roli Pushkina. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1998. S. 4–7.
7. *Mejexol'd V.E.* Pushkin — rezhisser // Mejexol'd V.E. Stat'i, pis'ma, rechi, besedy'. Ch. 2: 1917–1939. M.: Iskusstvo, 1968. 644 s.
8. *Muravyova O.S.* «Gyuzla» i «Pesni zapadny'x slavyan» // Merime – Pushkin. M.: Raduga, 1987. S. 114–132.
9. *Pushkin A.S.* Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 6. M.: Xud. lit., 1975. 508 s.
10. *Pushkin A.S.* Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 9. M.: Xud. lit., 1975. 462 s.
11. *Sreznevskij I.I.* Zamechaniya ob e'picheskom razmere slavyanskix narodny'x pesen. SPb.: Akademiya nauk, 1861. 45 s.
12. Fenomen artistizma v sovremennom iskusstve. M.: Indrik, 2008. 520 s.
13. *Hejzinga J.* Homo ludens. M.: Progress – Akademiya, 1992. 464 s.

Фу Мэйянь

Изучение творчества Н.А. Некрасова в Китае

В статье даётся подробная ретроспектива работ, посвящённых изучению творчества Н.А. Некрасова в Китае, а также рассматриваются переводы произведений писателя на китайский язык. В истории китайского некрасоведения автор выделяет несколько периодов, в течение которых некрасоведы не только осуществили переводы основной части лирики поэта, но также подвергли её многостороннему литературоведческому анализу.

The article gives a detailed retrospective of works devoted to studies of N. Nekrasov's writings in China. The article considers translations of the writer's works into Chinese. In the history of Chinese studies of N. Nekrasov's creation, the author distinguishes several periods during which researchers not only carried out the translation of the major part of the poet's lyrics, but also subjected it to multiparameter literary analysis.

Ключевые слова: переводная литература; русская поэзия; некрасоведение в Китае; изучение русской литературы в Китае.

Keywords: literature in translation; Russian poetry; studies of N. Nekrasov's works in China; studies of Russian literature in China.

Знакомство с Н.А. Некрасовым состоялось в Китае позже, чем с великими русскими поэтами А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым. Между тем его творчество оказало значительное влияние на культуру китайского народа. Появление переводов произведений Некрасова и литературоведческих работ, посвящённых его творчеству, может свидетельствовать о возрастании интереса к творчеству писателя. Однако стоит отметить, что этот интерес не был стабилен. Согласно этому выделяем четыре этапа в истории постижения некрасовской поэзии в Китайской Народной Республике: первый — 1918–1966; второй — 1966–1976; третий — 1976–1991; четвёртый — 1991–2013 годы. В целом выделенные периоды мы можем соотнести со следующими этапами возрастания / убывания интереса китайских филологов к творчеству поэта: «выше» – «ниже» – «выше» – «ниже».

Появление интереса к поэзии Н.А. Некрасова в кругах прогрессивной китайской интеллигенции относится ко времени «Движения 4 мая» (4.05.1918 г.), именно тогда была отмечена важная роль некрасовской поэзии в осуществлении революции в России. Таким образом, в первый период вплоть до середины XX века отмечается восходящая динамика в изучении творчества писателя.

В 1918 году известный китайский революционер Ли Дачжао написал статью «Русская литература и революция», в которой дал высокую оценку творчеству

Некрасова: «Безусловно, Н.А. Некрасов занимает первое место среди революционеров-демократов. Он пишет не для людей высшего класса, а для простого народа, описывает их подлинную жизнь, их чувства, настроения и мечты» [2: с. 5] (здесь и далее перевод наш. — Ф.М.). Давая оценку эстетической стороне поэзии, Ли Дачжао считал, что «наверное, его стихотворения не так красиво звучат, но это никак не может сказаться на глубине их мысли. Он пишет народным языком, чтобы его стихи были понятны и простым читателям. Некоторые его стихи стали народными песнями, поются повсюду в России» [2: с. 6]. Надо сказать, что оценка Ли Дачжао была относительно справедливой: в современной России песни на стихи Некрасова по-прежнему популярны. В частности, он подчеркнул огромное влияние поэзии Некрасова на российское общество: «Влияние поэта на тогдашнее общество при его жизни было значительное. Когда он умер, на его похоронах присутствовало огромное количество молодёжи и студентов» [2: с. 6]. Похороны поэта были словно торжественная церемония. На кладбище выступил Ф.М. Достоевский, сравнивший Н.А. Некрасова с А.С. Пушкиным. Послышались возгласы: «Выше!» [1: с. 473].

В 1925 году поэт и критик Лю Яньлинь написал научную работу «Некрасов и его стихотворения», в которой подробно рассматривал жизнь и творчество поэта. Автор сопоставил творчество Некрасова и Пушкина. В их творчестве представлены совершенно разные образы: образы героев А.С. Пушкина воспринимались им как слишком идеалистические, в то время как образы Н.А. Некрасова — яркие и контрастные. Лю Яньлинь полагал, что образы Н.А. Некрасова «сравнимы с кровью на жемчужине... Кажется, что форма стихов Пушкина более изящна, чем у Некрасова, но мысль стихов Некрасова резче. Пушкин — дворянин, у него меньше жизненного опыта, так что его стихотворения только для высшего общества России, никогда не знавшего страданий людей низшего слоя» [3: с. 2–3]. По мнению критика, именно Н.А. Некрасов является тем поэтом, который услышал «стон» простого народа. Он «описывает ямщиков, огородников, солдат, проституток, крестьян и других представителей народа, рассказывает об их тяжёлой жизни. Подобная тема впервые так явно появилась в русской литературе» [3: с. 3]. Лю Яньлинь, изучая художественные особенности творчества Некрасова, пришёл к выводу, что «во всяком случае идеи его поэзии лучше, чем ее форма, это бесспорный факт. Но это можно считать как недостатком поэзии Н.А. Некрасова, так и её преимуществом. Тщательное изучение творчества поэта показало, что его глубокое сопереживание страдающим людям, его чистый простой народный русский язык является национальным сокровищем» [3: с. 4–5]. Работа Лю Яньлиня внесла большой вклад в изучение творчества Некрасова в Китае, хотя мнение относительно слабой формы (при глубоком содержании) его стихов давно отвергнуто на родине поэта.

С 1930-х годов в Китае начали переводить стихотворения Н.А. Некрасова. Во многом это связано с тем, что 18 сентября 1931 года Япония вторглась в Китай, а китайская политическая партия Гоминьдан проводила военные

карательные походы против китайской Красной армии. В этот период страна переживает тяжелейшую катастрофу. Только что появившиеся переводы поэм Н.А. Некрасова оказались созвучны по своей энергии поэзии Древнего Китая и потому вызвали широкий резонанс в обществе.

В 1934 году Мэн Шиньхуан сделал перевод поэмы «Мороз, Красный Нос». В послесловии к изданию он писал: «Русский народ, особенно крестьяне, и их страдания — вот основная тема поэзии Некрасова. Его любовь к народу красной нитью пронизывает всё творчество писателя с самого раннего периода. Герои его произведений редко плачут, они — тихие, добрые, иногда весёлые труженики. Создавая их образы, автор прибегает не столько к своему воображению, сколько к самой жизни. Некрасов утверждает могучую силу русского народа» [4: с. 1–2]. Мэн Шиньхуан переводил поэму с оригинала, то есть с русского языка, поэтому мы можем говорить о достаточной точности и верности его перевода. Следует отметить, что название поэме на китайском языке дал великий китайский писатель Лу Синь.

В 1934 году известный переводчик и общественный деятель Чу Тунан перевёл поэму «Кому на Руси жить хорошо» с английского языка. Он высоко оценил мастерство поэта: «“Кому на Руси жить хорошо” является удивительным творением поэта. Стиль поэмы напоминает народную песню. В этом произведении воплощены исконные, вечные черты русского национального характера, его незыблемые нравственные устои, а также народное горе и народное счастье. Н.А. Некрасов — первый, кто в истории русской поэзии поёт о простых людях — крестьянах, тружениках, нищих и бродягах, — подобно тому как Гомер сердечно пел о героях и воинах. В этом смысле поэма воспринимается как народная эпопея, которая не только может сравниться с эпопеей Гомера, но, быть может, даже лучше» [5: с. 1–2]. Чу Тунан считал, что Н.А. Некрасов — истинный поэт, не боявшийся насилия и репрессий царского режима, что поэт своими произведениями разбудил самосознание народа, воодушевил его на борьбу за прекрасное будущее.

9 декабря 1935 года вспыхнуло студенческое движение против японской агрессии. 1 июля 1936 года прогрессивными студентами Пекинского университета было создано «Литературное общество», которое опубликовало множество произведений революционной поэзии и прозы. В первом же журнале этого общества была напечатана поэма Н.А. Некрасова «Дедушка» в переводе Ин Линя. Примечательно, что автор специально изменил название поэмы. На волне народных настроений она вместо названия «Дедушка» получила название «Огонёк» (огонь народного возмущения).

После освобождения Китая от японских захватчиков переводов произведений Некрасова стало больше. И почти все переводы были осуществлены непосредственно с русского языка. В начале 1950-х годов в журнале «Гражданская литература» были опубликованы стихотворения «Несжатая полоса» в переводе Чен Хуймина, «На Волге» и «Замолкни, Муза мести и печали!...», переведённые Манн Тао.

В 1956 году вышла из печати поэма «Русские женщины» в переводе Лин Ниянсун. А в 1962 году Фэй Бэям перевёл поэму «Коробейники».

Однако уже в середине 1960-х годов наблюдается охлаждение интереса к изучению советской литературы в КНР. В связи с этим переводы Некрасова, а также научные работы, посвящённые его творчеству, стали появляться всё реже и реже. И в период Культурной революции (1966–1976) не происходит каких-либо существенных изменений.

Следующий подъём интереса к творчеству Н.А. Некрасова начался в 80-е годы XX века. Это время назвали «золотым веком» некрасоведения в Китае. В 1980-м и 1985 годах вышли два издания избранных стихотворений поэта: одно — в Шанхае, в переводе Вэй Хуануна, другое — в Чанше, в переводе Тин Лу. В этот же период появляются две монографии о поэте: «Некрасов», написанная Ган Юйинцзэ, и «Предварительное исследование Некрасова», принадлежащая Вэй Хуануну. В разных изданиях по истории русской литературы также появляются отдельные главы, посвящённые поэту. По имеющимся данным, библиография научных работ о Н.А. Некрасове в период с 1979-го по 1989 год насчитывает примерно 30 статей. Это ещё раз подтверждает, что был сделан значительный шаг вперёд в изучении творчества поэта.

В 1982 г. Лю Гопин написал статью «Трогательная русская душа: поэма “Русские женщины”», центром которой явился анализ образов главных героинь. Обращаясь к прошлому, Н.А. Некрасов размышлял о современности. В героинях эпохи декабристов поэт искал и находил черты, которые сближали их с русскими женщинами 60–70-х годов XIX века. Воссоздавая в поэме подвиг Екатерины Ивановны Трубецкой и Марии Николаевны Волконской, Н.А. Некрасов открывал новые грани национального женского характера. Душевная щедрость, стойкость и мужество перед лицом страданий и лишений, чувство долга и верность объединяют на нравственном уровне некрасовских княгинь и крестьянок в единое понятие «русские женщины». По мнению исследователя, писатель определяет своих героинь именно как «русских женщин» потому, что они являются носителями той самой русской души, которой так восхищался А.С. Пушкин.

В золотой век некрасоведения учёные не только исследовали поэмы Н.А. Некрасова, но также уделяли много внимания его стихотворениям. Цю Чженьшэн, изучая стихотворения поэта, особое внимание обращал на любовную лирику. В 1986 году он написал статью «Некоторые обойдённые стороной вопросы биографии Н.А. Некрасова», в которой коснулся любовных переживаний в жизни писателя. В 1986 году выходит его статья «Любовная лирика и история любви Н.А. Некрасова», в которой освещается история взаимоотношений писателя с Авдотьей Яковлевной Панаевой. В ней литературовед познакомил китайских читателей с посвящёнными ей стихотворениями.

Необходимо отметить, что среди вышеназванных исследователей особого внимания заслуживает профессор Пекинского университета Вэй Хуанун.

Он внёс выдающийся вклад не только в переводы произведений поэта, но и в их анализ: он подготовил первую монографию о Н.А. Некрасове, которая до сих пор считается лучшей научной книгой для изучения жизни и творчества поэта. По сравнению с его монографией книга Ган Юйинцэ была менее подробна и глубока. С точки зрения китайских исследователей, Вэй Хуанун в своей монографии серьёзно исследовал жизненный и творческий путь Некрасова, проанализировал его главные стихотворения разных периодов. Говоря о прогрессивном идеологическом значении его поэзии, исследователь одновременно подчёркивал значительные новации в тематике, языке и творческом подходе писателя: «Сочетание прозаического языка с поэтическим языком не только не уменьшило красоту поэзии Некрасова, но и придало ей уникальность и необыкновенность». Им также написано много значительных научных статей о поэте: «Некрасов и Маяковский», «Некрасов: певец печали и гнева», «Некрасов и советская поэзия», «Некрасов и Тургенев» и т. д. В этих статьях профессор рассмотрел эстетические взгляды поэта, его творческий метод, а также влияние его творчества на других писателей. В 1980 году им был издан перевод «Избранных стихотворений Некрасова», в 1985 году была опубликована обновленная версия этой книги. После этого Вэй Хуанун перевёл трёхтомное собрание сочинений Н.А. Некрасова с русского языка на китайский. Все статьи, написанные исследователем на протяжении жизни, объединены в книгу «О Некрасове» (Вэй Хуанун. О Некрасове. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2008. 282 с. 魏荒弩: 《论涅克拉索夫》, 北京: 北京大学出版社, 2000年.). Долгое время именно эта книга была наиболее авторитетной работой о великом поэте в китайских научных кругах.

В конце 1980-х годов во многих изданиях по истории русской литературы, составленных китайскими филологами, были отведены отдельные главы жизни и творчеству великого поэта. Например, Сюй Яфан в книге «История русской поэзии» (1989) обратила особое внимание на поэзию Н.А. Некрасова. Исследователь разделила творчество поэта на три периода: первый период — творчество 1840-х годов; второй период — творчество 1850–1860-х годов; третий период — творчество 1870-х годов. Автор книги характеризует каждый из этих периодов. В 1840-е годы Некрасов в русле гоголевской натуральной школы изображает в своих произведениях подлинную жизнь крестьян и городских бедняков. В 1850-е и 1860-е годы в его поэзии усиливаются гражданская направленность, любовь к народу и ненависть к его угнетателям. Творчество 1870-х годов пронизано пафосом борьбы за будущую счастливую жизнь. В течение тридцати лет «судьба народа» являлась центральной темой творчества поэта.

После 1890-х годов интерес к изучению поэзии Н.А. Некрасова в Китае переживает упадок. С расцветом теории формализма китайские филологи сосредоточили свои научные интересы на форме стихотворения. Многие учёные считают, что эпоха Н.А. Некрасова уже прошла. В период золотого века все наиболее значительные стихотворения были переведены с русского

на китайский язык. Однако Н.А. Некрасов далеко не только поэт, но и прозаик и драматург. К сожалению, до сих пор его прозаические и драматические произведения не были переведены.

Научных статей в это время также было немного. Появились две магистерские диссертации. Первая из них — «Женские образы в творчестве Н.А. Некрасова» — была защищена в Шанхайском университете иностранных языков Чжаном Юнхуа. Вторая — «Народный дух в творчестве Н.А. Некрасова» — Ван Хуйчжен в Шандунском университете. Кроме того, стоит упомянуть научную статью Ли Мэнь «Несколько поворотов в ранней поэзии Некрасова», в которой автор приходит к выводу: «Несмотря на то, что в конце 1840-х годов Н.А. Некрасов был еще молодым человеком, а его поэзия получила широкое признание только в 1850–1860-е годы, стихотворение «Еду ли ночью по улице темной» можно считать уже поворотом к зрелому творчеству. Если в первый период своего творчества (1838–1847) Некрасов стремился найти подходящую для себя тему в литературе, свой жанр и стиль, то на втором этапе, уже при найденном направлении, уровень поэзии поднялся на новую высоту» [6: с. 81].

Обобщая столетнюю историю некрасоведения в Китае, можно сказать, что, с одной стороны, китайские исследователи добились определённых достижений, но с другой — перед ними по-прежнему стоят некоторые проблемы. Во-первых, следует отметить, что творчество Некрасова не до конца изучено. Даже в период золотого века исследования творчества писателя уступали изучению творчества других выдающихся русских поэтов и прозаиков — А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других. Во-вторых, литературоведческие работы касались исключительно одного узкого направления поэтического творчества писателя — основное внимание некрасоведов было сосредоточено на изучении его поэм («Русские женщины», «Мороз, Красный Нос», «Кому на Руси жить хорошо» и т. д.), а изучение его лирики, особенно любовной, осталось в стороне. В-третьих, филологи больше внимания уделяли революционному содержанию поэзии Н.А. Некрасова, в то время как о её художественной стороне говорили мало.

В заключение следует сказать, что расцвет изучения творчества Н.А. Некрасова остался в прошлом. В настоящее время некрасоведение почти стоит на месте. Но именно такое положение ясно показывает, что традиционная модель исследования исчерпала себя. Она не может дать более широкого представления о творчестве поэта, при подобном подходе от внимания читателей ускользает эстетическая сторона творчества Н.А. Некрасова. Видимо, для того чтобы некрасоведение перешло на новый этап, необходимо найти в наследии поэта что-то созвучное современной жизни китайского общества.

Библиографический список

Литература

1. История русской литературы XIX века: учеб. пособие для старших классов школ гуманитарного профиля [А.И. Журавлёва, Г.В. Зыкова, В.Б. Катаев, М.С. Макеев, И.В. Матейуняйте, А.А. Пауткин; отв. ред. А.И. Журавлёва]. М.: Изд-во Моск. ун-та, ЧеРо, 2006. 688 с.
2. *Ли Дачжао*. Русская литература и революция // Народная литература. 1979. № 5. С. 3–7. (李大钊: 《俄罗斯文学与革命》, 载《人民文学》, 1979年第5期, 第3–7页。)
3. *Лю Яньлин*. Некрасов и его стихи // Ежемесячный роман. 1925. № 16. С. 1–26. (刘延陵: 《一个白衣素冠之客——奈可弱索夫和他的诗》, 载《小说月报》, 1925年第16卷, 第1–26页。)
4. *Мэн Шиньхуан*. Послесловие // Некрасов Н.А. Мороз, Красный Нос. Шанхай, 1934. С. 125. (孟十还: 《后记》/《严寒, 通红的鼻子》, 上海: 文化生活出版社, 1934年。)
5. *Чу Тунан*. Предисловие // Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Пекин, 1934. С. 971. (楚图南: 《题记》/《在俄罗斯谁能快乐而自由》, 北京: 商务印书馆, 1939年。)
6. *Ли Мэнь*. Несколько поворотов в ранней поэзии Некрасова // Зарубежная литература. 1996. № 1. С. 80–86. (李萌: 《涅克拉索夫早期诗歌创作中的几个转折点》, 载《国外文学》, 1996年第1期, 第80–86页。)

References

Literatura

1. Istoriya russkoj literatury' XIX veka: ucheb. posobie dlya starshix klassov shkol gumanitarnogo profilya [A.I. Zhuravlyova, G.V. Zy'kova, V.B. Kataev, M.S. Makeev, I.V. Mateyunajte, A.A. Pautkin; отв. red. A.I. Zhuravlyova]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, CheRo, 2006. 688 s
2. *Li Dachzhao*. Russkaya literatura i revolyuciya // Narodnaya literatura. 1979. № 5. S. 3–7. (李大钊: 《俄罗斯文学与革命》, 载《人民文学》, 1979年第5期, 第3–7页。)
3. *Lyu Yan'lin'*. Nekrasov i ego stixi // Ezhemesyachny'j roman. 1925. № 16. S. 1–26. (刘延陵: 《一个白衣素冠之客——奈可弱索夫和他的诗》, 载《小说月报》, 1925年第16卷, 第1–26页。)
4. *Me'n Shin'xuan*. Posleslovie // Moroz, Krasny'j Nos. Shanxaj. 1934. S. 125. (孟十还: 《后记》/《严寒, 通红的鼻子》, 上海: 文化生活出版社, 1934年。)
5. *Chu Tunan*. Predislovie // Komu na Rusi zhit' xorosho. Pekin, 1934. S. 971. (楚图南: 《题记》/《在俄罗斯谁能快乐而自由》, 北京: 商务印书馆, 1939年。)
6. *Li Me'n'*. Neskol'ko povorotov v rannej poe'zii Nekrasova // Zarubezhnaya literatura. 1996. № 1. S. 80–86. (李萌: 《涅克拉索夫早期诗歌创作中的几个转折点》, 载《国外文学》, 1996年第1期, 第80–86页。)

О.В. Казаченко

Проблема заимствований как фактор изменения языкового сознания

В статье рассматриваются проблемы заимствований и их массового вхождения в лексику языка. Полное отсутствие мотивированности таких слов не позволяет носителям русского языка точно определить их понятийное поле, что расшатывает центральные значения лексики, входящей в ядро языка. Большое количество немотивированных слов-заимствований влияет на русское языковое сознание, изменяя этнический образ мира, который формировался и развивался в течение многих веков.

The article deals with the problems of borrowings and their mass entry into the lexis. The total absence of motivation of such words hinders Russian speakers from specifying their conceptual field which undermines the main meanings of the lexicon constituting the core vocabulary. A large number of unnecessary word-loans affects Russian linguistic consciousness and changes the ethnic world-image, which has been formed and developed for many centuries.

Ключевые слова: языковая картина мира; внутренняя форма слова; ядерная лексика; языковое сознание; заимствования.

Keywords: linguistic world-image; internal word-form; core vocabulary; linguistic consciousness; borrowings.

В мире существуют сотни языков, и все они служат человеку в его общении, накоплении и передаче информации. Не может быть языка без человека, однако и человек без языка не является в полном смысле Человеком. Можно предположить, что глагол «служит» даёт нам несколько ложное представление о роли языка в нашей повседневной жизни. Мы как-то слишком привыкли к нему, используем слишком вольготно, совершенно не задумываясь о том, что язык — это дар, Дар Речи. Мы не будем вдаваться в вопросы, которые не решены и по сей день, — как появился язык и как люди на ранних стадиях развития общались друг с другом. Большинство теорий происхождения языка и речи, при всех доказательствах, приводимых сторонниками различных точек зрения, вряд ли способны выдержать критику. Более того, европейская теория развития процессов — от простого к сложному,

как нам кажется, не совсем верна, потому что с её помощью нельзя ответить на один из важнейших вопросов развития человечества: с какой целью, при всей незамысловатости быта и жизни людей, создавались великолепные произведения искусства, строились сооружения, до сих пор занимающие наше воображение. Мы до сих пор не можем понять, как достигалось столь безупречное совершенство при скудости знаний и средств, без сегодняшних представлений о строении Вселенной, ставших возможными только благодаря современным техническим достижениям. Видимо, наше представление о предках и их неразвитости слишком упрощено.

В современном мире, стремящемся к глобализации, различные аспекты языка, языковых картин мира, содержания языкового сознания, как нам представляется, выдвигаются на первый план. И это обстоятельство обусловлено прежде всего тем фактом, что язык — это не только средство коммуникации, но ещё и богатейшее средство для отражения реальной действительности, это и истинная летопись народа, ибо ничто так не формирует менталитет народа, как язык.

Язык существовал много столетий или даже тысячелетия в бесписьменной форме, тем не менее он не был примитивен и не содержал лишь конкретные понятия, обозначающие предметы быта, их свойства и несложные действия с данными предметами. Ядро языка донесло до нас из глубины времён огромное количество абстрактных понятий — концептов, без глубокого понимания которых человек не может называть себя принадлежащим к какой-либо определённой культуре. Ребёнок, рождаясь, не является ни китайцем, ни немцем, ни русским с точки зрения культурной принадлежности. Культурная принадлежность есть система символически-знаковых представлений и оценок об окружающем человека мире. Каждый индивид стремится осознать себя звеном определённой цепи человеческого рода, возникшего с древнейших времён. И хотя исходное мироощущение человека и является врождённым, образ мира формируется у него в процессе всей жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных способностей. На него влияет сфера деятельности субъекта, внося в неё определённые профессиональные черты и свои деформации. Не будет лишним дополнить вышесказанное утверждением И.А. Бубновой, что значение слова субъективно и напрямую зависит от интеллекта носителя языка. По мнению И.А. Бубновой, «субъективное значение... определяется и ограничено общей когнитивной способностью человека — его интеллектом» [1: с. 177].

Безусловно, образ мира человека, как и образ мира определённого лингвокультурного сообщества, вербализуемый в языковом сознании этноса, формируется на основе лексикона родного языка.

В понятиях ядерных слов словарного состава языка отражены знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках. И, наверное, не случайно, что 60 % «ядерных» слов — предметные

имена с так называемой отражённой семантикой, то есть вещественным значением. Не исключено, что ядро лексикона обеспечивает экономичность хранения энциклопедических и языковых знаний человека и эффективность параллельного учёта их в его речемыслительной деятельности [6: с. 38].

Традиционно основной единицей анализа языка выступает слово. Причём характерной тенденцией современного языкознания является детальное исследование содержательной стороны значения, учёт более широкого спектра его «существенных, глубинных характеристик, связанных с образами конкретных объектов в естественном языке» [8: с. 3], изучение особенностей выражения в важнейших языковых понятиях и представлениях практического, жизненного опыта личности, т. е. выделение тех особенностей в структуре значения, которые опосредованы жизнедеятельностью человека.

По мнению И.А. Бубновой, всеобщее признание за словом статуса единицы, наиболее полно отражающей мир человека, не означает полного совпадения взглядов на значение и его роль в формировании мировидения. И данные различия не могли не сказаться на моделях «образа мира», реконструируемых в работах, выполняемых в различных лингвистических направлениях [1: с. 5].

В связи с этим воссоздание «языковой картины мира», под которой понимается отражение реальности средствами языка, осуществляется путём интегрального описания лексического и фразеологического состава языка. В этом случае запечатлённое в лексике видение действительности, включающее в себя совокупность отражённых коллективным сознанием объективно существующих реалий и концептуальных артефактов, к которым относятся абстрактно-логические, ценностные и мифические категории, даёт представление об эталонном «наивном» мировидении этноса, сформированном столетиями. Однако именно эталонность, к которой лишь в той или иной степени может приближаться средний носитель языка, а с другой стороны, определённая субъективность, выражающаяся в предпочтении исследователем при построении «картины мира» той или иной идеографической классификации, не позволяет отождествлять «языковую картину мира» с реальным видением мира отдельной личностью [1: с. 4].

Нет необходимости спорить о том, что каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и устройства мира. Совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний. Они входят в картину мира неявно, человек неосознанно принимает на веру заключённый смысл в понятиях слов.

Мир в языке любого этноса представлен в виде концептов. При этом конфигурации идей, заключённые в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними,

причём иногда весьма нетривиальные. Так, к примеру, среди русских ласкательных обращений есть одно не совсем обычное слово. Это одно из главных и, несомненно, наиболее своеобразное русское обращение — *родной, родная* (у него есть вариант *родненький* и ещё ряд производных). В основе слова *родной* лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. За пределами славянских языков трудно найти что-нибудь похожее. Оно отличается от других обращений не столько «граду-сом», сколько особым эмоциональным колоритом. *Родной, родная* выражает не романтическую влюблённость или страсть, а глубокую нежность, доверие, ощущение взаимопонимания и душевной близости. Недаром слово *родной / родная* довольно часто используется в качестве уменьшительно-ласкательно-го прозвища между мужем и женой при их общении. Это значит, что он и она понимают друг друга с полуслова, могут говорить о пустяках, и при этом их беседа полна сокровенного смысла.

Таким образом, каждый язык отражает картину мира того этноса, который говорит на этом языке. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшее условие его существования в мире [6: с. 3]. Картины мира чрезвычайно многообразны, так как это всегда своеобразное видение мира, его смысловое конструирование в соответствии с определённой логикой миропонимания и представления о мире. Они исторически, национально, жанрово детерминированы. Данное явление в разных аспектах, в разных лингвистических направлениях (неомосковская семантическая школа, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика) исследуется в трудах таких учёных, как Г.А. Брутян, З.М. Волоцкая, Г.Д. Гачев, А.В. Головачёва, О.Н. Гронская, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Т.А. Казакова, Е.М. Мелетинский, М.В. Никитин, С.Е. Никитина, В.И. Постовалова, Б.А. Серебrenников, В.И. Телия, В.Н. Топоров, Ю.С. Степанов, А. Вежбицка, Н.В. Уфимцева, и многих других. Причём истоки этих направлений можно найти как в чистой философии, идущей ещё от работ Гегеля, так и в лингвофилософии — от идей В. фон Гумбольдта и исследований Э. Сепира и Б. Уорфа, работ Л. Вайсбергера, который писал: «В языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» (цит. по: [7: с. 234]).

Современные методы изучения лексической семантики показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные элементы в других языках) включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом обнаруживается, что конфигурации этих смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В данном случае особенно показательны нетривиальные семантические конструкции, достаточно частотные в бытовом

дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов) и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания [10: с. 13–14].

Современными психолингвистами и когнитивистами картина мира рассматривается как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Так, по мнению, Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и других, картина мира как субъективный образ объективной реальности, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них [9]. Психолингвисты предпочитают пользоваться термином *образ мира*, который был введён в психологии А.И. Леонтьевым, исследуя этот образ мира через изучение содержания языкового сознания. Отмечается, что картина мира имеет двойственную природу как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека и знание, объективированное в виде опредмеченных образований, «следов», оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности.

В любом случае, все языковеды полагают, что картина мира (или образ мира) создаётся в результате двух различных процедур: 1) экспликации, экстрагирования, опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности; 2) созидания, творения, разработки новых образов мира, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер. Эти феномены реконструируются через исследования представлений человека о мире, либо зафиксированных в текстах, либо выявляемых в ходе экспериментов.

Интересно то, что различия между картинами мира внутри одного языка даже более глубоки, чем межъязыковые различия. Сегодня ярким примером этого служит картина мира и образа мира, формируемые языком массовой культуры, которые совершенно отличаются от картины мира русского этноса.

Рассмотрим это явление более подробно. Язык масскультуры, который близок сегодня к языку современной молодёжи России, переполнен словами, заимствованными из английского сленга и их производными. При этом, употребляя данные слова в своей речевой деятельности, молодые люди не осознают в языке его диахронической глубины, поэтому идентифицировать слово как заимствованное они не могут. Осознание заимствования возможно только в том случае, если слово «на фоне других — привычных... выглядит, как «чужое», непонятное, сохранившее связь с иным языком и культурой» [5: с. 210]. Тяга к «украшательству» речи, характерная для людей молодого возраста, стимулируется не только языком масскультуры, рекламы, но и бурным развитием компьютерной техники, «глянцевой» модой, поэтому речь молодёжи богата терминами из компьютерного лексикона: *интерактивный, емейл, файл, дисплей, интерфейс, хакер, ноутбук*, а также словами, обозначающими людей и их взаимоотношения: *герлфренд, бойфренд, вумэн, мэн, бейбочка* и др.

Как отмечалось выше, огромное количество слов родного языка являются мотивированными, когда наблюдается взаимообусловленность звучания и значения слова (см. об этом: [2: с. 13–14]). Тем более мотивированы те слова, которые входят в «ядро ментального лексикона» или «ядро языкового сознания». В отличие от них слова заимствованные не могут быть таковыми по определению, так как они этимологически принадлежат другому языку, другой культуре, в связи с чем значения заимствований представляются нам затемнёнными, непонятными. Естественно, это практически не сказывается на конкретных, предметных словах: существительных, прилагательных и глаголах, но абстрактные слова оказываются за пределами нашего понимания.

При овладении родным языком правильно сложившийся понятийный аппарат ребёнка позволит ему верно определять ориентиры культуры и быть достойным потомком своих предков. Однако при переполнении языка заимствованиями формирование понятийного аппарата может быть нарушено, и в этом случае происходит размывание исконно русской семантики слов и выдвигание в ядро родного языка значений, под влиянием чужеродной культуры, периферийных сем.

Рассмотрим это явление более подробно на примере слова «друг», которое входит в ядро языкового сознания носителей русской культуры. Так, для носителей русского языка, по данным тезауруса, наиболее частотные реакции на слово «друг» — *верный, враг, детства, мой, товарищ* и *лучший*. У англичан же на стимул «friend» (англ. друг) самая частотная реакция — это *враг и противник*, затем следуют слова *девушка* и *хороший* [10: с. 42].

Однако сегодня жаргонизм «френд», будучи изначально весьма популярным в блогосфере и социальных сетях, стал вполне уважаемым словом, попал в орфографический словарь. При этом следует подчеркнуть, что семантика слова «френд» не вполне совпадает с семантикой русской семы «друг», точно так же как и широко употребляемый глагол «лайк» не соответствует русскому глаголу «нравится».

Если посмотреть словарь Мерриам – Уэбстер, то существует 5 определений к этому понятию: 1. *one attached to another by affection or esteem* (люди, относящиеся друг к другу с любовью или уважением); 2. *one that is not hostile or one that is of the same nation, party, or group* (человек, невраждебно настроенный, или соратник по нации, партии или группе); 3. *one that favors or promotes something (as a charity)* (тот, кто что-то безвозмездно отдаёт); 4. *a favored companion* (желанный компаньон); 5. *a member of a Christian sect that stresses Inner Light, rejects sacraments and an ordained ministry, and opposes war — called also Quaker* (член христианской секты, которая верит во Внутренний Свет, отвергает причастия и рукоположенное служение и выступает против войны, называемый также Квакером).

В соответствии с определениями в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «друг» это: 1. близкий приятель, лицо, связанное

с кем-н. дружбой (применяется и по отношению к женщинам); 2. человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы; 3. сторонник, приверженец, защитник; 4. лицо, пользующееся в чьей-либо семье сердечным расположением.

Сравнение вышеприведённых словарных статей позволяет утверждать, что понятийное поле лексемы «френд» радикально отличается от концепта «друг». «Френд» — это, скорее всего, знакомый, приятель, особенно в социальных сетях и блогах, именно на «френдзоне», куда входят бывшие влюблённые, решившие остаться друзьями, акцентируют внимание носители русского языка, употребляющие данный термин сегодня.

Вследствие концептуальных различий в понятийном поле и употреблении данных концептов мы полагаем, что появление и употребление английского заимствования размывает ядерное значение понятия «друг» в языковом сознании носителей русского языка и культуры, которое формировалось и развивалось в течение многих веков.

Язык «цементирует» нацию, этнос. Если в язык этноса станут проникать заимствованные слова и осваиваться в ядре языка, то языковые культурные доминанты начнут разрушаться, что в конечном счёте приведёт к уничтожению культурных сем, присущих данному этносу.

Библиографический список

Литература

1. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; [Институт языкознания РАН], М., 2008. 465 с.
2. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М.: Помовский и партнеры, 1994. С. 190–218.
6. Мосунов Е.М. Язык и картина мира: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2007. 158 с.
7. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с. (История лингвофилософской мысли.)
8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: Семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000. 416 с.
9. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.
10. Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

11. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры. 2002. 224 с.

References

Literatura

1. Bubnova I.A. Struktura sub'ektivnogo znacheniya slova (psixolingvisticheskiy aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19; [Institut yazy'koznaniya RAN], M., 2008. 465 s.
2. Gorelov I.N. Izbranny'e trudy' po psixolingvistike. M.: Labirint, 2003. 320 s.
3. Zalevskaya A.A. Psixolingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbranny'e trudy'. M.: Gnozis, 2005. 543 s.
4. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelyov A.D. Klyuchevy'e idei russkoj yazy'kovoj kartiny' mira: sb. st. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2005. 540 s.
5. Karaulov Yu.N. Russkij associativny'j slovar' kak novy'j lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazy'kovoj sposobnosti // Russkij associativny'j slovar'. Kn. 1. M.: Pomovskij i partnery', 1994. S. 190–218.
6. Mosunov E.M. Yazy'k i kartina mira: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Magnitogorsk, 2007. 158 s.
7. Radchenko O.A. Yazy'k kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya koncepciya neogumbol'dtiansva. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2005. 312 s. (Istoriya lingvofilosofskoj my'sli.)
8. Raxilina E.V. Kognitivny'j analiz predmetny'x imyon: Semantika i sochetaemost'. M.: Rus. slovari, 2000. 416 s.
9. Rol' chelovecheskogo faktora v yazy'ke. Yazy'k i kartina mira. M.: Nauka, 1988. 212 s.
10. Ufimceva N.V. Russkie: opy't eshhyo odnogo samopoznaniya // Etnokul'turnaya specifika yazy'kovogo soznaniya. M.: In-t yazy'koznaniya RAN, 1996. S. 139–162.
11. Shmelyov A.D. Russkaya yazy'kovaya model' mira: Materialy' k slovarju. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2002. 224 s.

Л.Г. Карандеева

Фонопрагматические характеристики указаний в немецком языке

В статье отражены результаты экспериментально-фонетического исследования, посвящённого изучению прагматически обусловленной просодической манифестации указаний в современном немецком языке. В ходе проведённого эксперимента установлен просодический инвариант указания и описаны реализованные в разных ситуативных условиях варианты модели, проявляющие свой дифференциальный характер на уровне просодических средств выражения.

The article features the experimental phonetic research results of pragmatically conditioned prosodic manifestations of directives in modern German. The experiment discovered a prosodic invariant of directive act and described a variety of models realized in different situational settings that can be distinguished by used prosodic means.

Ключевые слова: фонопрагматика; просодия; речевой акт указания; экспериментально-фонетическое исследование.

Keywords: phonopragmatics; prosody; directive speech act; experimental and phonetic research.

Важнейшей проблемой современного языкознания является изучение функциональной нагрузки языковых единиц разных уровней в процессе коммуникации. Звучащая речь — надёжный источник пополнения знаний о функциональных свойствах единиц языковой системы, так как именно в ней данные единицы обнаруживают взаимозависимость, взаимовлияние при формировании смысла.

«Речевой смысл» устанавливается как отношение, связывающее семантический и прагматический компоненты высказывания, и возникает в результате того, что языковые единицы определённым образом прагматически ориентированы. Являясь составляющими устно-речевого дискурса, разноуровневые семиотические элементы — лексические, грамматические, фонетические — в разной степени формируют смысловую сторону, взаимодействуя между собой часто по принципу компенсации, то есть недостаточность смыслового наполнения высказываний единицами одного уровня восполняется единицами другого. Обладая наибольшей потенциальной варьированностью речи для достижения положительной перлокуции, просодия выступает в процессе коммуникации как один из ключевых компонентов семантизации и прагматической заданности высказываний [3; 7–9; 12–13 и др.].

В силу прикреплённости языковых форм к типовым общественно-коммуникативным ситуациям, являющим собой часть отражаемой в языке действительности, в результате многообразной речевой практики в памяти носителя

языка откладываются модели, которые образуют систему речевых актов (далее — РА) любого национального языка.

В настоящее время существуют отдельные работы по анализу просодии РА. Так, например, в рамках фонетической школы проф. Е.И. Григорьева его учениками на материале современного немецкого языка была изучена просодия ветивов, минативов, директивов, сентенциативов и некоторых других иллокутивов [1–2; 4; 6; 10]. Однако выявление просодических характеристик РА находится на начальной стадии изучения, и установление как общих (инвариантных), так и ситуативно обусловленных (вариантных) просодических признаков РА конкретного типа требует каждый раз экспериментального подтверждения.

В этой связи рассмотрение круга проблем, относящихся к области фонопрагматики, представляется особенно актуальным, поскольку позволяет не только глубже изучить коммуникативную функцию просодии, но и восполнить существующий пробел в предметной области самой прагматики: «введение критерия просодической маркированности типов речевых актов и их иллокутивной силы может способствовать расширению их таксономии и детальной спецификации» [5: с. 39]. Изучение с этих позиций РА указания на материале современного немецкого языка представляет несомненный интерес.

Под *указанием* в настоящей статье понимается разновидность директивных иллокутивов, цель которых — регуляция норм поведения лиц, принадлежащих к определённой социальной или служебной категории.

Основополагающий фактор указаний — непререкаемость волеизъявления, защищённого юридически закреплёнными нормами и/или социальным / ситуативным статусом говорящего, что делает обязательность их исполнения прагматическим признаком иллокутивов этой группы.

Данный тип РА находит своё проявление в ситуациях, характеризующихся разграничением социальных ролей интерактантов, так как указания могут исходить только от лиц, являющихся авторитетом для слушателей, в адрес которых они направляются. Иными словами, указание возможно лишь при асимметричном коммуникативном контексте и относится к РА с нисходящим статусным вектором (от вышестоящего — нижестоящему). Приоритетность позиции говорящего, обязательность, беспрекословность, твёрдость решения — признаки, указывающие на авторитарный, категоричный характер РА данного типа и формирующие их прагматический контекст.

Степень интенсивности воздействия (иллокутивная сила) указания зависит от ситуативных факторов коммуникации — сферы общения, характера взаимоотношений между коммуникантами и их отношения к действию (степени заинтересованности прескриптора в выполнении действия и учитываемого им желания / нежелания исполнителя осуществить данное действие). Решающее значение при восприятии указаний имеет оценка их слушающим в качестве более или менее категоричных.

Отражение явлений этого порядка в просодическом оформлении указаний представляет значительный интерес, поскольку особенности их лексико-

грамматического структурирования в современном немецком языке (например, настоящее и будущее время в функции императива, использование вежливых формулировок) не в состоянии передать всех оттенков директивных значений. Степень категоричности указания, как показывают аудитивные наблюдения, передаётся в основном просодическими компонентами.

С целью установления просодической инвариантной модели указания и выявления ситуативно обусловленного просодического варьирования указаний в современном немецком языке было проведено экспериментально-фонетическое исследование.

Экспериментальным материалом послужили высказывания, представляющие собой разновидности директивного иллокутива — указания с различной степенью категоричности — и реализованные семью испытуемыми — носителями немецкого языка (преподавателями вузов и школ, проживающими на территории земель Бранденбург, Северная Рейн-Вестфалия) — в ситуациях официально-делового и бытового общения. Всего для последующего анализа было отобрано 208 фраз общим объёмом 3360 слогов.

Экспериментальное исследование проводилось методом комплексного анализа, включающего в себя: а) слуховой эксперимент с аудиторами — носителями немецкого языка и преподавателями фонетики, для которых немецкий язык не является родным; б) акустический анализ экспериментальных фраз, состоящий из: записи материала на компьютер; фонемно-слоговой расшифровки фраз с помощью специальной программы обработки речевого сигнала PRAAT; замеров и анализа акустических параметров частоты основного тона (далее — ЧОТ), интенсивности и длительности; в) математико-статистическую обработку данных анализа; сопоставление воспринимаемых качеств со статистически достоверными различиями; д) интерпретацию результатов эксперимента.

Сопоставительный анализ просодических характеристик вариантов указания позволил выявить их общие и дифференциальные признаки, а также определить степень влияния ситуативных факторов на просодическую реализацию данных РА.

На основании общих характеристик четырёх ситуативно обусловленных вариантов (сдержанные указания и указания с повышенной степенью категоричности в официальной и бытовой сферах общения) была установлена просодическая инвариантная модель РА указания, лишённая стилистических и модальных коннотаций.

Инвариантная модель указания характеризуется мелодической монотонностью, реализуемой в средних тональных уровнях, на протяжении всего периода фонации, за исключением тонального перепада на предъядерном слоге. Завершение фонации определяется как интеррогативное. Подобная мелодическая монотонность выступает в качестве приёма, направленного на усиление воздействия путём выравнивания всех смысловых зон. С другой стороны,

данный признак свидетельствует о соблюдении приличий и сдержанности, характерных при употреблении директивных высказываний в целом для немецкоязычного ареала.

Средним уровнем маркирован и динамический компонент инварианта. Максимум громкости зафиксирован на предъядерном слоге. На главноударном слоге, несущем основную смысловую нагрузку, громкость понижается. Понижение уровня громкости на данном речевом сегменте наблюдается во всех моделях указания, различия отмечены только в характере понижения — плавном или контрастном.

Известно, что функциональное значение выделяемого слова часто усиливается с помощью повышения фонационной громкости. Однако в немецкоязычной культуре при реализации определённых прагматических типов высказываний, в том числе имеющих авторитарный характер, повышение речевой громкости воспринимается как неприемлемый способ воздействия на слушающего, который может вести к сбою в коммуникации (и иметь соответственно нулевой или обратный перлокутивный результат). В подобных случаях более эффективным является противоположное действие — выделение слова посредством понижения громкости в зоне ритмического корпуса. При реализации указаний, в частности, данный фонетический приём создаёт впечатление непререкаемости, высокой степени необходимости выполнения действия.

Анализ распределения средней слоговой длительности в релевантных точках [11] указывает на постоянно повторяющееся явление, характерное для большинства просодических моделей указания, и как следствие — отражённое в их инварианте, а именно: компрессия слоговой долготы в предтакте и её растяжение в ритмическом корпусе и затакте. При монотонной мелодике и сдержанной громкости такое распределение длительности слогов формирует своеобразную контрастную ритмику указания, имплицитную более высокий статус говорящего по отношению к слушающему, размеренность речи, передающую весомость указания и его категоричность. Вышеназванные просодические признаки относятся к группе первичных, характеризующих указание как данный прагматический тип.

Сравнение воспринимаемых просодических свойств демонстрирует тот факт, что стилевое разграничение указаний осуществляется на основании всех исследуемых параметров — ЧОТ, интенсивности и длительности. Однако анализ роли каждого из компонентов в идентификации ситуативных разновидностей РА указания показал, что в данных высказываниях реализуется принцип компенсаторного взаимодействия просодических параметров, при этом распознавание просодического образа конкретного иллокутива возможно лишь на основании всего тонально-динамического контура.

Экспериментальными данными доказано, что сдержанные указания и указания с повышенной степенью категоричности в ситуации официального общения

обнаруживают значительную дифференциацию по параметру интенсивности и длительности, в меньшей степени расхождения обнаруживаются на уровне ЧОТ. В качестве маркеров стилистической принадлежности сдержанных указаний в официальной и бытовой сферах выступают частотные и темпоральные признаки, менее существенную роль для разграничения этих ситуативных разновидностей РА указания играет динамический компонент. Подобным образом различаются указания с повышенной степенью категоричности в отмеченных сферах. Характеристики ЧОТ и интенсивности относятся к идентификаторам сдержанного указания и указания с повышенной степенью категоричности в бытовой сфере общения, темпоральный компонент лишь частично различает сопоставляемые иллокутивы. Данные просодические признаки относятся к группе вторичных, дифференцирующих ситуативно обусловленные РА указания и выражающих дополнительные оттенки их смыслового содержания.

В результате проведенного экспериментального исследования было установлено, что просодический корпус указаний, аккумулируя всю экстралингвистическую информацию, является активным маркером прагматической направленности РА данного типа и позволяет однозначно идентифицировать различия в иллокутивной силе субклассов, находящихся в этой типологической группе.

Библиографический список

Литература

1. Беленикина Л.Н. Фоностилистическая вариативность просодических характеристик иллокутивных актов сентенциативного типа (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2011. 169 с.
2. Бут Н.А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2004. 185 с.
3. Григорьев Е.И. Компоненты просодической организации иллокутивных высказываний // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 74–81.
4. Григорьев Е.И. Прагматический аспект речевой просодии (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 1996. 50 с.
5. Кантер Л.А. К проблеме систематизации интонемного фонда языка // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 29–41.
6. Карандеева Л.Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2006. 201 с.
7. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
8. Ленца Д.Л., Соловьёва Е.В. Фонетика в аспекте прагматики. Кишинёв: Штиинца, 1989. 98 с.
9. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 491 с.

10. Чёрная А.В. Просодические характеристики речевых актов группы «ветотивы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2002. 191 с.
11. *Essen O. von.* Hochdeutsche Satzmelodie // *Zft. für Phonetik.* 1956. Bd. 9, Hft. 1. S. 75–85.
12. *Müller A.* Die Macht der Stimme. Tübingen: Niemeyer, 1997. 198 S.
13. *Selting M.* Prosodie im Gespräch. Tübingen: Niemeyer, 1995. 369 S.

References

Literatura

1. *Belenikina L.N.* Fonostilisticheskaya variativnost' prosodicheskix charakteristik illokutivny'x aktov sentenciativnogo tipa (e'ksperimental'no-foneticheskoe issledovannie na materiale sovremennogo nemeckzogo yazy'ka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 2011. 169 s.
2. *But N.A.* Prosodicheskie charakteristiki situativno obuslovlenny'x illokutivny'x aktov gruppy' «minativov»): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tambov, 2004. 185 s.
3. *Grigor'ev E.I.* Komponenty' prosodicheskoi organizacii illokutivny'x vy'skazy'vanij // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki.* 1998. № 3. S. 74–81.
4. *Grigor'ev E.I.* Pragmaticeskij aspekt rechevoj prosodii (e'ksperimental'no-foneticheskoe issledovannie na materiale sovremennogo nemeckzogo yazy'ka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. M., 1996. 50 s.
5. *Kanter L.A.* K probleme sistematizacii intonemnogo fonda yazy'ka // *Voprosy' yazy'koznaniya.* 1993. № 2. S. 29–41.
6. *Karandeeva L.G.* Situativno obuslovlennaya variativnost' prosodicheskix charakteristik direktivny'x illokutivov (e'ksperimental'no-foneticheskoe issledovannie na materiale sovremennogo nemeckzogo yazy'ka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tambov, 2006. 201 s.
7. *Kodzasov S.V., Krivnova O.F.* Obshhaya fonetika. M.: RGGU, 2001. 592 s.
8. *Lencza D.L., Solov'yova E.V.* Fonetika v aspekte pragmatiki. Kishinyov: Shtiincza, 1989. 98 s.
9. *Potapova R.K., Potapov V.V.* Yazy'k, rech', lichnost'. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2006. 491 s.
10. *Chyornaya A.V.* Prosodicheskie charakteristiki rechevy'x aktov gruppy' «vetotivy'»: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tambov, 2002. 191 s.
11. *Essen O. von.* Hochdeutsche Satzmelodie // *Zft. für Phonetik.* 1956. Bd. 9, Hft. 1. S. 75–85.
12. *Müller A.* Die Macht der Stimme. Tübingen: Niemeyer, 1997. 198 S.
13. *Selting M.* Prosodie im Gespräch. Tübingen: Niemeyer, 1995. 369 S.

Н.М. Клеймёнова

Олбанские тенденции франкоязычных интернет-форумов

Статья посвящена проблематике франкоязычного интернет-арго, которое сравнивается с так называемым «олбанским» языком русскоязычных интернет-форумов. Использование в форумах языка SMS и многочисленных эрративов обедняет коммуникацию и осложняет общение в Интернете для некоторых пользователей.

The article is devoted to the issues of the francophone internet-argot that is compared with the so-called Albanian language of Runet forums. Usage of SMS language and numerous cacographies in the forums cheapen communication on the Internet and obscure it from some users.

Ключевые слова: социолект; интернет-арго; форум; эрратив.

Keywords: sociolect; internet-argot; forum; cacography.

Для каждой коммуникативной ситуации требуется определённый набор языковых средств. Даже образованные и воспитанные франкофоны, как любые другие носители языка, в неформальной обстановке могут позволить себе арготизмы или фамильяризмы, которые они сочли бы недопустимыми при общении с сослуживцами и особенно с начальством. Интернет-общение также строится по определённым законам, которым подчиняются в той или иной степени все пользователи. Язык пользователей Интернета, даже совершенно не связанных с компьютерными технологиями, настолько специфичен, что специалисты говорят об особом социолекте, или интернет-арго.

В лингвистике соотношения терминов некодифицированного языка совсем неоднозначны, можно сказать, что практически каждый филолог участвует в разработке терминологии. Франкоязычное языкознание отмечает множество тенденций в изучении подсистем языка и не имеет однозначного отношения к терминам *арго*, *жаргон*, *сленг*, *социолект* и т. п. *Арго*, по определению словаря «Le Petit Robert», — это язык криминала, нетехническая лексика, используемая некой социальной группой. Этимологически арго — «corporation des gueux» — сообщество злоумышленников [8: р. 118]. Словарь Larousse указывает, что термин арго обозначает «совокупность слов и выражений, используемых людьми одной социальной и профессиональной группы с целью выделиться на фоне других социальных объединений» [6: р. 85]. В словаре О.С. Ахмановой сообщается, что арго — «то же, что и жаргон», правда, «в отличие от последнего термин арго лишён пейоративного значения» [1: с. 53]. Также признаётся, что «в собственно терминологическом смысле жаргон часто заменяют на арго и сленг» [4: с. 151].

Как видно из приведённых определений, *арго* часто приравнивают к *социолекту*. По мнению Е.Б. Русаковой, нередко за предложением использовать термин *социолект* вместо *арго*, *жаргона*, *сленга* и т. п. стоят чисто утилитарные цели: упростить терминологию, использовать слова, не являющиеся оценочными [5: с. 26]. Однако у этого решения есть и языковая мотивировка, которую приводит В.Д. Бондалетов: «Общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальный диалект, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных групп и возрастных коллективов» [2: с. 94].

Можно ли утверждать, что язык Интернета — своеобразное аргое определённых слоёв общества? Для ответа на этот вопрос требуется знать, кто является пользователем Интернета в современной Франции. Национальный институт статистики и экономики INSEE, ответственный за официальные статистические данные в стране, приводит следующие цифры: на конец 2012 года 75 % населения, т. е. около 49 миллионов французов, используют Интернет. Среди них преобладают молодые в возрасте до 24 лет, причём юноши проводят за компьютером более полутора часов ежедневно, тогда как девушки — около часа. С возрастом всё больше предпочтения отдаётся телевидению. Так, например, мужчины 35–54 лет проводят в Интернете около получаса ежедневно, а женщины — около четверти часа. Старшее поколение, проводящее у экранов более четырёх часов ежедневно, заглядывает в Интернет в среднем на 10 минут в день. На всех возрастных этапах мужчины оказываются более активными пользователями Интернета, чем женщины, причём именно они охотнее посещают интернет-форумы (47 % опрошенных мужчин и 36 % женщин). Отмечается, что 56 % французов не могут обойтись без Интернета. Согласно подсчётам социологов, 26 % французов не считают Интернет чем-то нужным и полезным, а 10 % из них полагают, что без Интернета было намного лучше. Показательно, что эти мнения высказали люди старше 65 лет [9].

При таком массовом применении Интернета французами трудно указать профессиональные категории пользователей, однако очевидно, что Интернет в основном интересует молодых, что, несомненно, влияет на выбор языковых средств. Язык молодёжи сам по себе непонятен для старшего поколения, поэтому часто характеризуется как аргое или социолект. Нельзя сказать, однако, что специфика языка Интернета состоит только в использовании конкретных языковых средств, присущих общению молодёжи.

Французские лингвисты определяют *интернет-арго* как совокупность сокращений и акронимов, употребляющихся при обмене мгновенными сообщениями. Здесь важен принцип «чем меньше букв, тем быстрее сообщение будет написано и дойдёт до адресата». Очевидно, что выбор слов и выражений пользователями Интернета во многом зависит от средства сообщения. В реальном времени, например, в чате, приоритетным будет экономия лингвистических средств. Поэтому здесь в полной мере используются любые сокращения, смайлы, язык SMS.

Форум как жанр виртуального общения был специально создан для того, чтобы пользователи могли сами создавать темы для обсуждения, устраивать опросы, голосования, задавать вопросы и получать на них ответы, а также отвечать на вопросы других пользователей форума и давать им советы. В форумах у собеседников появляется больше времени для обдумывания ответов, поэтому здесь приветствуются полные, хорошо сформулированные высказывания и соблюдение орфографии. Модераторы и администраторы форумов наделены возможностью редактировать, перемещать и удалять чужие сообщения в любых разделах или темах. Таким образом, специалисты могут следить за качеством дискуссий.

Несмотря на имеющееся время для обдумывания реплик, по нашим наблюдениям, привычка не утруждать себя полным и правильным написанием слов отчётливо видна у многих собеседников:

de ctte facon qd il fait trop froid je ne me mets pas en jupe;

lé noir e reservé a liver, les bo jrs arive alor laiss les tombé e montre t jambe.

Объективно говоря, использование языка SMS на форумах имеет свои плюсы и минусы. Среди положительных сторон назовём экономию времени и пространства, что отвечает закону экономии языковых усилий. Использование этого языка также создаёт непринуждённую, игровую атмосферу, что очень импонирует многим нашим современникам. Некоторым людям, особенно молодым, приятно сознавать себя частью избранной группы, владеющей недоступным другим способом общения.

Среди минусов языка SMS на форумах прежде всего отметим ту же черту, которую называли среди его положительных сторон: недоступность для многих посетителей, что нарушает основополагающий принцип форумов. Не только некоторые иностранцы, но и слабовидящие и слабослышащие носители языка автоматически исключаются из общения, так как расшифровывающие системы не умеют работать с языком SMS из-за отсутствия унификации многих сокращений и возникновения многочисленных грамматических ошибок.

Очевидное эмоциональное и интеллектуальное оскудение, использование языка SMS и речевых штампов, фонематическое письмо, наблюдающиеся во французском Интернете, вызывают ассоциации с русскоязычным интернет-жаргоном *падонкафф*, или *олбанским*.

Язык *падонкафф*, или *олбанский*, распространившийся в Рунете в начале XXI века, — это стиль употребления русского языка с фонетически почти верным, но нарочито неправильным написанием слов, частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов. Чаще всего этот язык используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и веб-форумах.

Название *олбанский* родилось в Живом Журнале, когда один американский пользователь шотландского происхождения возмутился, почему на американском сайте *livejournal.com* кто-то пишет на «непонятном ему языке, и, вообще, что это за язык». Этот пользователь назвал «неизвестный» язык

албанским. На следующий день на вопрос «а почему Вы думаете, что этот текст был написан лично для Вас?» этот пользователь написал, что Живой Журнал — американский сайт, а не албанский. Быть американцем, по его мнению, означает, что остальной мир должен подстраиваться под него. В ответ в русскоязычной части Живого Журнала был организован флешмоб «Уроки албанского», который ставил своей целью помочь американцу выучить русский язык. За пару дней шотландец получил несколько тысяч комментариев с «уроками албанского» и просто флудом (сообщениями в интернет-форумах и чатах, занимающими большие объёмы и не несущими никакой полезной информации). Пользователю предлагалось извиниться и написать в своём журнале пост на русском языке о том, что он уже выучил албанский язык. Помимо журнала и почтового ящика неосторожный псевдопатриот получал огромное количество SMS-сообщений и звонков на свой мобильный телефон, что и вынудило его принести извинения.

Считается, что родоначальниками *албанского* стали посетители некоммерческой сети Фидонет и созданной там конференции «Кашенко». Удивление выразилось словом *ватэпада*, безвыходная ситуация получила определение *котто-строфа* и т. д. Остроумные пародии пришлись по вкусу любителям интернет-форумов, они быстро приняли основные правила виртуального языка: как слышится, так и пишется. Быстрее всего освоили новый язык студенты и старшеклассники.

Списки наиболее часто употребляемых слов и выражений французского интернет-арго показывают сильное влияние на французов американской культуры и выдают привычку мыслить и отвечать штампами: *woot / w00t* — выражение радости и удовлетворения; *lol* или французский вариант *mdr: mort de rire* показывают, что было сказано что-то забавное или очень смешное; *tpm: tu n'es pas marrant* выражает недовольство.

Во всех встретившихся нам списках и словарях интернет-арго преобладали сокращения, часто англо-американские: *ptafqm: pas tout à fait quand même; rtva, rtl: raconte ta vie ailleurs (raconte ta life); tsé: tu sais; a2m1: à demain*. Особенно заинтересовало нас сокращение *tg*, которое может означать в зависимости от ситуации *ta gueule* или *t'es gentil*.

Словотворчество происходит по наиболее продуктивным для современного словообразования моделям. Методом суффиксации образованы глаголы *plussoyer, moinsoyer, souscrire ou ne pas souscrire aux propos d'un autre intervenant* (соглашаться или опровергать предыдущее мнение) и производные существительные *plussoyage, moinsage*. Примером телескопии (сложения части основ) может служить междометие, выражающее частичное согласие: *touai: oui mais*; одним из самых распространённых в Сети примером афезы выступает существительное *zik: musique*.

Помимо использования словообразовательных способов для нового написания слов применяются эрративы. Эрратив (от лат. *errare* в значении «ошибаться») — слово или выражение, подвергнутое нарочному искажению

носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта. Термин был введён в науку филологом Г. Гусейновым, современным исследователем интернет-языка [3]. Перечислим варианты французских слов *merci* и *moi*, которые нам встретились во франкоязычных форумах:

Merci: merki, mici, mci, ci, miki;

Moi: mwa, moa, moua.

Интересно отметить, что при написании некоторых вариантов этих слов посетители форумов либо оставляют то же количество букв (*merki*), либо даже удлиняют слово (*moua*). Представляется прямая аналогия с русскими словами *привед* и *йад* в выражении *выпей йаду!* — выражение негодования в олбанском языке.

Обычно филологи достаточно спокойно относятся к молодёжному жаргону, утверждая: повзрослев, все забывают и про *хаты*, и про *шузы*. Но олбанский язык вызывает у них гораздо больше страхов. Невозможно ежедневно писать *превед* и *медвед*, а потом с лёгкостью перейти на научный стиль реферата или диплома. Невозможно постоянно выражать мысли и эмоции с помощью речевых клише, а потом, когда того потребуют обстоятельства, заговорить красиво и грамотно. И, конечно, нельзя ждать грамотности при письме. Коверканье слов неизбежно усугубит ситуацию с грамотностью: рука, привыкшая к неправильному написанию, потом автоматически «выдаст» ошибку. Отметим, что далеко не всё русскоязычное интернет-сообщество перешло на олбанский. Прошло несколько акций, смысл которых объединяет девиз «Я умею говорить по-русски!». Таблички «Пишу по-русски, *«аффтара»* просьба не беспокоить»; «Хочу читать тексты на правильном русском языке» украсили многие дневники Живых Журналов и персональные странички пользователей.

Во Франции также много людей самого разного возраста выступают за чистоту языка. Например, совсем юный лицеист, теперь уже филолог, несколько лет назад организовал интернет-сайт «Комитет для борьбы против языка SMS и сознательных ошибок в Интернете» [7]. В интернет-форумах, организованных журналом «Защита французского языка», принимают участие лица самых разных возрастов и профессий. Характерно, что в самом интернет-арго есть уничижительное слово-характеристика *kikoulol, kikoolol* — незрелый человек, очевидно злоупотребляющий языком SMS.

В завершение хотелось бы отметить, что обмен мнениями на форумах представляется некоторым современным перерождением эпистолярного жанра. Поскольку общение на форумах — в основном удел молодых, хочется верить, что красота и правильность языка для них важнее эпатажа и излишней закрытости.

Библиографический список*Литература*

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
3. *Гусейнов Г.* Другие языки. Заметки к антропологии русского интернетиста: особенности языка и литературы сетевых людей, 2000. URL: <http://nlo.magazine.ru>, режим доступа свободный (дата обращения: 14.03.2013).
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 688 с.
5. *Русакова Е.Б.* Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград, 2007. 192 с.
6. À quoi ressemble l'Internet en 2012. URL: <http://www.fredcavazza.net/2012/01/13/a-quoi-ressemble-linternet-en-2012/>, режим доступа свободный (дата обращения: 03.03.2013).
7. Comité de lutte contre le langage sms et les fautes volontaires sur Internet. URL: <http://sms.informatiquefrance.com>, режим доступа свободный (дата обращения: 01.03.2013).
8. Défense de la langue française. URL: <http://www.langue-francaise.org>, режим доступа свободный (дата обращения: 01.03.2013).
9. *Larousse P.* Dictionnaire encyclopédique. Paris: Larousse, 2001. 1690 p.
10. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. Paris: Hachette, 1963. 1298 p.
11. *Robert P.* Le Petit Robert. Paris: Le Robert, 2005. 2552 p.

References*Literatura*

1. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1966. 608 s.
2. *Bondaletov V.D.* Social'naya lingvistika. M.: Prosveshhenie, 1987. 160 s.
3. *Gusejnov G.* Drugie yazy'ki. Zametki k antropologii russkogo internetista: osobennosti yazy'ka i literatury' setevy'x lyudej, 2000. URL: <http://nlo.magazine.ru>, svobodny'j (data obrashheniya: 14.03.2013).
4. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. M.: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 2002. 688 s.
5. *Rusakova E.B.* Russkij komp'yuterny'j sociolekt: formirovanie i funkcionirovanie: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kaliningrad, 2007. 192 s.
6. À quoi ressemble l'Internet en 2012. URL: <http://www.fredcavazza.net/2012/01/13/a-quoi-ressemble-linternet-en-2012/>, rezhim dostupa svobodny'j (data obrashheniya: 03.03.2013).
7. Comité de lutte contre le langage sms et les fautes volontaires sur Internet. URL: <http://sms.informatiquefrance.com>, rezhim dostupa svobodny'j (data obrashheniya: 01.03.2013).
8. Défense de la langue française. URL: <http://www.langue-francaise.org>, rezhim dostupa svobodny'j (data obrashheniya: 01.03.2013).
9. *Larousse P.* Dictionnaire encyclopédique. Paris: Larousse, 2001. 1690 p.
10. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. Paris: Hachette, 1963. 1298 p.
11. *Robert P.* Le Petit Robert. Paris: Le Robert, 2005. 2552 p.

А.В. Кулешова

Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе

В статье рассматривается феномен интертекстуальности, раскрываются понятия *диалогичности*, чужой речи, описываются различные виды цитат во французской прессе, анализируется степень их частотности.

The article considers the phenomenon of intertextuality, it discloses the notion of *dialogism*, of somebody else's speech, describes different types of quotes in the French print media, analyzes the degree of their frequency.

Ключевые слова: интертекстуальность; диалогичность; цитата; чужая речь; французская пресса.

Keywords: intertextuality; dialogism; quotation; somebody else's speech; French print media.

Проблема интертекстуальности в лингвистике разрабатывается сравнительно недавно. Изначально данный вопрос изучался исключительно в литературоведении.

Точкой отсчёта в развитии теории интертекстуальности послужило учение М.М. Бахтина о понятии «диалогичности», введённом в анализ художественной литературы. Причём под диалогом понимается:

- диалог автора и героя произведения;
- диалог автора и читателя;
- диалог данного текста с предшествующими ему текстами, «многоязычие» текста, присутствие в нём «чужой речи».

Именно в чужой речи, которую учёный толковал как «речь в речи, высказывание в высказывании» и одновременно как «речь о речи, высказывание о высказывании», проявляется активное отношение одного высказывания к другому. При этом чужое высказывание может как «самолично» войти в речь и её синтаксическую конструкцию в качестве особого конструктивного элемента, так и быть темой речи.

Контекст, объёмлющий чужое слово, создаёт диалогический фон, влияние которого может быть велико. На каждом шагу в нём «цитата» или «ссылка» на то, что сказано определённым лицом, на «говорят» или на «все говорят», на слова собеседника, на собственные ранее сказанные слова, на газету, на постановление, на документ, на книгу и т. п. Отсюда вытекает функция чужого слова, которая заключается в передаче сведений, указаний и правил.

Отмечая важность «чужого слова», М.М. Бахтин отводит главную роль в построении художественного текста «Автору-творцу», который определяется

как «конститутивный момент художественной формы», а форма мыслится как «выражение активного, ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творяющего форму) к содержанию» [8: с. 58–59]. Автор непременно стоит за любым диалогическим высказыванием, в котором он выражает себя, он «никогда не может отдать всего себя и всё своё речевое произведение на полную и окончательную волю... адресатам... и всегда предполагает... какую-то высшую инстанцию ответного понимания...» [9: с. 338].

По мнению учёного, диалогичность непременно приводит к явлению *интертекстуальности*, изучение которого нашло отражение в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов. Анализируя различные точки зрения на данный феномен, основанные на теории М.М. Бахтина, можно выделить широкое и узкое понимание интертекстуальности. Согласно первому — каждый текст рассматривается как часть универсального интертекста, от которого он зависит во всех аспектах (Ю. Кристева, Р. Барт, И.П. Смирнов, Б.М. Гаспаров, Н.А. Кузьмина). Согласно второму, понятие интертекстуальности сужается рамками сознательного и маркированного использования межтекстовых связей между данным текстом и предшествующим текстом или группой текстов (Ж. Женетт, И.В. Арнольд).

Интертекстуальность в данной статье изучается с позиции адресанта, т. е. как способ порождения собственного текста и выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов.

Несмотря на то, что теория интертекстуальности складывалась, главным образом, в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, сферы реализации этого феномена значительно разнообразнее — это пресса, реклама, научные тексты и т. п. Так, развитие средств массовой информации и распространение массовой культуры привело к всплеску интертекстуальности в прессе, язык которой в настоящее время во многом основан на «чужой речи».

Эту речь, как и интертекстуальность в целом, также трактуют в широком значении, когда она отождествляется с цитированием вообще и охватывает текстовую аппликацию, аллюзию и т. п. [12]. При этом текстовая аппликация представляет собой ассоциативную отсылку к опорному тексту и обогащение речи адресанта соответствующими образами. Аллюзия также заключается в ассоциативной отсылке, но к известному для адресата факту реальной или виртуальной действительности.

Вместе с тем речь другого может рассматриваться в узком значении и отождествляться с цитатой, которую считаем ключевым элементом интертекстуальности, определяя её как вид интертекстуальной связи, при котором фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель [11: с. 14]. Именно в этом значении нами используется термин «чужая речь», которая включает такие виды чужой речи, как прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, встречающиеся в языке прессы с разной степенью частотности.

Отметим, что чужая речь может присутствовать в текстах статей всех трёх жанров французской прессы — информационного, информационно-

аналитического и аналитического. К *информационному* жанру относим статьи, задача которых состоит в передаче оперативной информации адресату. Они характеризуются фактологической точностью, сдержанностью в оценке сообщаемых фактов, официальностью, представлением материала от общего к частному, от главного к второстепенному. Этот жанр включает в себя такие типы статей, как заметка и информационный отчёт. *Информационно-аналитический* жанр (репортаж, портрет и журналистское расследование) сочетает черты информационного и аналитического жанров. В статьях *аналитического* жанра французской прессы анализируются те или иные проблемы общественной жизни страны и мира, высказывается мнение автора по этому поводу, отстаиваются его позиции. К этому жанру относятся комментарий, передовая статья, аналитическая статья, критическая статья, хроника [10].

Анализ статей языкового материала показал, что по степени частотности основной вид чужой речи в названных выше жанрах — это прямая; меньше используется косвенная речь, а наименьшее применение находит несобственно-прямая речь.

Так, прямая и косвенная речь чаще встречаются в статьях информационного (1) и информационно-аналитического жанров (2), чем в статьях аналитического жанра (3).

(1) *«Cela sert à préparer et sécuriser la décision du juge à l'avenir», a détaillé M. Sauvé, assurant que désormais, lorsque des tribunaux administratifs seront saisis de questions similaires en référé liberté, ils pourront pareillement recourir à des experts médicaux avant de se prononcer* [4].

(2) *«Les groupes armés ont tiré des roquettes mi-janvier contre Ras Baalbek, jure Rifaat Nasrallah, le chef du comité d'autodéfense. Ils s'en sont pris à nos terres agricoles dans la montagne, personne n'ose plus s'y rendre. Peut-on laisser le village livré à lui-même?»* [4].

(3) *Le tribunal a considéré que l'état de conscience minimale de Vincent Lambert impliquait la persistance d'une perception émotionnelle et l'existence de possibles réactions à son environnement* [3].

Несобственно-прямая речь в большей степени используется в типах статей информационно-аналитического жанра, как в примере (4), чем аналитического жанра. В статьях информационного жанра этот вид чужой речи, по нашим наблюдениям, не встречается.

Пример (4) — это несобственно-прямая речь в основной части репортажа, который ведётся из итальянского города Тревизо. В статье рассказывается о жизни нелегальных мигрантов, приехавших на заработки в этот город, приводятся высказывания одного из таких рабочих:

(4) *Il ne peut pas lire. Il a 20 ans. Il est presque illettré. Comme tant d'autres! attiré par ce mirage d'une Vénétie au chômage inexistant?! Il est venu par étapes, depuis Casablanca. Docker ici, maçon là-bas, clandestin toujours* [1].

Между тем выбор того или иного вида чужой речи обусловлен не только жанром, но и типом статей, а также их композицией, которая чаще всего представляет собой четырёхчастную структуру: заголовок, зачин, основная часть и концовка. Во всех композиционных компонентах наиболее распространённый вид чужой речи — прямая речь; она же — единственный вид чужой речи в заголовке. Второе место по частоте использования в зачине, основной части и концовке занимает косвенная речь, и реже всего встречается несобственно-прямая речь. В целом, во всех жанрах чужая речь чаще используется в основной части, реже — в зачине и концовке. Наименьшее применение она находит в заголовке.

Анализируя типы цитат, которые встречаются во французской прессе, отметим, что они могут быть, во-первых, эксплицитными и имплицитными. Если эксплицитные цитаты сопровождаются графическими и/или лексическими маркерами (5), то имплицитные цитаты характеризуются отсутствием подобных маркеров, а также зачастую подразумевают различного рода трансформации исходной цитаты (6):

(5) *«Il n'y a pas eu de vraie traversée du désert», observe un ancien ministre* [4].

(6) *Il apparaît que la Société générale a autorisé des conditions de travail très dangereuses pour son personnel expatrié, tout en permettant le transfert en France d'importantes sommes d'argent au profit du clan Obiang, qui règne sur la Guinée-Equatoriale* [3].

Во-вторых, с атрибуцией (т. е. маркированные самим автором, с указанием источника информации) и без неё [13]. Например:

(7) *Fin janvier, le quotidien The Guardian a par exemple révélé que, depuis 2012 et l'entrée de M. Paterson au gouvernement Cameron, les investissements annuels consentis par le Royaume-Uni pour adapter ses infrastructures au changement climatique ont été réduits de moitié* [5].

(8) *Trop tôt, aux yeux de ses partisans, qui craignent une forme de lassitude, voire d'agacement, dans l'opinion devant un scénario déjà écrit à l'avance. Selon eux, il vaudrait mieux temporiser pour faire monter le désir plus progressivement* [4].

Думается, что цитаты можно разделить также на первичные (9), заимствованные непосредственно из первоисточника, и вторичные (10), взятые из текстов, где данный фрагмент сам представляет собой цитату. Кроме того, исходя из изученного материала, видится, что в зависимости от структурного аспекта цитаты делятся на полные, редуцированные, сегментированные. Например:

(9) *«En tant que gouvernement, nous ne sommes pas là pour contribuer à la théâtralisation de toutes ces initiatives», a déclaré, jeudi, le ministre de l'intérieur, Jorge Fernandez Diaz, en visite à Paris* [5].

Пример (9) представляет собой отрывок репортажа, в котором идёт речь о возможном примирении сторон в конфликте между воинственно настроенными группами испанских басков и правительством. В данном случае автор статьи использует первичную полную цитату в виде прямой речи, приводя слова министра внутренних дел Хорхе Фернандеса Диаса.

В примере (10), взятом из информационного отчёта, посвящённого обсуждению законопроекта о переходе на альтернативные источники энергии, журналист иллюстрирует свою статью при помощи цитаты из «Journal du dimanche», которая приводит слова национального секретаря партии «Европа Экология — Зелёные» (EELV) Эммануэль Косс.

(10) *La secrétaire nationale d'Europe écologie-Les Verts, Emmanuelle Cosse, s'inquiète, dans Le Journal du dimanche, de la tournure du projet de loi sur la transition énergétique, insistant sur la possibilité d'une «rupture» avec le gouvernement sur ce sujet* [6].

Это — вторичная цитата в виде косвенной речи, вводимой глаголом *s'inquiéter*, а также сегментированная прямая речь, представленная словом, заключённым в кавычки, — *rupture*.

В соответствии с выполняемой функцией можно разграничить цитату-мнение, цитату-аргумент, цитату-пример, цитату-заменитель, цитату-дефиницию, цитату-утверждение, цитату-отрицание, цитату-предположение. На основании вида передаваемой цитатами информации выделяют денотативную и коннотативную цитаты. С прагматической точки зрения, цитаты делятся на оценочно-экспрессивную, суггестивную, фактуализирующую, персуазивно-аргументативную [7; 11; 14]. Приведём несколько примеров.

Пример (11) — отрывок информационного сообщения, в котором речь идёт о новой возможности бесплатных звонков с помощью программы для обмена бесплатными сообщениями для смартфонов WhatsApp:

(11) *Cependant Jon Koum estime que son produit sera «le meilleur des services vocaux du marché»* [2].

В данном случае используется особая форма полной конструкции с прямой речью, вводимой подчинительным союзом *que*. Чужое высказывание воспроизводится в примере (11) в виде придаточного предложения в составе сложноподчинённого, при этом подчинительный союз *que* находится в позиции к прямой речи. Глагол, вводящий речь цитируемого лица, — *estimer* выражает точку зрения говорящего, что позволяет отнести данную цитату к цитате-мнению.

Пример (12) представляет собой фрагмент репортажа, тема которого — проблема несовершеннолетних матерей. В виде прямой речи автор статьи приводит слова одной из таких девушек:

(12) *«Un enfant, c'est déjà ça, toujours quelque chose qu'on a», dit-elle et sa voix part soudain dans les aigus, à la fois humble et triomphante* [4].

Данную цитату можно отнести к коннотативной, так как в ней передаётся как личный опыт говорящего, так и его эмоции, переданные журналистом в виде описания голоса девушки — *et sa voix part soudain dans les aigus, à la fois humble et triomphante*.

Пример (13) взят из информационного отчёта. В своей статье журналист приводит мнение депутатов Союза за народное движение, выступающих

в защиту французских специалистов, работающих за рубежом, которые подвергаются в своей стране жёсткой критике и всячески высмеиваются:

(13) «*Nos compatriotes à l'étranger sont des porte-drapeaux et des atouts pour notre pays dans la mondialisation. Toute vision étriquée de l'expatriation présentée trop souvent comme une perte pour la France est date*», *argumentent les anciens ministres* [1].

Чужая речь в (13) представлена в виде полной конструкции с прямой речью, вводимой глаголом *argumenter*, который является показателем того, что бывшие министры аргументируют свою позицию. Кроме того, в их реплике присутствуют такие лексические единицы, как *des porte-drapeaux*, *des atouts*, с помощью которых депутаты стремятся убедить Национальную Ассамблею в отсутствии какой-либо вины их соотечественников, уезжающих за границу. Таким образом, данную цитату можно расценивать как персуазивно-аргументативную.

Итак, представляя собой эксплицитный сигнал интертекстуальной связи, цитирование выступает как форма межтекстового взаимодействия, как «подключение» к другим текстам и охватывает цитату, текстовую аппликацию, аллюзию, парафраз и т. п. В случае цитаты фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель. К цитате относим все виды чужой речи: прямую, косвенную и несобственно-прямую речь, которые встречаются во всех жанрах французской прессы, но с разной долей их использования журналистом в том или ином типе статьи, а также в композиционном компоненте этих статей. Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что цитаты могут быть разных видов в зависимости от выполняемой ими функции, от их структурного аспекта, от прагматической цели журналиста.

Библиографический список

Источники

1. *Le Figaro* – 20 février 2014. 34 p.
2. *Le Figaro* – 24 février 2014. 30 p.
3. *Le Monde* – 14 février 2014. 26 p.
4. *Le Monde* – 15 février 2014. 28 p.
5. *Le Monde* – 21 février 2014. 30 p.
6. *Le Monde* – 23 février 2014. 28 p.

Литература

7. *Алецанова И.В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2000. 22 с.
8. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 500 с.
9. *Бахтин М.М.* 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 329–360.
10. *Кулешова А.В.* Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2008. 196 с.

11. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1999. 22 с.
12. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.
13. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Комкнига, 2006. 280 с.
14. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2000. 39 с.

References

Istochniki

1. *Le Figaro* – 20 février 2014. 34 p.
2. *Le Figaro* – 24 février 2014. 30 p.
3. *Le Monde* – 14 février 2014. 26 p.
4. *Le Monde* – 15 février 2014. 28 p.
5. *Le Monde* – 21 février 2014. 30 p.
6. *Le Monde* – 23 février 2014. 28 p.

Literatura

7. Aleshhanova I.V. Citaciya v gazetnom tekste (na materiale sovremennoj anglijskoj i rossijskoj pressy'): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd, 2000. 22 s.
8. Baxtin M.M. Voprosy' literatury' i e'stetiki. M.: Xudozh. lit., 1975. 500 s.
9. Baxtin M.M. 1961 god. Zаметki // Baxtin M.M. Sobr. soch.: v 7 t. T. 5. M.: Russkie slovari, 1997. С. 329–360.
10. Kuleshova A.V. Lingvopragmaticheskaya kategoriya distancirovaniya (na materiale frantsuzskoj pressy'): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M., 2008. 196 s.
11. Mixajlova E.V. Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na materiale statej): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.19. Volgograd, 1999. 22 s.
12. Moskvин V.P. Citirovanie, aplikaciya, parafrаз: k razgranicheniyu ponyatij // Filologicheskie nauki. 2002. № 1. S. 63–70.
13. Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: Komkniga, 2006. 280 s.
14. Chernyavskaya V.E. Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushhaya kategoriya v nauchnoj kommunikacii (na materiale nemeczkogo yazy'ka): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.04. SPb., 2000. 39 s.

Э.А. Зойдзе

Функции вопросительных синтаксических конструкций в газетном тексте

В статье рассматриваются функции риторического вопроса, вопроса в повествовании и других вопросительных синтаксических конструкций в аналитическом газетном тексте. Ключевой для всех конструкций является функция диалогизации.

The paper deals with the functions of rhetorical questions, questions-in-the-narrative and other types of interrogative syntactic constructions in analytical newspaper texts. The key function for all the constructions is the function of dialoguing.

Ключевые слова: аналитический газетный текст; диалогизация; вопросительное предложение; вопрос в повествовании; риторический вопрос.

Keywords: analytical newspaper text; dialoguing; interrogative sentence; question-in-the-narrative; rhetorical question.

Современные средства массовой информации предоставляют широкое поле для языковых исследований. Аналитическая разновидность газетных текстов представляет интерес в первую очередь тем, что в ней стандарт и экспрессия сочетаются наилучшим образом. Согласно Т.Г. Добросклонской, газетная аналитика по степени реализации функции воздействия находится между полюсами новостных текстов и текстов рекламы. Промежуточным звеном служат также публицистические тексты, или в англоязычной терминологии — features [10: с. 10].

Типологической характеристикой аналитического типа текста является рассуждение, которое на синтаксическом уровне выражается в большом количестве сложных предложений, передающих различные логические отношения. Рассуждение характерно для письменной речи. Устная речь в большей степени тяготеет к диалогу и к упрощённому синтаксису, что связано с необходимостью достижения определённой коммуникативной цели. Осознание отправителем цели сообщения требует подбора нужной формы сообщения, а также прогнозирования реакции аудитории.

Ещё одна из важнейших характеристик аналитического текста — выраженное личностное начало. Точка зрения автора, его «я» в открытой или в скрытой форме пронизывает всю структуру текста. Категории оценочности и интерконтекстуальности в полной мере присущи газетной аналитике.

Газетный аналитический текст — это письменный монологический текст. Таким образом, и рассуждение, и диалогизация, и вместе с ними убеждение читателя, воздействие на его взгляды, выражение авторского суждения, комментирование и осуществление анализа описываемой ситуации в целом

реализуются на синтаксическом уровне. Интонация, присутствующая в предложении или высказывании, — это главный способ передать заложенное автором значение. Обладая большей динамикой в сравнении с лексическими средствами, средства синтаксиса нацелены на передачу конкретной коммуникативной ситуации. Так, по словам О.С. Ахмановой и Г.Б. Микаэлян, «синтаксическое предложение — это синтаксическая фраза плюс особое интонационное оформление» [9: с. 20].

О связи синтаксиса и элементов просодии говорят также О.В. Александрова и Т.А. Комова. По их мнению, даже письменный текст при прочтении озвучивается «внутренней речью», а следовательно, «внутренняя просодия» отражает его строение. Просодические элементы в сочетании с пунктуационными в письменном тексте также могут выполнять функцию воздействия [8: с. 154–156].

Экспрессивное начало, заложенное в синтаксисе, передаётся исключительно за счёт интонации. Оттенки значения, определённый подтекст, субъективная авторская оценка — всего этого возможно достичь, прибегнув к средствам ритмизации высказывания, среди которых вопросительным предложениям отводится значительное место.

В современных англоязычных аналитических газетных текстах вопросительные конструкции — второй по частоте употребления приём после параллельных синтаксических конструкций. Полифункциональность вопросительных предложений также заставляет обратить на них внимание и выяснить, как с их помощью выстраивается текст, передаётся подтекстовая информация, реализуется оценочная функция и функция воздействия. В значительной степени именно благодаря насыщенности аналитических текстов подобного рода конструкциями можно говорить об их диалогизации и о сближении с разговорным стилем речи.

Диалогический тип построения текста в аналитическом газетном жанре проявляется в основном в небольшом наборе речевых действий, таких как запрос мнения, что с синтаксической точки зрения может быть выражено в виде риторического вопроса; запрос подтверждения с положительной или отрицательной реакцией, что может передаваться через вопросно-ответное единство; эмоционально-чувственная реакция, т. е. такие типы речевых действий, которые подходят к общему аргументативному способу развития темы сообщения [11: с. 116].

В исследованном корпусе аналитических текстов были выявлены риторические вопросы, вопросы в повествовании или вопросно-ответные единства, а также случаи употребления различных типов вопросительных предложений, в том числе предложений с характерным для вопроса порядком слов, но не оформленные пунктуационно как вопросительные, или вопросительные предложения с прямым порядком слов.

В отличие от просто вопросительного предложения, вопрос в повествовании становится экспрессивным стилистическим средством. Вопрос задаёт сам автор, и сам же автор на него отвечает, с помощью чего создаётся впечатление

откровенной беседы автора текста и читателя. В отличие от риторического вопроса, вопрос в повествовании не содержит утверждения, а присутствие ответа, данного заранее знающим его субъектом, придаёт предложению полувосклицательный характер.

Использование автором текста вопросительных предложений направлено на вовлечение читателя в размышление над предложенной темой, а также на создание атмосферы непринужденного общения с адресатом, что повышает убедительность сообщения.

Утверждение (или отрицание), синтаксически и интонационно оформленное как вопрос, наиболее характерно именно для публицистики и ораторской речи, элементы которой могут включаться и в письменный аналитический газетный текст.

Из выделенных нами трёх типов вопросительных предложений в англоязычном текстовом материале риторический вопрос является наиболее употребительным.

Большое количество риторических вопросов в англоязычном материале позволяет говорить о том, что данный приём типичен для аналитического жанра английской газеты. То, что с помощью таких конструкций происходит скорее утверждение, а не собственно постановка вопроса, объясняет частоту его использования. Так, например, риторическим вопросом: *Who is against good leadership?* [6] автор даёт понять, что нет никого, кто был бы против хорошего лидера, или в предложениях: *But are we really content to go on muddling through for another 10 or 20 years?* [3]; *If this is not the moment of truth, then when?* [1] ответ также очевиден, и это напрямую оказывает воздействие на получателя информации, который воспринимает это как утверждение. Экспрессивность и эмоционально-смысловая наполненность риторического вопроса возрастает, когда он употребляется в финале статьи: *Just suppose the regime did survive. Over what kind of Syria would it rule?* [2]. Такой авторский ход может быть вызван желанием оставить некоторую недосказанность, сделать финал открытым, позволить читателю самостоятельно сделать вывод.

Вопрос в повествовании занимает в англоязычном текстовом материале не менее значимое положение. Эффект диалога достигается при использовании данного приёма в большей степени, чем в случае с риторическим вопросом.

Вопросно-ответное единство создаёт впечатление реального общения. Вот наиболее яркие примеры вопросно-ответного оформления текстового отрезка: *To paraphrase Life of Brian, what has Europe ever done for us? In the Monty Python film, the Judeans could grudgingly cite the aqueduct, roads, wine, irrigation, public baths, sanitation, medicine, education and security to acknowledge that being part of the Roman Empire was not entirely without its advantages...*

Who is right? Is it even possible to answer this question? More to the point, why does no one in government ever try to find out? Perhaps they are frightened of the answer [4];

Why are David Cameron and Iain Duncan Smith so confident that they can push through their welfare changes, capping benefits at £26,000, despite last's night resounding rejection by the House of Lords? The answer might be that, despite the reaction of the Lords, the coalition believes that public opinion supports the welfare cuts [7].

Оба примера демонстрируют коммуникативные возможности данного приёма, главным образом привлечение внимания к авторской позиции, управление восприятием читателя, а также привнесение элементов диалога в текст аналитической статьи. Вопрос в повествовании обеспечивает разграничение тематических блоков, служит средством оформления тезисно-выдвигающего фокуса и средством выделения авторского вывода. Вопрос в повествовании — это также эффективный способ композиционного оформления текста. Заявив тему, поставив основные вопросы, автор поэтапно отвечает на них, привнося новое видение. Он также способствует созданию структуры доказательного рассуждения — движение мысли автора происходит как бы на глазах читателя, тем самым сближая две стороны, устанавливая диалог между отправителем и получателем текста.

Другие виды вопросительных предложений менее распространены, и поэтому приведём лишь несколько примеров: *The answer is Ron Davis — remember him? — who resigned as secretary of state for Wales amid the most lurid headlines about his “moment of madness” on Clapham Common* [5] — вопрос-обращение к читателю; или вопрос с прямым порядком слов: *Surely this is the moment when the British anti-Brussels movement reaches its maturity?* [1], где о вопросительной интонации говорит только графическое обозначение.

Таким образом, вопросительные предложения всех типов являются мощным инструментом воздействия в руках автора аналитического текста, так как именно благодаря им становится возможным установить диалог с аудиторией, смоделировать необходимую реакцию, избежать коммуникативной неудачи и информационной перегрузки сообщения, наладить взаимодействие с максимально широким кругом читателей. Аудитория, читающая аналитическую журналистику, в первую очередь стремится проникнуть в глубь событий или явлений, что ей не позволяют делать новостные информационные сообщения. В связи с этим включение автором вопросительных предложений помогает сориентироваться в тексте статьи, не потерять нить повествования, удерживает внимание и интерес.

Ещё раз следует подчеркнуть полифункциональность вопросительных конструкций, их воздействующий, экспрессивный потенциал. Благодаря их включению в аналитический текст достигается целый ряд целей: структурирование текста, повышение динамики текста, его персонификация, создание подтекста, демонстрация скрытой полемичности, включение адресата в процесс рассуждения, а следовательно, установление субъектно-субъектных отношений, в которых получатель становится активным участником коммуникации.

Библиографический список**Источники**

1. *Ashley J.* Eurosceptics, beware: the euro crisis is bad for you too // The Guardian. 2011. 04.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/04/eurosceptics-beware-euro-crisis> (дата обращения: 04.02.2014).
2. *Fisk R.* What kind of Syria can survive this bitter battle for existence? // The Independent. 2012. 01.02. URL: <http://www.independent.co.uk/hei-fi/news/robert-fisk-what-kind-of-syria-can-survive-this-bitter-battle-for-existence-6297766.html?origin=internalSearch> (дата обращения: 04.02.2014).
3. *Garton Ash T.* Cameron and co are deluded — it's cold on Europe's margins // The Guardian. 2011. 21.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/21/cameron-deluded-cold-europe-margins> (дата обращения: 04.02.2014).
4. *Johnston P.* What are the benefits of staying in the European Union? // The Telegraph. 2011. 19.12. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/8965907/What-are-the-benefits-of-staying-in-the-European-Union.html> (дата обращения: 04.02.2014).
5. *Rawnsley A.* Dr Fox is not so rare a beast as Mr Cameron would have us think // The Guardian. 2011. 16.10. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/oct/16/andrew-rawnsley-liam-fox-not-untypical> (дата обращения: 04.02.2014).
6. *Richards S.* Epic times called for better than this // The Independent. 2011. 06.01. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/commentators/steve-richards/steve-richards-epic-times-called-for-better-than-this-2366034.html?origin=internalSearch> (дата обращения: 04.02.2014).
7. *Young P.* There is an appetite for welfare reform — but not at the expense of equality // The Guardian. 2011. 25.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jan/25/welfare-reform-not-expense-equality> (дата обращения: 04.02.2014).

Литература

8. *Александрова О.В., Комова Т.А.* Современный английский язык. Морфология и синтаксис. М.: Академия, 2007. 224 с.
9. *Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б.* Современные синтаксические теории. М.: URSS, 2009. 168 с.
10. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: URSS, 2010. 288 с.
11. *Коньков В.И.* Речевая структура газетного текста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 158 с.

References**Istochniki**

1. *Ashley J.* Eurosceptics, beware: the euro crisis is bad for you too // The Guardian. 2011. 04.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/04/eurosceptics-beware-euro-crisis> (data obrashheniya: 04.02.2014).
2. *Fisk R.* What kind of Syria can survive this bitter battle for existence? // The Independent. 2012. 01.02. URL: <http://www.independent.co.uk/hei-fi/news/robert-fisk-what-kind-of-syria-can-survive-this-bitter-battle-for-existence-6297766.html?origin=internalSearch> (data obrashheniya: 04.02.2014).

3. *Garton Ash T.* Cameron and co are deluded — it's cold on Europe's margins // The Guardian. 2011. 21.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/21/cameron-deluded-cold-europe-margins> (data obrashheniya: 04.02.2014).
4. *Johnston P.* What are the benefits of staying in the European Union? // The Telegraph. 2011. 19.12. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/8965907/What-are-the-benefits-of-staying-in-the-European-Union.html> (data obrashheniya: 04.02.2014).
5. *Rawnsley A.* Dr Fox is not so rare a beast as Mr Cameron would have us think // The Guardian. 2011. 16.10. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/oct/16/andrew-rawnsley-liam-fox-not-untypical> (data obrashheniya: 04.02.2014).
6. *Richards S.* Epic times called for better than this // The Independent. 2011. 06.01. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/commentators/steve-richards/steve-richards-epic-times-called-for-better-than-this-2366034.html?origin=internalSearch> (data obrashheniya: 04.02.2014).
7. *Young P.* There is an appetite for welfare reform — but not at the expense of equality // The Guardian. 2011. 25.12. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jan/25/welfare-reform-not-expense-equality> (data obrashheniya: 04.02.2014).

Literatura

8. *Aleksandrova O.V., Komova T.A.* Sovremenny'j anglijskij yazy'k. Morfologiya i sintaksis. M.: Akademiya, 2007. 224 s.
9. *Axmanova O.S., Mikae'lyan G.B.* Sovremenny'e sintaksicheskie teorii. M.: URSS, 2009. 168 s.
10. *Dobrosklonskaya T.G.* Voprosy' izucheniya mediatekstov: opy't issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi. M.: URSS, 2010. 288 s.
11. *Kon'kov V.I.* Rechevaya struktura gazetnogo teksta. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1995. 158 s.

О.В. Кузьмина

Особенности перевода греческого субстантивированного инфинитива в славянском тексте «Патерика Римского»

В статье рассматриваются способы перевода греческого субстантивированного инфинитива в тексте одного из древнейших славянских памятников. Даются варианты перевода, а также делается попытка объяснить появление тех или иных славянских конструкций степенью близости к славянскому синтаксису. Выявляется синтаксическая синонимия в славянском тексте, а также степень влияния греческого оригинала на синтаксис славянского перевода.

The article considers translation variants of the Greek substantivized infinitive in the text of one of the oldest Slavonic written records. The paper gives translation variants and also tries to explain the emergence of some Slavonic structures by proximity to Slavic syntax. The syntactic synonymy in the Slavic text is detected, as well as the extent of the Greek original's influence on the syntax of the Slavonic translation.

Ключевые слова: субстантивированный инфинитив; переводы с греческого; славянский перевод; Патерик Римский.

Keywords: substantivized infinitive; translations from Greek; Slavonic translation; Romanian Patericon.

Проблема перевода греческого субстантивированного инфинитива и субстантивированных инфинитивных конструкций в ранних славянских памятниках возникает в связи с общей проблемой влияния греческого языка на формирование литературного языка славян. Трудности в выявлении такого влияния связаны с отсутствием текстов до переводов с греческого и, следовательно, собственных закреплённых литературных норм. В подобной ситуации особенно сложно разобраться с исконностью или заимствованием тех или иных синтаксических конструкций. Это приводит иногда к разным точкам зрения на происхождение некоторых синтаксических конструкций, при отделении «своего» от «чужого» предположения высказываются с различными оговорками [2; 5]. В последние десятилетия учёные приходят к тому, что вопрос это сложный, не всегда объяснимый или не имеющий однозначного, точного ответа. Поэтому в современном научном мире более актуальными становятся идеи «поддерживающего влияния», «активизирующего воздействия» или «активизирующего влияния», что предполагает активизацию некоторых славянских синтаксических средств под воздействием сходных синтаксических образований греческого языка [3: с. 245].

Чтобы описать непосредственное влияние греческого языка, выявить синтаксические варианты перевода и соотнести их с возможными синтаксическими синонимами в исходном языке, необходимо использовать метод непосредственного сравнения оригинала и перевода. Для подобного сравнения синтаксических особенностей славянского перевода и греческого оригинала мы обратились к «Патерику Римскому», представляющему собой древнейший перевод «Бесед (Диалогов) папы Григория Великого с архидиаконом Петром о житии италийских отцов». Исследователи относят появление этого памятника ко времени не позже конца X века. Диалоги Григория Великого (в славянской традиции — Григория Двоеслова) были широко распространены у славян, известны многочисленные переводы, возникшие в разное время в разных культурных центрах [1: с. II–VII]. Критическое издание древнейшего перевода «Патерика Римского» было подготовлено итальянским славистом К. Дидди [1].

Употребление субстантивированного инфинитива является одной из характерных особенностей греческого синтаксиса. Подобные инфинитивные конструкции имеют устойчивую структуру, часто употребляются в средневековых текстах и чужды старославянскому и древнерусскому языкам [3: с. 255–265]. Субстантивация инфинитива в греческом языке производится очень легко благодаря употреблению артикля: «Как именная форма он [инфинитив] может... при прибавлении артикля ср. р. *тὸ* субстантивироваться и превращаться в полноценную изменяемую форму (например: *τὸ σωφρονεῖν* — “благоразумие, воздержание, сдержанность”» [4: с. 54]. Именно на славянский перевод такого субстантивированного инфинитива хотелось бы обратить внимание.

Описывая особенности славянского перевода «Патерика Римского» и доказывая сильнейшее влияние оригинала, К. Дидди особо выделяет перевод греческого определённого артикля *ὁ, ἡ, τό* относительным местоимением **иже, паже, еже**, в том числе и при переводе субстантивированных инфинитивных конструкций: «Прилежное, иногда рабское, соблюдение формальной структуры образца не ограничивается калькированием греческого артикля. Буквальный перевод, усердно следующий (хотя и с некоторыми исключениями) чисто греческим конструкциям, часто воспроизведя порядок слов оригинала, в большинстве случаев ведет к результату по меньшей мере неестественному для славянского языка. В качестве примера достаточно сослаться на разные типы инфинитивных греческих конструкций, переведенных без всякого приспособления к славянскому языку» [1: с. XV–XVI].

Подобных случаев точного повторения греческой синтаксической конструкции немало. Перевод греческого инфинитива с артиклем славянским инфинитивом с местоимением *еже* закономерно рассматривают как кальку:

καὶ μὴ βαρεῖα νομισθῆ ἢ αἰτήσις τοῦ διανοῦῆναι τὰ τῆς ὑποθέσεως [1: с. 6];

и да не мнить ти са тяж'ко моленіе мое. еже сказати вьбдѣржимю винѸ [1: с. 7].

Большинство учёных отмечают в подобных случаях склонность к калькированию инфинитивных конструкций в старославянских и ранних древнерусских переводах и большую зависимость от греческого оригинала. Однако можно увидеть (и довольно часто) и другие способы перевода данной синтаксической конструкции. Так, в следующем примере субстантивированный инфинитив аориста от глагола ἑάω («оставлять») с артиклем в генетиве передаётся также глагольной конструкцией с инфинитивом, но выстраивается собственное предложение, которое не противоречит славянскому синтаксису:

Τοῦ μοναστηρίου πρᾶγμα ὠρισμένον ἐστί, πάτερ, ὅπερ ἀδυνάτως ἔχω τοῦ ἑᾶσαι [1: с. 20];

манастирьскаѡ вещь повелѣна ми естъ. ѡчѣ сътворити. еѡже не могѡ вставиѡти [1: с. 21].

В рассматриваемом тексте «Патерика Римского» часто употребляется греческий субстантивированный инфинитив в форме генетива со значением цели. В большинстве случаев он передаётся славянским инфинитивом, что может быть подсказано и «мышлением по подобию» [3: с. 20], то есть возможностью употребления в греческом языке инфинитива без субстантивации в том же значении:

ἔξελθε τοῦ κηρύττειν [1: с. 30];

изиди проповѣдати [1: с. 31];

ὁ πατήρ ἡμῶν ὁ ἀποστολικὸς ποθεῖ τοῦ θεάσασθαι ὑμᾶς [1: с. 36];

оиѣ вашь апѣльскыи ликѣ. желаетъ видѣти вас [1: с. 37];

ἦν δὲ λοιπὸν ὁ καιρὸς τοῦ σωρεῦσαι ἐκ τῶν δένδρων τὰς ἐλαίας [1: с. 52];

вѣ же оуже время съврати маслины съ древа [1: с. 53].

Но в рассматриваемом памятнике много случаев, когда субстантивированный греческий инфинитив переводится не инфинитивом, а славянским отглагольным существительным:

ἐπὶ τῷ συνάξει ἀπέλθωσιν [1: с. 52];

на събранїе изидѣтъ [1: с. 53];

Ἐξ ὧν τὰ μὲν παρασιωπῶ, διὰ τὸ εἰς ἕτερα ἡμετέρᾳ με σπεύδειν [1: с. 22];

ѡ нихже ѡва оубо оумлъчю. иногo ради т'циана [1: с. 23].

Эти случаи говорят о преодолении влияния греческого синтаксиса. Большое количество подобных примеров позволяет утверждать, что переводчики далеко не всегда слепо калькировали оригинал. Напротив, несмотря на безусловно сильнейшее влияние греческого языка, они старались выбирать синтаксические средства, не противоречащие славянскому синтаксису. Это касается и перевода греческого субстантивированного инфинитива. Употребление в данном случае отглагольного существительного было органичнее для славянского языка, поэтому и получило широкое распространение:

ὁ αὐτὸς τοῦ Θεοῦ δοῦλος Ἐκύτιος, πρὸς τὸ οἰκοδομῆσαι λόγῳ διδασκαλίας... τοῦ μοναστηρίου ἐξῆλθε. [1: с. 26];

тѣже равѣ бжїи екоитїи. на създанїе слова оучительна манастиря излѣзе. [1: с. 27];

τοῦ παραγενομένου γεωργοῦ πρὸς τὸ θεάσασθαι αὐτὸν [1: с. 44];

пришедшемъ дѣлнтелю на видѣнїе его [1: с. 45];

Μετὰ δὲ τὸ βληθῆναι ἐν ἄλασι... [1: с. 60];

по влитѣи же въ всѧ съсѣды [1: с. 61].

В следующем примере особенно видно, что переводчик пользуется собственными лексическими и синтаксическими средствами, передавая греческий субстантивированный инфинитив славянским существительным:

καὶ ταῦτα ἐν τῇ ἰδίᾳ ἄρκλῃ βαλὼν, πρὸς τὸ ἐργάσασθαι ἐξῆλθεν [1: с. 66];

и сїа въ свои ковчегъ вложъ на дѣло изиде [1: с. 67].

Таким образом, мы отмечаем вариантность перевода одной и той же конструкции в славянском тексте. Использование разных синтаксических средств при переводе субстантивированного инфинитива, с одной стороны, указывает на синтаксическую синонимию, что само по себе являлось средством преодоления прямого влияния греческого языка, а с другой — маркирует особый приём, обогащавший новый литературный язык [3: с. 41]. Имея возможность по-разному переводить греческий субстантивированный инфинитив, в рассматриваемом тексте «Патерика Римского» переводчики чаще использовали отглагольное существительное или инфинитив со значением цели в конструкциях, не противоречащих славянскому синтаксису. И несмотря на достаточное количество случаев, которые можно считать кальками, при выявлении степени влияния греческого языка в области синтаксиса можно говорить об опосредованном влиянии, связанном с предсказуемыми славянскими синтаксическими построениями. Это ещё раз подтверждает идею об активизирующем воздействии, о непрямом влиянии греческого языка. В результате поддерживающего влияния греческой конструкции активизируются синтаксические средства славянского языка, что обусловило их дальнейшее функционирование и распространение в древнерусском языке.

Библиографический список

Источники

1. Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Издание подготовлено К. Дидди. М.: Индрик, 2001. 546 с.

Литература

2. Бауэр Я. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 4–13.

3. Чернышёва М.И. Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1994. 447 с.

4. Янзина Э.В. Учебник древнегреческого языка. М.: Р. Валент, 2014. 512 с.

5. Ярцева В.Н. Проблема выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 3–14.

References***Istochniki***

1. Paterik Rimskij. Dialogi Grigoriya Velikogo v drevneslavjanskom perevode / Izdanie podgotovleno K. Diddi. M.: Indrik, 2001. 546 s.

Literatura

2. *Baue'r Ya.* Osnovny'e problemy' sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya sintaksisa slavyanskix yazy'kov // Voprosy' yazy'koznaniya. 1963. № 4. S. 4–13.

3. *Cherny'shyova M.I.* Problemy' vliyaniya grecheskogo yazy'ka na yazy'k perevodny'x pamyatnikov v drevnerusskoj knizhnosti: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01; Institut russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova. M., 1994. 447 s.

4. *Yanzina E'.V.* Uchebnik drevnegrecheskogo yazy'ka. M.: R.Valent, 2014. 512 s.

5. *Yarceva V.N.* Problema vy'deleniya zaimstvovanny'x e'lementov pri rekonstrukcii sravnitel'no-istoricheskogo sintaksisa rodstvenny'x yazy'kov // Voprosy' yazykoznaniya. 1956. № 6. S. 3–14.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

И.А. Бубнова,
В.В. Красных

**Человек и его образ мира
как объект и предмет современных интегра-
тивных исследований: традиции и новации**

В статье предлагается интегративный подход к изучению *образа мира* человека, обозначенный авторами как *нео-психолингвистика*, который может стать одним из новых направлений психолингвистических исследований. Предлагаемый подход, по мнению авторов статьи, отвечает требованиям сегодняшней реальности и даёт возможность объяснять своеобразие и динамику *образа мира* лингвокультурного сообщества и соответственно поведения отдельного человека, к которому он принадлежит, не только с точки зрения доминант определённой культуры, но и исходя из индивидуальных особенностей структуры языковой личности отдельных членов данного этноса.

The article introduces an integrative approach which might become a new productive way of personal *world view* studies. The authors label it *neo-psycholinguistics* and consider it meeting challenges of today's reality and helpful in understanding and explanation of distinctness and dynamics of ethnocultural community's *world image* and consequently its individual representative's behaviour both from the point of certain culture dominants and specific structural features of linguistic identity of the ethnos's individual members.

Ключевые слова: интегративный подход; нео-психолингвистика; образ мира; культурные доминанты.

Keywords: integrative approach; neo-psycholinguistics; world image; cultural dominants.

Характерная особенность науки XXI века заключается в том, что направление её развития в значительной степени определяется фундаментальными преобразованиями в жизни общества, вошедшего в новую фазу — фазу смены его самосознания, системы ценностей и соответственно кардинального трансформирования его *образа мира*. Именно этот факт, что вполне естественно, повлечёт за собой изучение и осмысление не привлекавших ранее внимания учёных сторон окружающей нас действительности. В целом складывается новая система гуманитарного знания, характеризующаяся, с одной стороны, изменением самого контекста познания,

всё большим проникновением в изучение проблем, традиционно относящихся к гуманитарным аспектам, и принципов естественно-научного подхода, а с другой — сохранением уже накопленного материала, учётом его более ранних интерпретаций, переосмыслением имеющихся результатов на основе нынешних данных об окружающем нас мире.

1. Психолингвистика: специфика научных исследований

Сказанное в полной мере относится к современной психолингвистике, где всестороннее, комплексное исследование тех или иных языковых либо речевых феноменов как «живого» целостного знания уже несколько десятилетий рассматривается как норма. Более того, по своей сути психолингвистика с самого момента своего основания совершенно естественно вписалась в ряд принципиально новых научных дисциплин, главной чертой которых является комплексность, и это изначально дало ей широкие возможности для решения различных теоретических и практических проблем.

Сегодня, как нам представляется, можно говорить о целом ряде психолингвистических направлений в нашей стране, которые уже стали классическими. И здесь, в контексте нашей работы, следует упомянуть исследования, продолжающие разработку общей теории речевой деятельности, — исследования, касающиеся психолингвистической теории значения слова, структуры языковой личности и содержания языкового сознания различных народов. С одной стороны, результаты многих из них, войдя в «золотой фонд» отечественной психолингвистики, давно перешагнули её границы и стали широко использоваться теми учёными, чьи научные интересы лежат в смежных областях знания. С другой, выверенная методология, в основе которой лежит деятельностный подход, не просто обеспечила в процессе изучения речевых феноменов фокусировку внимания на личности, но и позволила психолингвистике динамично развиваться за счёт включения в сферу её внимания новых проблем, требующих решения на данном этапе развития науки о языке. При этом особо следует подчеркнуть, что в данном случае речь идёт не об эклектизме, а о гармоничном включении в ходе работы теоретических положений родственных подходов, что, в свою очередь, дало возможность получать новые результаты, не противоречащие основным методологическим принципам, лежащим в основе классической отечественной психолингвистики, что предопределяет безусловную интегративность исследований.

2. Современные исследования в рамках психолингвистики: возможные пути развития

Проблема языкового сознания, тех отличительных черт, которые характеризуют образ мира этноса, особенности его культуры как «некого коллективного общего для группы людей, живущих одновременно и связанных определённой социальной организацией» (по Ю. Лотману), уже в течение нескольких десятилетий представляют интерес для многих исследователей, работающих в рамках

психолингвистики. Более того, в последние годы участились обвинения в «лингвистическом нарциссизме» как неотъемлемой части русского варианта идеологии национального превосходства, уходящей корнями в работы М.В. Ломоносова, А.А. Бестужева-Марлинского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, С.А. Есенина и многих других учёных и писателей (см., например: [8]). Эти обвинения, звучащие в адрес представителей различных научных российских школ и направлений, также настоятельно требуют не только научных дискуссий, но и продолжения исследований, результаты которых способны укрепить позиции тех, кого часть коллег называет «неогумбольдтианцами», вкладывая в это слово отнюдь не положительный смысл. Но даже если оставить в стороне все эти, с нашей точки зрения, абсолютно несостоятельные и политизированные упрёки, следует признать, что и сейчас перед исследователями стоит достаточно много вопросов, которые ещё только ждут своего решения. И в данном случае, как нам представляется, одним из перспективных направлений может стать исследование содержания языкового сознания этноса с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой — систем социальных. Такой подход выводит нас на комплексную проблему *языкового сознания* человека как биологического существа, члена многочисленных социальных групп и одновременно представителя определённого лингвокультурного сообщества. Наши размышления основаны на следующих предпосылках.

2.1. Само появление термина *языковое сознание* в психолингвистике было обусловлено интересом исследователей к содержанию *национального образа мира*, который, по мнению Н.В. Уфимцевой, является основополагающей компонентой культуры этноса [11]. Таким образом, именно *образ мира* представляет собой главный объект психолингвистических исследований в значительной части работ, выполненных в психолингвистической парадигме. Предметом же в данном случае становится *сознание*, изучаемое через формы его овнешнения, и прежде всего через языковое сознание — **опосредованный языком образ мира той или иной культуры** [11] (выделено нами. — И.Б., В.К.).

Как замечает Н.В. Уфимцева: «В процессе развития этноса **образ мира может меняться**, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного — этнические константы, сквозь призму которых человек и смотрит на мир. В процессе социализации происходит “присвоение” этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека» [11: с. 5–6].

Если попытаться выразить это в виде формулы, то получаем следующее:

$$\begin{array}{ccc} \mathbf{K} \text{ (этнические константы)} & \rightarrow & \mathbf{ОМ} \text{ (образ мира) этноса} \rightarrow \\ \rightarrow \mathbf{ЯС} \text{ (языковое сознание) этноса} & & \rightarrow \mathbf{ЯС} \text{ (языковое сознание) инд.,} \end{array}$$

причём в данном случае важно: если *ОМ* возникает на основе культуры, этнических констант, является результатом её существования и может изменяться под воздействием различных факторов, то сама культура, её константы остаются неизменными.

Именно эта формула, как правило, лежит в основе моделирования содержания языкового сознания любого лингвокультурного сообщества.

Как можно заметить, в данном случае точкой отсчёта является языковой коллектив с уже сложившимися культурными традициями, которые воспроизводятся каждый раз на новом витке развития цивилизаций — культурных суперсистем (О. Шпенглер) или определённых социальных общностей (П. Сорокин), существующих в режиме циклических изменений, переживающих сходные фазы жизненного цикла и сохраняющих при этом свою самобытность.

2.2. На наш взгляд, неоспоримое достоинство описанной выше формулы заключается в том, что она не только даёт возможность выявлять специфику ОМ этноса, но и абсолютно явно демонстрирует, что именно культура выступает в роли центростремительных сил, позволяющих сохранять этническое своеобразие народа. В то же время, как нам представляется, объяснительная способность такого подхода распространяется только на определённый временной промежуток. Иными словами, модель прекрасно функционирует только при допущении, что культурные константы, говоря языком математики, есть величина постоянная, тогда как ОМ — это зависимая переменная.

Однако в любой науке (и психолингвистика, будучи наукой, одновременно и гуманитарной, и естественной, тем более не является исключением) метод, основанный на фиксированных законах, данных раз и навсегда и действующих в определённом диапазоне, ограничивает сам себя.

Более того, совершенно очевидно, что при таком подходе к исследованию *образа мира и языкового сознания* учитываются только центростремительные, т. е. коллективные, статические механизмы, и практически полностью исключаются механизмы центробежные — индивидуальные и динамические.

В данном случае нам кажется уместным сослаться на замечание Ю. Лотмана, неоднократно подчёркивавшего: «...существование человеческого мира, полностью организованного по циклическим моделям, представляет собой философскую абстракцию, обращенную против исторической реальности. Линейная модель движения — столь же древняя, как и само человечество. Конечно, соотношение линейных и циклических процессов многократно меняло свой характер на протяжении долгого пути человечества. **Но их конфликтная соотносённость всегда была динамическим фактором развития культуры**» [7: с. 145] (выделено нами. — *И.Б., В.К.*).

2.3. Следовательно, необходимо выявить, какие силы или факторы олицетворяют те линейные процессы, которые составляют оппозицию процессам циклическим.

Безусловно, сейчас трудно рассуждать о тех этапах развития человечества, о которых не сохранилось никаких свидетельств. Однако идеи об инвариантах человеческого общества, о всеобщности, лежащей за их эмпирическим разнообразием, о существовании некоего общего механизма, «который, возможно, лежит в основе тех различных способов, каким человеческий разум действует в различных обществах, на разных этапах исторического развития» [6: с. 340],

буквально пронизывающие работы этнологов и антропологов, позволяют нам выдвинуть предположение, что и сама культура — это результат преобразования *предобраза мира*, в основе формирования которого лежала изначально «неприручённая» (в терминологии К. Леви-Стросса) мысль отдельного человека. Именно эта мысль и разворачивалась линейно, позволяя первым людям осваивать действительность, окружающую их. Именно она и продолжает, на индивидуальном уровне, разворачиваться линейно, изменяя постепенно *образ мира* всего этноса.

Предобраз мира в таком случае становится более фундаментальным образованием, чем культура, а первоначальная формула приобретает следующий вид:

$$\begin{array}{ccccccc} \text{Человек} & \text{как инд.} & \rightarrow & \text{ПредОМ}_{\text{универ.}} & \rightarrow & \text{К (этнические константы)} & \rightarrow \\ & & & \rightarrow \text{ОМ}_{\text{этноса}} & \rightarrow & \text{ЯС}_{\text{этноса}} & \rightarrow \text{ОМ}_{\text{инд.}} \end{array}$$

Главным следствием использования предлагаемой нами расширенной формулы является снятие противоречий:

- между динамикой индивидуального и статикой коллективного, т. е. между изначально линейным постижением мира первочеловеком или человеком, только начинающим формировать свой образ мира, на индивидуальном уровне и обменом полученными эмпирическим путём знаниями и представлениями в группе. Иными словами, в данном случае речь идёт о том этапе филогенеза и онтогенеза, на котором существует лишь *предобраз мира*, а поэтому представляется более правильным говорить именно о *человеке* — носителе определённых индивидуально-организмических характеристик или «телесной личности», по П. Жане, на основе которой в дальнейшем постепенно происходит формирование личности как общественно-исторического феномена;

- между универсальным для всего человечества опытом и существующим культурным разнообразием, возникающим путём отбора релевантных для жизнедеятельности именно этого сообщества культурных норм.

2.4. Но не менее важным, на наш взгляд, оказывается тот факт, что *образ мира* отдельного человека получает равный статус с *образом мира* определённого лингвокультурного сообщества. Иными словами, ещё одним, причём не менее перспективным в изучении обсуждаемой здесь проблемы, может оказаться иной путь, где отправной точкой исследования является не культура, а человек в совокупности его индивидуально-психических характеристик, «растающий» в свою культуру в процессе социализации.

3. Методологические основания нового направления исследований

Предлагаемый нами подход предполагает, что, оставаясь в рамках деятельностной парадигмы, при этом рассматривая деятельность широко, как тот деятельный контекст, на фоне которого и в ходе активного взаимодействия с которым, в процессе переплетения «натурального» и «культурного» рядов развития человека постепенно формируется личность [3–5] (см. также понимание деятельности в работах С.Л. Рубинштейна [9; 10]), мы переносим акцент на категорию «человек». Именно он, являясь основным звеном в диаде

«индивид – языковое сознание этноса», определяет не только своеобразие структуры и содержания последнего, но и сложность его природы и динамику и направления его изменений.

Таким образом, подход, который может быть обозначен как *нео-психолингвистический*, фокусируется на *человеке*, который понимается нами в русле концепции человека Б.Г. Ананьева: суть психики отдельного представителя человеческого сообщества есть интеграция истории развития психического у всего рода (филогенеза), повторяющаяся в его личной истории развития (онтогенезе) и включающая в себя в качестве неотъемлемой части процесс социализации. Не менее важным для нас является и то, что содержание психики человека не может рассматриваться в отрыве от истории формирования и развития всего человечества, от его культурного наследия, от тенденций развития Вселенной (см.: [2]).

Человек, по Б.Г. Ананьеву, мнение которого мы полностью разделяем, существует как целостное единство разных уровней или ипостасей: индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Вполне очевидно при этом, что формирование уровней — от индивида к индивидуальности — происходит в течение всей его жизни, поэтому в каждый отдельный момент своего бытия интегративная целостность человека представляет собой динамическое образование, структура которого обусловлена постоянным развитием и изменениями на каждом из уровней его жизнедеятельности.

Если индивидуальные свойства даны человеку от рождения и проявляются в той или иной степени яркости в течение всей его жизни, то как личность он формируется в социуме, и процесс социализации обуславливает выдвижение на первый план социальных ролей и статусов. Однако явная «видимость» и очевидная важность этих феноменов для социальной стороны жизни человека не означают того, что сама личность обязательно жёстко детерминирована структурой общества. Наряду с социальной стороной жизни у каждого человека существует и иная, внутренняя жизнь, которая организуется его субъективным отношением к миру, формирующимся в процессе активной жизнедеятельности. Другими словами, социальное существует в двух видах — в форме общества и в форме индивидуального бытия конкретного человека [1], и это обстоятельство определяет уникальное место личности в обществе. Формируясь и развиваясь в ходе жизненного пути, социальные качества начинают оказывать влияние на индивидуальные свойства человека, и в совокупности данные черты определяют своеобразие коммуникативных, интеллектуальных и других психологических характеристик личности, а следовательно, его индивидуальный *образ мира*.

Важно при этом помнить, что интегральная целостность человека невозможна без ещё одной линии в человеческой жизни, тесно переплетённой с уровнем личности. Это жизнь человека в качестве субъекта деятельности, что изначально подразумевает его включённость в различные формы взаимодействия с миром и самим собой, т. е. его общественное поведение, берущее начало в своеобразии психологической структуры человека как субъекта.

И только при наличии всех трёх уровней, в результате синтеза свойств индивида, личности и субъекта возникает индивидуальность, обладающая *особой организацией*. Центральная область индивидуальности — это я человека, его внутренний *образ мира*, который, как отмечает Б.Г. Ананьев, является психологическим барьером, определяющим избирательное отношение человека к различным внешним воздействиям [3: с. 329].

Мы считаем, что, принимая данную модель человека за основу, можно выстроить целый комплекс взаимосвязанных исследований *образа мира* как элемента языкового сознания человека — индивида, личности, субъекта или индивидуальности. В этом случае содержание целостного *образа мира* человека как члена определённого лингвокультурного сообщества будет определяться, с одной стороны, степенью и эффективностью воздействия социума, а с другой — степенью его свободы, опосредованной уровнем сформированности индивидуальности, которая, в свою очередь, детерминирована общественно-исторической жизнью. Именно такая роль отводится историческому времени в концепции Б.Г. Ананьева, который рассматривает историческое время как «фактор первостепенной важности для индивидуального развития человека», отмечая, что «все события этого развития (биографические даты) располагаются относительно к системе измерения исторического времени» [3: с. 154].

Тезисы, высказанные Б.Г. Ананьевым, во многих аспектах перекликаются с современными оценками значимости индивидуальных свойств личности для глобальных изменений в обществе. В этом смысле позиция Б.Г. Ананьева совпадает с теоретическими положениями современного эволюционно-исторического подхода к личности А.Г. Асмолова, утверждающего, что «проявления индивидуальности личности преимущественно отражают эволюцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности новых вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы» [4: с. 23].

Таким образом, общественно-историческое время, включающее в себя как социальные влияния, так и влияния культурные — этнической и массовой культур, а также культурного наследия всего человечества, — оказывается, как нам представляется, ведущим *внешним* фактором, определяющим не только направление развития человека от индивида до индивидуальности, но и содержание его индивидуального *образа мира*, которое соответствует данной точке его созревания. Если же говорить о *внутреннем* факторе, то можно полагать, что в значительной степени индивидуальность опосредуется фактором интеллекта, определяющим иерархию смысложизненных ориентаций. Наше предположение основано на том, что индивидуальность противоположна шаблонности, усреднённости, причём и первое, и второе суть производное от особенностей мыслительной деятельности. Формирование индивидуальности на внутреннем уровне происходит в процессе рефлексии над своим собственным жизненным путём и окружающим миром, а это возможно лишь в том случае, если человек способен к высокопродуктивной интеллектуальной деятельности (обладает

развитыми интеллектуальными способностями) и отличается индивидуальным своеобразием склада ума (в виде индивидуальных познавательных стилей) [12].

4. Актуальность нового направления исследований

Актуальность исследования *образа мира* человека как члена определённой социальной группы подтверждается теми событиями на Украине и в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия *образов мира*, характерных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития. И только комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об *образах мира* в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

Безусловно, в данной статье высказаны лишь некоторые идеи, которые имеют дискуссионный характер и требуют дальнейшего развития и осмысления проблемных областей. Однако нам представляется, что преимущество предлагаемого подхода заключается в глубинной научной рефлексии основных теоретических положений психологии личности и классической отечественной психолингвистики, что противопоставляет её современному «ползучему эмпиризму», в котором обвиняют психолингвистов. Более того, такой подход позволяет исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, по нашему мнению, такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как даёт возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества.

Библиографический список

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1977. 380 с.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
4. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: дис. в виде доклада... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1995.
5. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3 / Отв. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1983. 367 с.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
7. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: Таллиннский университет, TLU Press, 2010. 232 с. (Bibliotheca Lotmaniana.)

8. Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Вып. 4 (38). Екатеринбург, 2011. С. 11–21.

9. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. М.: Наука, 1997. 462 с. (Памятники психологической мысли.)

10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998. 705 с. (Мастера психологии.)

11. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Предисловие // Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004. 792 с.

12. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

References

Literatura

1. Abul'xanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M.: My'sl', 1991. 299 s.

2. Anan'ev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya / AN SSSR, In-t psixologii. M.: Nauka, 1977. 380 s.

3. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. L.: Izd-vo LGU, 1968. 339 s.

4. Asmolov A.G. Istoriko-evolyucionny'j podxod v psixologii lichnosti: dis. v vide doklada... d-ra psixol. nauk. M., 1995.

5. Vy'gotskij L.S. Istoriya razvitiya vy'sshix psixicheskix funkcij // Vy'gotskij L.S. Sobr. soch.: v 6 t. T. 3 / Otv. red. A.V. Zaporozhecz. M.: Pedagogika, 1983. 367 s.

6. Levi-Stross K. Pervoby'tnoe my'shlenie. M.: Respublika, 1994. 384 s.

7. Lotman Yu.M. Nepredskazuemy'e mexanizmy' kul'tury'. Tallinn: Tallinnskij universitet, TLU Press, 2010. 232 s. (Bibliotheca Lotmaniana.)

8. Pavlov A.V., Bezrodny'j M.V. Xitrushki i edinorog: iz istorii lingvonarcissizma // Politicheskaya lingvistika / Gl. red. A.P. Chudinov; FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». Ekaterinburg, 2011. Vy'p. 4 (38). S. 11–21.

9. Rubinshtejn S.L. Izbranny'e filosofsko-psihologicheskie trudy': Osnovy' ontologii, logiki i psixologii / РАН, In-t psixologii. M.: Nauka, 1997. 462 s. (Pamyatniki psixologicheskoy my'sli.)

10. Rubinshtejn S.L. Osnovy' obshhej psixologii. SPb.: Piter, 1998. 705 s. (Mastera psixologii.)

11. Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F. Predislovie // Slavyanskij associativny'j slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij. M.: Mosk. gos. lingvist. un-t, 2004. 792 s.

12. Xolodnaya M.A. Psixologiya intellekta. Paradoksy' issledovaniya. 2-e izd. SPb.: Piter, 2002. 272 s.

Н.С. Иванова

О некоторых актуальных словесных объективаторах концепта «успех» в современном русском и болгарском языках

Статья посвящена исследованию некоторых актуальных семантических процессов, отражающих динамику репрезентаций концепта *успех* в новой экономической и культурной ситуации последних лет в двух славянских языках — русском и болгарском. Особое внимание обращается на факты семантической деривации, смысловой модификации, а также заимствование и калькирование лексем из английского языка, которые объективируют концепт *успех* в общественно-политическом дискурсе сегодня. Анализ в таком плане, на наш взгляд, даёт интересную информацию об изменениях в картине мира носителей наших языков и мотивирует исследование языка как транслятора культурно значимой информации.

The paper is devoted to investigation of current semantic processes, reflecting representation dynamics of the concept of *success* as it is seen in the economical and cultural situation of late in two Slavonic languages — Russian and Bulgarian. In the focus are the facts of semantic derivation, semantic modification, as well as borrowing and loan translating of English lexemes, which objectify the concept of *success* in today's political discourse. The analysis in this regard, in our opinion, gives interesting information about the changes in the world picture projected in our languages and motivates the study of language as a translator of culturally significant information.

Ключевые слова: успех; культурный концепт; семантические процессы; русский язык; болгарский язык.

Keywords: success; cultural concept; semantic processes; Russian; Bulgarian.

Понимание сущности и измерений успеха как социального ориентира современного человека особенно интересно исследовать в связи с динамичным развитием и изменением общественно-политических и экономических условий в последние десятилетия как в России, так и в Болгарии. Болгарский профессор-социолог Н. Тилкиджиев опубликовал обзорную статью, анализирующую социальные индикаторы жизни на базе данных всех европейских стран. В ней учёный рассматривает *успех* в одной концептуальной рамке с качеством жизни и называет *счастье* «результатирующей *успеха*», а удовлетворённость жизнью — степенью «*позитивного*» *успеха*. Счастье, пишет Н. Тилкиджиев, является «важным понятийным субъективным индикатором качества жизни, но лишь в последние несколько лет, особенно с 2000 г., оно привлекает интерес исследователей, комментаторов, экспертов, политиков, журналистов. Возможно, это выглядит как «интуитивно-утилитаристское» отношение к счастью, но представления о нём, оценки достигнутой

«степени» счастливой жизни являются собирательным и концентрированным образом достигнутого успеха, удовлетворённостью жизнью в целом, итогом полноценной жизни. Несмотря на субъективность и относительность оценки достигнутого счастья, она может быть обобщённым показателем самооценки людей, их места и роли в обществе, полученного признания этого места и роли» [12: с. 122]. (Здесь и далее перевод наш. — *Н.И.*)

Экзистенциальная важность этих проблем, особенно в период социальных трансформаций, фокусирует вокруг себя богатую речевую практику носителей как русского, так и болгарского языков. В ней можно выделить ценностные аспекты современной культуры достижения, а также формирующиеся общественные реакции на новый статус *успеха*. Российский учёный С. Ключников, например, высказывает категорическую позицию, что «кризисы России во многом происходят от отсутствия общих идеалов успешности» [10: с. 1]. «Слово *успех*, — пишет он, — русского происхождения, но само понятие это в нашем обществе несёт на себе налёт западного мироощущения. Отношение к успеху и успешным людям у нас и на Западе весьма различается. Если на Западе существуют целые школы развития успешности и успешность культивируется как определённый стиль поведения и жизни, то у нас отношение к этой теме более сложное. В советское время успешные люди именовались выскочками и карьеристами, идеалом были скромные герои-бессребреники. Сегодня богатые и успешные люди часто бывают объектами всевозможных нападков — хотя у нас они часто заслуживают такого отношения. <...> У нас нет развитой, гармоничной теории успешности, но есть природные комплексы и почти архетипическое её неприятие, нет культуры успеха. Наша страна и нация не пришли к единому мнению по поводу того, что же такое жизненный успех. Для одних это только духовные устремления и отрицание мирского, для других важно и мирское, но они неудачливы, и это есть источник их протеста против успешности как таковой. Третьи добились успеха несправедливыми путями (как говорил Остап Бендер, “все современные крупные состояния нажиты нечестным путём”), но они совершенно не думают о других и с непривычки заняты демонстрацией собственного богатства. Они играют в успешность абсолютно без правил, подчас пугая своим варварским мировоззрением и поведением. Эти три класса людей не могут между собой договориться: у них нет единых критериев жизни» [10: с. 28]. Проблемам исследования тематики успеха на основе сопоставления различных ментальностей и языков посвящены также диссертационные исследования [7; 8; 11; 13].

Стремление к выявлению единых критериев благополучия общества очень актуально в Болгарии, его результатом стало издание специальной книги «22 модели успеха, или Как достичь успеха в Болгарии» болгарских журналистов А. Георгиева, Г. Стайкова, Э. Спахийского. В этой книге они публикуют интервью с 22 успешными людьми (число неслучайно, столько лет длится переходный период в Болгарии), претворившими в жизнь современный идеал успешного человека [2]. Семантическая модификация самой

лексемы «успешный» и её употребление с одушевлёнными существительными (и в русском, и в болгарском языках) является результатом объективации этого идеала: «Как човек може да успее? Колкото по-добре се научиш да служиш на хората, толкова **по-успешен** ще бъдеш!» [2: с. 65]; «Разговарял съм с много хора, които са **успешни** и в бизнеса, и в политиката, а са на 60–70 г и продължават да имат планове, като че ли са на 20» [2: с. 129] («Как человек может преуспеть? Чем лучше ты научишься служить людям, тем успешнее будешь!»); «Я разговаривал со многими успешными и в бизнесе, и в политике, а им 60–70 лет, и они продолжают строить планы, как будто им 20»).

Причину данной метаморфозы многие исследователи находят во влиянии английского языка. В «Словаре модных слов» В. Новикова о лексеме *успешный* читаем: «Эпитет *успешный* недавно съездил за границу и вернулся оттуда солидным, пополневшим в смысловом отношении. Вспомним, каким он был до “того”»: “*сопровождающийся успехом*”, “*удачный*” — так и только так говорилось о нём в толковых словарях. *Успешным* можно было назвать какое-нибудь дело, мероприятие, но не человека. Для характеристики личности использовалось прилагательное *преуспевающий*, имевшее, кстати, лёгкий оттенок неодобрительности: недаром в словаре Ожегова в качестве примера его употребления приведено сочетание *преуспевающий делец*. Но вот наш *успешный* встретился за рубежом со своим английским коллегой по имени *successful*, который живёт гораздо богаче, свободно сочетаясь и с названиями дел, и с наименованиями людей. В англо-русских словарях эти значения до сих пор даются под разными цифрами: 1. *успешный, удачный*; 2. *преуспевающий, удачливый*. Русский язык, в отличие от английского, долгое время упорно отделял труд от труженика, общественное от личного. Переняв западный опыт, прилагательное *успешный* удвоило свои капиталы на родине. Не только *успешный проект*, но и *успешный бизнесмен, успешный артист* — теперь звучит повсюду. Сосуществование двух значений, старого и нового, можно проследить в названиях книг, продающихся с лотков: здесь есть и “Краткий курс успешного похудения”, и “Суперстратегия успешного продавца”. Перемена значения отражает глобальный сдвиг в нашем сознании. Много лет нас призывали отдавать все силы успешному решению «поставленных задач» и не заботиться при этом о собственном персональном благополучии. Но жизнь берёт своё: для того чтобы социальное развитие страны было по-настоящему успешным, необходимо наличие в обществе *успешных личностей*» [5: с. 218–219].

Подобная тенденция расширения сочетаемости прилагательного *успешный*, как видно из приведённых выше примеров, наблюдается и в болгарском языке. Сегодня в болгарском наряду с лексемами *успял* («достигший успеха») и *преуспял* («достигший большого успеха»), согласно словарным статьям в Болгарском толковом словаре [1: с. 747, 1009], сферой достижения такого успеха является наука: *преуспял в науката*, а в узусе это значение связывается только с материальным успехом: *достигший большого успеха в виде финансово-го и материального благополучия*; употребляется и прилагательное *успешен*,

которое сочетается с одушевлёнными существительными в значении *носителя успеха*. Можно считать утвердившимся речевым фактом семантическую модификацию прилагательного *успешен* в современном болгарском языке: расширение его сочетаемости с одушевлёнными существительными и переосмысление значения «сопровождающийся успехом» (*успешен спортист, успешен треньор*, т. е. «завоевавший награды, почёт»): «болгарский успешный человек успешен преимущественно в бизнесе» [9: с. 134].

В последнее время в болгарском языке происходит и дальнейшая прагматизация значения лексемы *успял* («достигший успеха») по отношению к актуализации признака «материальное и финансовое благополучие», так как в дискурсе с ней уже зафиксированы словосочетания с количественным значением: «В нормално общество можех да съм в пъти по-успял» [4].

Этот же признак актуализируется только в лексеме *успех* в отличие от синонимичной ей *сполука* (*успех, благополучие, добро* [1: с. 915] при их контекстуальном сопоставлении: «Горчивият грях на днешния век е, че преобърна представите за успеха — няма успех, който да не носи пари. Не е успех което и да е дело, ако не те направи богат. И... ако не влезеш в телевизора. И младият човек, който трябва да се пребори с враждебните днешни учебници, като вижда онези със специфичния говор, онези с купените гласове, онези с по една прочетена книга, онези, дето не знаят столиците на европейските държави, всичките заможни и известни с това, че са известни — той доброволно и напълно информирано се отказва от този вид сполука. Сполуката, която се добива с учене» [3] («Беда нынешнего времени в том, что оно перевернуло наши представления об успехе, — нет успеха, если он не приносит денег. Не является успехом деятельность, которая не сделает тебя богатым. И ... если ты не войдёшь в телевизор. И молодой человек, который должен одолеть современные враждебные учебники, когда он видит людей, разговаривающих на странном языке, тех, кто продаёт свои голоса на выборах, тех, кто не прочитал более одной книги, тех, кто не знает названий столиц европейских государств, всех состоятельных и известных только тем, что они известны, — он добровольно и вполне осознанно отказывается от успеха. От успеха, который достигается подобным учением»).

Фактом современного состояния болгарского языка являются также прямые заимствования слов из английского языка, которые восполняют существующую лакунарность в обозначении «сферы» успеха, его носителей и даже гарантов его достижения. Обозначая понятия, у которых в нашей жизни до сих пор не было аналога, некоторые слова из английского языка были заимствованы в их оригинальной (транскрибированной) фонетической форме, которая получила письменную фиксацию: «Тя работи като **лайф-коуч**» (*life coach*, букв. она работает *тренером для жизни, т. е. тренером успешных людей), уже стало вопросом престижа быть тренером себя самого в достижении успеха — «Обществото признава хората-**селфкоуч**» (*self coach*). Таким же

смысловым зарядом обладает лексема *промоутър* (*promoter*), так как ею обозначается «лицо, гарантирующее успешное исполнение профессиональных обязанностей рекомендованным им лицом». Достигнутый успех обеспечивает дауншифтинг (*down-shifting*, т. е. наличие большего свободного времени, которым располагает успешный человек).

В других случаях, в связи с желанием акцентировать новый оттенок значения в осмыслении успеха как сугубо личного достижения и результата личной предприимчивости, говорящий заимствует из английского целое словосочетание, являющееся контекстуальным синонимом болгарского слова *успял* (*достигшии успеха*): «Радвам се, че едно от нещата, които сега учат синът ми и дъщеря ми в училище, е да бъдат *risk taker*. Трябва да си добър „взимач“ на рискове, ако искаш да живееш интересен живот, живот с предизвикателства. Въпросът обаче е какъв искаш да бъдеш — предприемач или служител? Това е първият избор, който трябва да направиш» [2: с. 124] («Я рад, что в школе мои сын и дочь учатся быть *risk taker*. Ты должен быть добрым «инициатором» рисков, если хочешь иметь интересную жизнь, полную вызовов. Вопрос, однако, в том, кем ты хочешь быть — предпринимателем или исполнителем? Прежде всего ты должен сделать этот выбор»). Таким образом, болгарский успешный человек — это прежде всего решительный человек. На его фоне выделяются также и его суперуспешные и мегауспешные собратья. Для сравнения, в русском тоже встречаются подобные окказионализмы: «Все эти его позы, эпатаж — защитная маска одинокого, несчастного человека. Если человек живёт так активно напоказ, демонстрируя свою мегауспешность, значит, внутри что-то плохо. А когда внутри гармония и комфорт, никому ничего не надо доказывать» [6].

Тематика успеха значима как для каждого индивида, так и в социальном и культурном измерении. Анализ её словесных объективаторов в современной речевой практике помогает, на наш взгляд, исследовать ценностные установки современных носителей русского и болгарского языка, что позволяет раскрыть существенные аспекты коммуникации и взаимного понимания в коммуникации на этих языках.

Библиографический список

Источники

1. Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 2002. 1093 с.
2. Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. Моделът на успеха 22. Или как да успяваш в България. София: Изд-во IFO Design. 2012. 217 с.
3. Донков К. Поетът Калин Донков. Езикът на омразата е зловещо есперанто // Газета Presscadaily. 24.05.2013. URL: pressadaily.bg/.../15685.
4. Захариев М. Моето поколение все още не е изгубено // Стандарт. 2013. № 7326 (XX). С. 18.
5. Новиков В. Словарь модных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 3-е изд., доп. 256 с.
6. Полупанов В. Дама с оркестром // Экстра М. 2012. № 15 (1004). С. 21.

Литература

7. Адонина И.В. Концепт *успех* в современной американской речевой культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Хабаровск, 2005. 23 с.
8. Андриенко А.А. Концепт *успех* в американской и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2009. 21 с.
9. Иванова Н.С. Ценностните аспекти на разбирането. Концептът *успех* в българската, руската и британската речева практика. Бургас: Либра Скорп, 2012. 199 с.
10. Ключников С.Ю. Фактор успеха. Новая психология саморазвития. URL: <http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/kluchnikov.htm> (дата обращения: 05.03.2012).
11. Розенберг Н.В. Архитектоника успеха в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тамбов, 2001. 20 с.
12. Тилкиджиев Н. Качество на живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция. Отвъд дисциплинарните (само) ограничения // Сборник в чест на проф. Елена Михайловска. София: ИК «Климент Охридски», 2006. С. 122–144.
13. Эренбург Н.Р. Концепт *успех* и его репрезентация в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж. 2006. 23 с.

References

Istochniki

1. Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 2002. 1093 с.
2. Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. Моделът на успеха 22. Или как да успяваш в България. София: Изд-во IFO Design. 2012. 217 с.
3. Донков К. Поетът Калин Донков. Езикът на омразата е зловещо есперанто // Газета Presscadaily. 24.05.2013. URL: pressadaily.bg/.../15685.
4. Захариев М. Моето поколение все още не е изгубено // Стандарт. 2013. № 7326 (XX). С. 18.
5. Novikov V. Slovar' modny'x slov. M.: AST-PRESS KNIGA, 2011. 3-e izd., dop. 256 s.
6. Polupanov V. Dama s orkestrom // E'kstra M. 2012. № 15 (1004). S. 21.

Literatura

7. Adonina I.V. Koncept *uspex* v sovremennoj amerikanskoj rechevoj kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Xabarovsk. 2005. 23 s.
8. Andrienko A.A. Koncept *uspex* v amerikanskoj i russkoj kul'turax: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Belgorod, 2009. 21 s.
9. Ivanova N.S. Cennostnite aspekti na razbiraneto. Konceptът *uspex* v българската, руската и британската речева практика. Бургас: Либра Скорп, 2012. 199 с.
10. Klyuchnikov S.Yu. Faktor uspexa. Novaya psixologiya samorazvitiya. URL: <http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/kluchnikov.htm/> (data obrashheniya: 05.03.2012).
11. Rozenberg N.V. Arxitektonika uspexa v kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01. Tambov, 2001. 20 s.
12. Tilkidzhev N. Kachestvo na живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция. Отвъд дисциплинарните (само) ограничения // Сборник в чест на проф. Елена Михайловска. София: ИК «Климент Охридски», 2006. С. 122–144.
13. E'renburg N.R. Koncept *uspex* i ego reprezentaciya v russkom yazy'ke novejshego perioda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2006. 23 s.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

С.Н. Макеева

Формирование профессионально-педагогической направленности личности будущих учителей иностранного языка

Статья посвящена проблеме формирования профессионально-педагогической направленности личности будущих бакалавров педагогического образования. Приводятся экспериментальные данные, подтверждающие эффективность технологии формирования методической компетенции на практических занятиях по иностранному языку.

The article is devoted to the problem of developing professional personality orientation of future foreign language teachers. It also provides experimental data proving the effectiveness of teaching-oriented undergraduate classroom.

Ключевые слова: учитель иностранного языка; профессиональная направленность; профессиональный отбор; профессионально направленное обучение иностранному языку.

Keywords: foreign language teacher; professional personality orientation; professional selection; professionally oriented foreign language teaching.

Успешность решения стоящих перед государством сложных задач во многом зависит от высокого качества подготовки учителя, от его готовности и способности осуществлять меры, направленные на реформирование школы. Понимание значимости данного факта отражено в «Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» [2]. Реализации поставленных задач служит также введение «Профессионального стандарта педагога» [1], что обуславливает необходимость внесения коренных изменений в процесс обучения будущего учителя в вузе.

Основная цель профессиональной подготовки бакалавра педагогического образования состоит в формировании и развитии профессиональной компетентности учителя, который способен вести профессиональную деятельность и готов продолжить образование в различных формах послевузовского образования и самообразования [10: с. 70]. Кроме того, очень важно, чтобы у него была сформирована стойкая нацеленность на профессию, определённая профессиональная направленность личности, под которой понимают систему

профессионально-ценностных отношений, детерминирующих структуру мотивов личности учителя иностранного языка. Это стремление личности стать, быть и оставаться учителем, интерес к профессии учителя, выражающийся в положительном эмоциональном отношении к детям, к педагогической деятельности, в желании овладеть будущей профессией. Рассмотрению проблемы формирования профессионально-педагогической направленности личности будущего учителя иностранного языка и посвящена данная статья.

Мы полагаем, что эффективность программ профессиональной подготовки будущего учителя во многом определяется системой профессионального отбора. В мировой практике существуют две такие модели [11: с. 4]: до начала занятий по программе подготовки педагогов и после окончания учёбы при поступлении на учительские должности. Например, в Великобритании для зачисления на курс профессиональной подготовки учителя необходимо иметь опыт работы в школе, приобретаемый посредством работы в качестве добровольного помощника учителя или путём выполнения другой работы с детьми или молодёжью, при этом срок преподавания точно не определён. Большая роль отводится собеседованию как составной части процесса поступления, которое может продолжаться в течение целого дня. Поступающий должен ответить на вопросы об имеющемся опыте работы, что позволяет составить представление о приверженности абитуриента профессии, имеющихся знаниях и умениях, а также представить портфолио, демонстрирующее его достижения. Часто предполагается выполнение тестов, групповых заданий, таких как дискуссии, презентации, проведение микроуроков. Кроме того, поступающие сдают тест, проверяющий способности к количественному мышлению и грамотность, причём вопросы привязаны к реалиям профессиональной деятельности учителя.

В России профессионального отбора для поступления в педагогические вузы официально не проводится, вместе с тем имеющиеся данные доказывают, что мотивы поступления в педагогический вуз разнообразны, причём некоторые из них никак не связаны с будущей педагогической деятельностью. Так, проведённое нами исследование [5] мотивации овладения иностранным языком студентами 1 курса (на основе теста мотивов овладения иностранным языком) [8: с. 34–41], сентябрь 2011/2012 учебного года, всего 50 студентов ГБОУ ВПО МГПУ) позволило установить, что далеко не все студенты — будущие бакалавры педагогического образования профессионально мотивированы при овладении иностранным языком, хотя в целом профессионально-педагогическая мотивация у них выражена гораздо больше, чем у студентов — будущих бакалавров по направлению «Лингвистика». Только 23 % первокурсников — будущих учителей поставили профессионально-педагогическую мотивацию на 1–2–3 места, и 27 % — на последнее (всего 9 типов мотивации). У будущих лингвистов полученные результаты составили 13 % и 70 % соответственно.

В условиях отсутствия профессионального отбора при поступлении в педагогический вуз повышается значимость разработки мер, нацеленных на формирование профессионально-педагогической направленности личности будущего учителя в ходе обучения в университете. Этому способствует опосредованная методическая подготовка студентов в процессе профессионально направленного обучения иностранному языку, которая должна являться неотъемлемым компонентом системы методической подготовки студентов в вузе [12].

Цель разработанной нами системы формирования методической компетенции у будущего бакалавра педагогического образования в процессе профессионально направленного обучения иностранному языку — формирование методической компетенции с учётом дидактического потенциала практических занятий по иностранному языку, ограничений, связанных с целью и условиями проведения практического занятия, уровня теоретической методической подготовки студентов [5]. В основе предлагаемой системы лежат следующие принципы: интеграция процессов формирования методической и иноязычной коммуникативной компетенций, конструктивное сотрудничество преподавателя со студентами, рефлексивность, проблемность, сознательность, сочетание модульности и концентризма.

Разработанная модель формирования методической компетенции в процессе профессионально направленного обучения иностранному языку предполагает: а) рефлексию эмпирического знания, полученного в ходе изучения иностранного языка; б) организованное наблюдение за действиями преподавателя; в) «квантование знаний» [6: с. 21], т. е. сообщение студентам элементов информации в виде ориентирующих замечаний преподавателя, правил, инструкций, памяток, таблиц, схем, когнитивных карт.

Технология формирования методической компетенции в процессе профессионально направленного обучения иностранному языку была внедрена в учебный процесс в Институте иностранных языков ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет». Обучение осуществлялось с использованием авторского экспериментального пособия «Learn to Read by Reading and Teaching» [5], ресурса google.docs, оно предполагало 4 часа аудиторных занятий в неделю по практике речи (всего — 76 часов). Экспериментальную группу составили 19 студентов 2 курса бакалавриата направления подготовки «Педагогическое образование».

Для оценки влияния разработанной технологии на профессионально-педагогическую направленность личности использовался комплекс количественных и качественных методов исследования: тестирование по методикам исследования профессионально-педагогической направленности студентов: методика «Мотивация к педагогической деятельности» О.Н. Родиной, П.Н. Прудкова [7]; методика исследования мотивации обучения в вузе, разработанная Т.И. Ильиной и Е.П. Ильиным [4]; методика изучения развития познавательных и профессиональных мотивов, разработанная Р.С. Вайсманом,

А.А. Вербицким, Н.А. Бакшаевой [3]; беседа (в форме личного общения как после занятий, так и во время занятий при обсуждении на иностранном языке различной проблематики); интервьюирование (структурированное и полуструктурированное); анкетирование (закрытого, полужакрытого и открытого типов); изучение продуктов деятельности (эссе); включённое наблюдение; кейс-метод, представляющий собой подробное, контекстное исследование конкретного случая в его уникальности, неповторимости, невозпроизводимости в других условиях [9: с. 8].

В ходе экспериментального обучения были получены результаты, подтверждающие положительное влияние разработанной технологии на формирование профессионально-педагогической направленности личности студентов.

1. Исследование по методике «Мотивация к педагогической деятельности» предполагало ответы на вопрос: «Как Вам кажется, где Вы будете работать через 20 лет и чем будете заниматься?» 10 студентов из 19 (53 %) изменили представление о своих профессиональных планах, перешли в более высокую группу по разработанной шкале оценивания. Только 1 студентка, изменив своё отношение к профессиональной деятельности, перешла в более низкую группу (что коррелирует с данными, полученными другими методами исследования, и определяется, по мнению самой студентки и по результатам включённого наблюдения, недостаточно сформированными у неё коммуникативными умениями, нежеланием работать в группе профессий «человек – человек»).

2. Результаты, полученные по методике исследования мотивации обучения в вузе, показали, что у 2 студентов из 19 удовлетворённость профессией и адекватность выбора профессии выросли (100 % студентов стали удовлетворены выбранной профессией), что имеет большую значимость, так как «верными избранной профессии оказываются те студенты, которые в большей мере удовлетворены полученной профессией, настроены на работу по специальности и получили опыт профессиональной деятельности ещё до окончания вуза» [7: с. 71].

3. Исследование развития познавательных и профессиональных мотивов также показало значительную положительную динамику (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты исследования по методике изучения
развития познавательных и профессиональных мотивов**

Виды деятельности	Желаемые затраты времени (в часах в среднем на одного студента)	
	ПредЭС	ПостЭС
Все виды познавательной деятельности	3,9 (в день)	5,4 (в день)
	116 (в месяц)	161 (в месяц)
Виды профессиональной деятельности	0,66 (в день)	0,88 (в день)
	19,8 (в месяц)	26,3 (в месяц)

4. Полученные по этим методикам результаты подтверждены выводами, сделанными в ходе включённого наблюдения, бесед, анкетирования,

интервьюирования, изучения продуктов деятельности, а также посредством использования кейс-метода. Сопоставительный анализ отчётов по наиболее представительным кейсам позволил выделить следующие общие закономерности:

1) все случаи демонстрируют значительную динамику мотивов профессиональной подготовки, мотивов профессиональной деятельности и мотивов овладения иностранным языком, ценностного отношения студентов к профессиональной деятельности при общей тенденции преобладания мотивов заинтересованности и увлечённости преподаваемым предметом в структуре мотивации педагогической деятельности;

2) комфортные условия малой группы создают благоприятные условия для увеличения / появления у студентов интереса к профессии учителя иностранного языка, чувства удовлетворённости профессией учителя иностранного языка и своего места в ней ещё на младших курсах вне зависимости от уровня исходной профессиональной ориентации. Первоначальное представление о профессиональной деятельности учителя иностранного языка сменилось более глубоким пониманием её структуры, преимуществ (творческий характер), причём оно появилось вследствие организации активной пробы сил в сфере деятельности, на которую ориентируют студента, а не просто в результате переработки информации о профессии;

3) студенты осознали значимость собственного владения иностранным языком и культурой, способности передать свой опыт, у них появилась уверенность в своих способностях, потребность к профессиональному росту, желание совершенствовать свои умения, интерес к творчеству, данные факторы приобретают в их глазах ценность, личностный смысл. Студенты могут идентифицировать свои личностные качества с качествами профессионала (что свидетельствует косвенно о развитии у них мотивов), а также видят способы развития своих профессионально важных качеств.

Таким образом, комплексное использование количественных и качественных методов исследования позволяет констатировать положительное воздействие разработанной технологии на формирование профессионально-педагогической направленности личности студентов. Отметим, что формирование мотивационно-ценностного отношения формируется длительно и опосредованно. Эти отношения у студентов отличаются большой подвижностью, поскольку не вошли глубоко в личностные подструктуры в ходе реальной профессиональной деятельности. Этому может служить реализация принципа профессиональной направленности в преподавании всех дисциплин курса обучения в педагогическом университете.

Библиографический список

Источники

1. Профессиональный стандарт педагога. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3071> (дата обращения: 15.05.2014).

2. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г., № 61, г. Москва. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/09/obrazovanie-site-dok.html> (дата обращения: 15.05.2014).

Литература

3. *Вербицкий А.А., Бахшаева Н.А.* Развитие мотивации студентов в контекстном обучении. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 200 с.

4. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 512 с.

5. *Макеева С.Н.* Формирование методической компетенции у будущего бакалавра педагогического образования в процессе профессионально направленного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2013. 232 с.

6. *Пассов Е.И.* Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 223 с.

7. *Родина О.Н., Прудков П.Н.* Изучение мотивации выбора профессии «педагог»: мотивационный аспект // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». 2006. № 3. С. 70–77.

8. *Рыжов В.В., Гришаев М.П.* Психологическая диагностика способностей к иностранным языкам: учеб. пособие. М.: Русско-Американский институт, 2009. 106 с.

9. *Сорокина Н.В.* Кейс-стади как метод педагогического исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки». 2011. № 6 (60). С. 7–11.

10. *Тарева Е.Г., Казанцева Е.М.* Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 65–77.

11. *Тряпицына А.П.* Современные тенденции развития качества педагогического образования // Человек и образование. Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования. 2012. № 3. С. 4–10.

12. *Языкова Н.В.* Концепция методической подготовки студентов педагогических факультетов иностранных языков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1. С. 64–74.

References

Istochniki

1. Professional'ny'j standart pedagoga. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3071> (data obrashheniya: 15.05.2014).

2. Federal'naya celevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody'. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii on 7 fevralya 2011 g., № 61, g. Moskva. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/09/obrazovanie-site-dok.html> (data obrashheniya: 15.05.2014).

Literatura

3. *Verbiczkij A.A., Bakshaeva N.A.* Razvitie motivacii studentov v kontekstnom obuchenii. M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2000. 200 s.
4. *Il'in E.P.* Motivaciya i motivy'. SPb.: Piter, 2011. 512 s.
5. *Makeeva S.N.* Formirovanie metodicheskoy kompetencii u budushhego bakalavra pedagogicheskogo obrazovaniya v processe professional'no napravlennogo obucheniya inostrannomu yazy'ku: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. M., 2013. 232 s.
6. *Passov E.I.* Urok inostrannogo yazy'ka v srednej shkole. M.: Prosveshhenie, 1988. 223 s.
7. *Rodina O.N., Prudkov P.N.* Izuchenie motivacii vy'bora professii «pedagog»: motivacionny'j aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. «Psixologiya». 2006. № 3. S. 70–77.
8. *Ry'zhov V.V., Grishaev M.P.* Psixologicheskaya diagnostika sposobnostej k inostranny'm yazy'kam: ucheb. posobie. M.: Russko-Amerikanskij institut, 2009. 106 s.
9. *Sorokina N.V.* Keis-stadi kak metod pedagogicheskogo issledovaniya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki». 2011. № 6 (60). S. 7–11.
10. *Tareva E.G., Kazanceva E.M.* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podhod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 65–77.
11. *Tryapicy'na A.P.* Sovremennye tendencii razvitiya kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya // Chelovek i obrazovanie. Akademicheskij vestnik Instituta pedagogicheskogo obrazovaniya i obrazovaniya vzrosly'x Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2012. № 3. S. 4–10.
12. *Yazy'kova N.V.* Konceptiya metodicheskoy podgotovki studentov pedagogicheskix fakul'tetov inostranny'x yazy'kov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1. S. 64–74.

А.В. Беляева

Мотивы сборника стихотворений Г.Н. Кузнецовой «Оливковый сад»

В статье анализируются мотивы сборника стихотворений «Оливковый сад» Г.Н. Кузнецовой, писательницы русского зарубежья первой волны. В статье выделяются следующие мотивы, характерные для лирики Кузнецовой: смерти, судьбы, религии, прошлого, любви, природы, вечности и мечты.

The article analyzes the motifs of the collection of poems «Olive Garden» by G. Kuznetsova, a writer of the Russian émigré community of the first wave. The article identifies the following motifs characteristic of Kuznetsova's lyrics: death, destiny, religion, past, love, nature, eternity and dream.

Ключевые слова: мотив; литература русского зарубежья; лирика.

Keywords: motif; Russian émigré community literature; lyrics.

Галина Николаевна Кузнецова — поэт и прозаик, представитель младшего поколения русского зарубежья первой волны. Её первые стихи были опубликованы в 1922 году в пражском журнале «Студенческие годы». В дальнейшем стихи и проза Кузнецовой печатались в периодических изданиях эмиграции: «Новое время», «Посев», «Звено», «Современные записки». Её творчество заметили такие авторитетные критики, как Вяч. Иванов, Г. Адамович, Г. Струве, П. Бицилли.

Сборник стихотворений Кузнецовой «Оливковый сад» был выпущен в Париже издательством «Современные записки» в 1937 году и впоследствии не переиздавался.

Лирика Кузнецовой получила преимущественно положительную оценку критиков. Например, Г. Струве писал, что «стихи Г. Кузнецовой приятны своей простотой, какой-то проникающей их грустной тишиной» [4]. Подобное впечатление сложилось и у таких критиков, как М. Цетлин и К. Елита-Вельчковский.

Поэтической манере Кузнецовой присуща описательность, внимание к конкретным деталям реальности. В «Грасском дневнике» Кузнецова описала процесс создания стихотворения и определила его как «рисование стихами» [1: с. 61]. Её стихотворения можно назвать лирическими зарисовками,

этюдами, в которых большую роль играют мотивы. Но, с другой стороны, её стихотворения не только бесстрастно описательны, в них выражено лирическое чувство автора, слышится его голос.

Лирический мотив тяготеет к тематическому истолкованию. Так, Б.В. Томашевский писал: «Фабульные мотивы редки в лирической поэзии. Гораздо чаще фигурируют статические мотивы, развертывающиеся в эмоциональные ряды. Если в стихотворении говорится о каком-нибудь действии, поступке героя, событии, то мотив этого действия не вплетается в причинно-временную цепь и лишен фабульной напряжённости, требующей фабульного разрешения. Действия и события фигурируют в лирике так же, как явления природы, не образуя фабульной ситуации» [5: с. 230–231].

Ю.М. Лотман отмечал, что «способность преобразовывать всё обилие жизненных ситуаций в определённый, сравнительно небольшой набор лирических тем — характерная черта поэзии» [3: с. 109]. И действительно, в сборнике Кузнецовой «Оливковый сад» можно выделить мотивы, характерные для поэзии в целом: мотив смерти, мотив судьбы, мотив религии, мотив прошлого, мотив любви, мотив природы, мотив вечности и мотив мечты.

Заглавный образ сборника — это оливы, которые олицетворяют для автора красоту юга Франции, где она прожила много лет. В стихотворениях Кузнецовой часто возникает изображение растущих в саду оливковых деревьев, их образу присуща лёгкость и неяркая красота: «тонкие ветки оливы» [2: с. 26], «оливы дремлют в голубой пыли» [2: с. 59]. Поэтесса придаёт извечным темам поэзии только ей присущее тихое, нежное настроение, отражённое и в названии сборника, о котором так точно писал М. Цетлин: «Галина Кузнецова удачно назвала свой первый сборник стихов. Матово-серебристые листья оливковых деревьев хорошо передают основной тон книги, слабое сиянье, излучающееся от этих стихов» [6: с. 430].

Мотив смерти встречается во многих стихотворениях сборника, и чаще всего смерть связана с ощущением покоя, который она дарует людям. В стихотворении «Турецкое кладбище» противопоставляется суэта земной жизни и покой, царящий на кладбище: «Внизу бубенцы и топот, веселая жизнь долин // А здесь кипарисовый шепот и влажный покой вершин» [2: с. 13]. В стихотворении передано ощущение лёгкости, которое возникает у лирической героини при мыслях о смерти: «И кажется: легкой птицей // В столетних ветвях шурша // Поёт над земной гробницей // О вечной жизни душа» [2: с. 13].

В стихотворениях «И я уйду с земли в такой же дряхлый день...», «Мне с каждым часом мир дороже...» смерть, напротив, наводит на лирическую героиню тоску своей неизбежностью. Стихотворение «Все течет, проходит, блекнет, вянет...» наполнено ожиданием неминуемой смерти, которая унесёт с собой в могилу всё то, что так любила лирическая героиня в жизни: «Час пробьёт — и дальним светом станет // Все, что мило сердцу моему» [2: с. 40].

Кроме того, смерть пугает лирическую героиню и тем, что она влечёт за собой забвение, как, например, в стихотворении «Оставить в мире память о себе!».

В стихотворении «Иконостас. Суровые иконы...» мотив смерти переплетён с мотивом христианской веры. Героиня молится об умершем близком ей человеке и надеется: молитва поможет ей поверить, что смерть ещё не победила окончательно, что дух умершего способен её слышать: «Надеюсь я — твой дух не отлетает, // Читает мысль мою из-за плеча. // В моей руке дрожит и оплывает // Заупокойная свеча...» [2: с. 19].

В стихотворении «В большой, тяжелой нише бытия...» лирическая героиня также обращается к Богу, однако это не просьба, а, скорее, отчаянный крик человека, возроптавшего против Божественной воли. Героиня стихотворения чувствует себя беспомощным, «простым и слабым, белым мотыльком» [2: с. 49], судьба и любовь которого оказываются слишком незначительными для Божественного вмешательства: «В великолепной книге бытия // Что для тебя теперь любовь моя?» [2: с. 49].

Мотив религии в стихотворении «Все земные поля утешаются солнцем твоим» также связан с молитвой лирической героини, просящей у Бога вечного покоя. Она любит красоту окружающего мира, но чувствует себя чуждой ему: «Все земные поля утешаются солнцем твоим, // Ослепительным шелком одетые лилии дремлют, // На бесстрастные горы нисходит ласкающий дым, // Только я, безутешно, смущаю счастливую землю. // Повели мне вернуться в твою огневую купель, // Повели мне вернуться, проснуться к забытому раю» [2: с. 73].

В стихотворениях «Деревенская месса», «Флорентийская мадонна», «На бледной от луны стене» мотив религии раскрывается Кузнецовой с эстетической стороны. Католичество воспринимается ею как часть местной культуры. Например, в «Деревенской мессе» описывается идиллическая картина в католической церкви: «В окне продолговатом — синий зной. // Орган, переливаясь, замирает. // Ребёнок в распашонке кружевной // На ступенях камильницей играет. // И дым плывет, и светлые глаза // Туманит пеленою голубою, // И ангельски ликуют голоса: // “Господь, Господь, нам сладко быть с Тобою...”» [2: с. 61].

В стихотворениях «Флорентийская мадонна», «На бледной от луны стене» Кузнецова также создаёт образ Девы Марии, которая очаровывает своей чистотой: «Она глядит, по-детски рот сложив, // И тонкий круг над ней сияет в небе» [2: с. 54].

Неоднократно в сборнике «Оливковый сад» возникает мотив прошлого, который связан с Россией. Например, в стихотворении «Такое небо бывает над снегом...» зимнее небо напоминает лирической героине родину: «Такое небо бывает над снегом, // Когда мы в тесных санях летели, // И в небе главы церквей блестили // И, отставая, кружились ели...» [2: с. 16].

В стихотворении «И я жила, за днём встречая день...» лирическая героиня с тихой грустью вспоминает «старосветские улицы» и «в садиках персидскую сирень», где прошла её юность, где она испытала «первые томления любви» [2: с. 17].

Также и в стихотворении «Мы в этот день...» лирическая героиня вспоминает счастливый день своей юности и сравнивает мысли, уносящие её в прошлое, с древнегреческим кораблём — триремой, которой присуща лёгкость и стремительность: «О, как легко над временем взлетать! // Лети, лети, лазурная трирема! // Отсюда нам нетрудно вспоминать // Сверкающие пастбища Эдема» [2: с. 27].

Однако мотив прошлого возникает в поэзии Кузнецовой не только в связи с покинутой ею родиной, но и как напоминание о прошедшем счастье. Так, в стихотворении «Опять, опять в ветвях тяжелых пальм...» лирическая героиня, глядя на южный пейзаж, вспоминает те дни, когда она была счастлива: «В порту платаны, голый лес снастей // И статуя Мадонны над собором // Напоминают мне счастливый юг, // Счастливый блеск и зной другого лета» [2: с. 32]. В стихотворении «Сияет даль...» воспоминания о прошлом также посещают лирическую героиню, когда она любит солнечным южным днём: «И южный блеск пьянит и нежит взгляд, // Как будто вновь былые дни воскресли...» [2: с. 39].

В стихотворении «Цветок лиловый» мотив прошлого, как и в предыдущих стихотворениях, неразрывно связан с ощущением былого счастья, и в этом стихотворении символом счастливого прошлого является цветок, который напомнил лирической героине другой цветок, когда-то сорванный ею для любимого: «Цветок лиловый с пряным ароматом, // Который цвел в расщелинах камней, // Ты попросил сорвать тебе когда-то... // Цветок лиловый с пряным ароматом — // Воспоминание счастливых южных дней...» [2: с. 53].

Мотив прошлого в стихотворении «Да, где-то в снах туманных...» связан с мотивом любви. Лирическая героиня вспоминает прогулку с любимым по саду, во время которой она поняла, что её любовь безответна: «Я видела, смотря в твои глаза: из них глядит душа, всему чужая...» [2: с. 50]. Для выражения внутреннего состояния героини Кузнецова привлекает пейзаж: так, весна наделяется эпитетом «осенняя», а весеннее голубое небо, которое должно ассоциироваться с радостью, жизнью, описывается как небо осеннее, умирающее: «Средь проредевших веток бирюза // Сквозила, холодея, умирая...» [2: с. 50].

Природные образы служат для отражения эмоционального состояния героини также в стихотворениях «С тяжелым шумом волн...» и «По имени назвать тебя не смею...». В первом стихотворении лирическая героиня, пережив безответное чувство, вновь находит в себе душевные силы для «подвига любви» [2: с. 34], и природа, которая также возрождается из тьмы, передаёт чувства героини: «Вставали облака из темного залива, // И ветер веял солью и травой; // И вечностью, пустынной и счастливой» [2: с. 34]. Во втором стихотворении олицетворённая ночь ассоциируется с переживаниями героини, безответно влюблённой: «И ночь сама томится грешной тайной // Неразрешимых, ядовитых слез» [2: с. 36].

В стихотворении «Застыла ночь» любовь оказывается недостижимым счастьем для лирической героини, идиллическая картина счастья двух влюблённых является ей лишь во снах: «И мы опять в той сказочной стране, //

Где вздохи трав и звезды — все иное, // И ты такой, каким был послан мне // Среди сверканья, золота и зноя» [2: с. 37].

Мотив любви в стихотворении «Ты привез меня в зубчатый замок...» связан с ощущением своей судьбы лирической героиней как части вечности, её судьба — это повторение судеб всех женщин, когда-либо живших на земле. Так, она отождествляет себя и своего возлюбленного со средневековыми мужчиной и женщиной, жившими в замке в Провансе: «Здесь с тобою мы когда-то жили. // Было много слуг у нас и псарня. // Здесь тебе когда-то, темной ночью, // Умирая, родила я сына» [2: с. 30].

Мотив вечности как неизменности мира продолжается в стихотворении «Над головою сухо шелестит...». Автор описывает южный город, море, леса, окружающие город, женщину, кормящую ребёнка, и кажется, что эта картина не менялась и не будет меняться веками: «И все вокруг, как завтра, как вчера, // Не помнит о конце и о начале, // И вечно в небе голая гора // Купается в сиянье синей дали» [2: с. 60].

В стихотворении «Чем так пленяет мрачный мыс...» вновь видится мотив вечности как стремление осознать себя её частью, проникнуть в тайны времени. Так, лирический герой, любясь на вечерний залив, пытается вообразить себе происходящее на этом месте сто лет назад: «Кто под платанами, один, // Среди пустынной эспланады, // Стихи старинные твердил // Сто лет назад, в ином наряде?» [2: с. 44].

Незыблемость мира, который переживёт все людские страдания и радости, отражается в стихотворениях «Пусть все изменит, все пройдет» и «Зима и море, тускло серебрясь...». Здесь возникает образ вечности, равнодушной и к людским радостям, и к людским горестям. Например, в первом стихотворении автор противопоставляет нерушимость «синего свода неба», «гроздей звезд» [2: с. 65] изменчивости «прелести слов влюблённых», «томности рук сплетённых» [2: с. 65]. Во втором стихотворении лирическая героиня поражается тому, что после пережитой ею любовной драмы жизнь на земле продолжается: «И я живу, переживя себя, // Дивясь тому, что голос мой не смолкнул, / Дивясь тому, что сердце может жить, // Такой любви перенеся волненье, // Что солнце будет рощи золотить, // Что будет счастье снова во вселенной...» [2: с. 67].

Один из самых часто встречающихся мотивов в сборнике «Оливковый сад» — это мотив природы, так как именно природа помогает автору передать основной эмоциональный тон стихотворения. В некоторых произведениях изображается нежная и тихая природа, создающая умиротворённое настроение. Так, в стихотворении «Спокойная и грустная отрада» встречаются такие сравнения: «И небо, точно озеро, светлеет, // Серебряной налито синевою»; «Жемчужиною теплится звезда» [2: с. 35].

Описание природы как отражения внутреннего состояния героя также часто используется Кузнецовой. Например, в стихотворении «Прекрасен день в стране лесов смолистых» задумчивому и мечтательному лирическому герою ближе «бесчувствие ночное» [2: с. 55], когда так сладко предаваться грёзам, нежели

прекрасный жаркий южный день. А в стихотворении «Порывы ветра, ливень, плеск и гул» душевному смятению лирического героя созвучно беспокойство природы: «Порывы ветра, ливень, плеск и гул, // Полночный гул невидимого сада... // Не спать во тьме, когда весь дом уснул, — // И в этом есть какая-то отрада...» [2: с. 56].

В лирике Кузнецовой часто возникает мотив мечты. Так, в стихотворении «Пролился свет над неподвижным садом» лирическому герою присущ созерцательный, мечтательный взгляд на мир: «Из купола седого облака // Плывут, плывут, широким белым стадом, // И им вослед гляжу безмолвно я // Расширенным и упоенным взглядом» [2: с. 46]. Мечты помогают преобразить недружелюбный мир: «Волшебная и страшная земля // Мне чудится огромным странным садом, // Где безутешно грежу жизнью я» [2: с. 46].

Подводя итог, можно сделать вывод, что мотивы, встречающиеся в сборнике стихотворений «Оливковый сад», — это мотивы, характерные для всей поэзии в целом, однако Кузнецовой присуща своя, особая манера, лиричная и женственная.

Библиографический список

Источники

1. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб.: ИД «Миръ», 2009. 496 с.
2. Кузнецова Г.Н. Оливковый сад: Стихи. Париж: Современные записки, 1937. 79 с.

Литература

3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство – СПб», 1996. 848 с.
4. Струве Г. Заметки о стихах: 1. По поводу стихов в «Современных записках» // Россия и славянство. Париж, 1929. 11 мая (№ 24). С. 3.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
6. Цетлин М. Г. Кузнецова. Оливковый сад [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1937. № 65. С. 430–431.

References

Istochniki

1. Kuzneczova G.N. Grasskij dnevnik / Sost., vstup. st., comment. O. R. Demidovoj. SPb.: ID «Mir», 2009. 496 s.
2. Kuzneczova G.N. Olikovyj sad: Stixi. Parizh: Sovremenny'e zapiski, 1937. 79 s.

Literatura

3. Lotman Yu.M. O poe'tax i poe'zii. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1996. 848 s.
4. Struve G. Zametki o stixax: 1. Po povodu stixov v «Sovremenny'x zapiskax» // Rossiya i slavyanstvo. Parizh, 1929. 11 maya (№ 24). S. 3.
5. Tomashevskij B.V. Teoriya literatury'. Poe'tika. M.: Aspekt Press, 1999. 334 s.
6. Czetlin M. G. Kuznetsova. Olikovyj sad [Recenziya] // Sovremenny'e zapiski. Parizh, 1937. № 65. S. 430–431.

К.А. Громова

Особенности проколониального романа в американской женской прозе 50-х годов XIX века

Статья посвящена анализу двух произведений проколониального жанра, написанных авторами-женщинами в 50-е годы XIX века. Рассматриваются причины возникновения указанного жанра, тенденции его развития и предпринимается попытка анализа типичных проблем данных романов.

The article deals with the analysis of two pro-colonial works, written by women in the 1850-ies. It explores the origin of the genre, its development, and offers an attempt to analyse typical problems of the novels under study.

Ключевые слова: проколониальный роман; женская проза; рабство; расизм.

Keywords: pro-colonial novel; women's writings; slavery; racism.

В сентябре 1850 года в США принимается закон, который провозглашает требования ко всем американским гражданам оказывать любую помощь хозяевам в возвращении их беглых рабов. Именно этот закон служит причиной того, что в середине XIX века конфликт между северными и южными штатами страны достигает своего апогея. В это время усиливается активная пропаганда, которую ведут аболиционисты. Американская литература, отражая состояние общества, начинает выдвигать на первый план проблемы расизма и свободы. Сложившаяся ситуация создаёт благоприятные условия для появления нового литературного жанра — антиколониального романа. Под этим термином начинают понимать сочинения, герои которых выступают против колониальной политики государства. Первым и наиболее успешным антирабовладельческим произведением становится знаменитый роман Г.Б. Стоу (H.B. Stow, 1811–1896) «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin», 1852), а его автор считается основоположником целого направления в американской литературе, затрагивающего тему рабства и расизма.

Известный исследователь Дж.Ф. Уичер (G.F. Wicher) метко заметил, что «Миссис Стоу проложила дорогу аболиционистскому роману и его апологетическому антиподу» [5: с. 96]. Действительно, с момента публикации «Хижины дяди Тома» интерес к проблеме расизма в литературе США значительно усиливается. В этот же период тема рабства проникает и в женскую прозу, под которой понимаются литературные произведения, созданные женщинами. Несмотря на большой успех «Хижины дяди Тома» как в северных штатах Америки, так и во всем мире, на рабовладельческом юге США этот роман

был встречен с негодованием. В противовес произведениям, выступающим против рабства, возникает роман проколониальный, или роман-антипод. Этим термином в литературе начинают называть сочинения, направленные в поддержку колониальной политики государства. Современный американский учёный Т.Ф. Госсет (Th.F. Gosset), изучающий тему расизма в литературе США, составил список из 27 книг, написанных в защиту рабства. Авторами этих произведений являются как северяне, так и южане, как мужчины, так и женщины.

Между 1852 и 1860 годами писательницы южных штатов опубликовали девять романов-антиподов. Создатели этих произведений рассказывают о преданных хозяевам и удовлетворённых жизнью рабах Юга, заботливых и добрых плантаторах. Они также говорят о трудностях, поджидающих чернокожих американцев на свободе. Особое место в этих сочинениях занимает описание награды, которая ожидает верных слуг в загробной жизни, так как там рабы обретают равное положение с хозяевами. Определяя место этих романов в национальной литературе, критики сходятся на том, что их политический посыл явно превосходит художественную ценность. Все сочинения этого толка отличаются однообразием сюжетов и идеализированными героями. Так, в «Литературной истории США» под редакцией Р. Спиллера (R. Spiller) и других подобные книги называются «малоотрадным явлением» и «скучнейшими романами» [5: с. 96].

В данной статье рассматриваются два наиболее известных романа, созданных женщинами в середине XIX века, в которых героини выступают за сохранение действующего режима. К ним относятся «Хижина тёти Филлис» («Aunt Phillis's Cabin; or, Southern Life As It Is», 1852) Мэри Истмен (Mary Eastman) и «Северная невеста плантатора» («The Planter's Nothern Bride», 1854) Каролин Л. Гентс (Caroline Lee Hentz). Эти произведения оставили достаточно заметный след в литературе США.

Роман «Хижина тёти Филлис» стал первым и самым популярным произведением этого жанра. За первый месяц после его опубликования было продано более 18 000 копий этого сочинения. События, описываемые в романе, происходят в небольшом городе штата Виргиния на юге США. Главными героями произведения являются богатые рабовладельцы, члены семьи Уэстонов (the Westons). На их плантации созданы весьма благоприятные условия для жизни и труда афроамериканцев. Роман, по сути, представляет собой описание различных эпизодов из жизни рабов этой плантации. Все они рассказываются представителями семьи Уэстонов. Иными словами, читателю предлагается картина жизни рабовладельческого Юга глазами плантаторов, которые абсолютно уверены в том, что их рабы счастливы. Преданность слуг-южан, их благочестие, а также осознание того факта, что они выполняют волю Всевышнего, являясь надёжной опорой своим хозяевам, занимают центральное место практически в каждой истории, вплетённой в канву повествования. Вера в промыслительность, полное принятие тезиса, что Господь пожелал сделать их рабами, показывает, что в проколониальных романах мотив предопределения играет существенную роль для понимания образов персонажей [3].

В отличие от главного героя романа Г.Б. Стоу, дяди Тома, замученного своими хозяевами, героиня М. Истмен, тётя Филлис — вполне благополучная женщина. Уэстоны относятся к ней весьма благожелательно. Они ценят такие её качества, как трудолюбие, честность, преданность семье, кротость и скромность, о чём сын плантатора Артур (Arthur) рассказывает своим друзьям в колледже на Севере: «We have a servant woman named Phillis, her price is far above rubies. Her industry, her honesty, her attachment to our family, exceeds every thing. I wish Abolitionists would imitate one of her virtues — humility... She is a slave here, but she is destined to be a saint hereafter» [3: p. 113].

Интересно отметить, что, рассматривая тётю Филлис как рабыню в земном мире, он убеждён, что женщина заслуживает положения святой в мире небесном. Так, через высокую оценку личных качеств служанки автор романа пытается донести до читателей истинное, с её точки зрения, отношение хозяев к рабам. Однако, на наш взгляд, писательница, сама того не желая, на самом деле показывает превосходство белых американцев над чёрными. Ведь ставя акцент на известных традициях христианства (в частности, обещая рабам счастливое пребывание в раю после смерти), М. Истмен обещает его и белым жителям. Но если рабовладельцам уготованы благополучие и комфортная жизнь в нашем мире, чёрнокожие американцы лишены этого и могут жить счастливо только в мире загробном. Роман «Хижина тёти Филлис» является типичным образцом проколониальной литературы. Всё произведение изобилует диалогами между плантаторами и аболиционистами, в которых противопоставляется безоблачное счастье рабов на Юге трудностям и страданиям свободных чёрнокожих американцев на Севере.

Каролина Л. Гентс, написавшая роман «Северная невеста плантатора», является ещё одним достаточно известным автором произведений исследуемого жанра. В предисловии к вышеупомянутому роману писательница стремится доказать, что, в отличие от Г.Б. Стоу, именно она обладает достоверной информацией о положении рабов в стране, так как в книге приводятся факты, реально происходившие на плантациях американских штатов Северная Каролина, Алабама, Джорджия, где она проживала. Это знание, как полагает К. Гентс, даёт ей возможность более адекватно описать реальную ситуацию жизни рабов на Юге, поскольку автор имеет свидетельства «из первых рук» и может доказать, что они объективны. Вывод очевиден: «Хижина дяди Тома» — это лишь художественный вымысел, в то время как «Северная невеста плантатора» предлагает описание реально существующего положения дел в южных штатах. Кроме того, К. Гентс утверждает, что прототипами героев её романа являются реальные люди: «The history of Crissy and the circumstances of her abduction are true. The character of Dr. Darley is drawn from life» [2: p. 8].

В романе «Северная невеста плантатора» рассказывается о рабовладельце Расселе Морленде (Russell Moreland), путешествующем по северу страны. Морленд уверен в справедливости существующего строя и считает, что сам

Господь определил плантаторам то место, которое они занимают в обществе, являясь, по сути, избранными людьми, выполняющими миссию, возложенную на них Всевышним. Помогая рабам преодолеть собственное невежество, привнося в их жизнь элементы цивилизации и культуры, заботясь о них как о детях, состоятельные южане совершают благие поступки. Морленд, сравнивая положение рабов на севере и на юге страны, постоянно подчёркивает бедственное положение первых. Он противопоставляет жизнь рабов-северян и рабов-южан. О последних, по мнению Морленда, хозяева заботятся в течение всей их жизни, работники имеют пожизненную страховку, им не нужно думать о средствах к существованию. Северяне же предоставлены сами себе, им неоткуда ждать помощи.

Автор романа также вплетает в своё повествование эпизод, где речь идёт о подготовке восстания среди рабов Морленда неким Бренардом (Brainard), сторонником аболиционизма. Эта попытка проваливается, но Бренард клятвенно обещает продолжить свою провокационную деятельность и борьбу с рабовладельцами. С точки зрения автора романа, данная позиция не может увенчаться успехом. Этот фрагмент показывает, что попытки изменить устои рабовладельческого Юга приводят к бедам и горестям как рабов, так и их хозяев.

Отметим также, что произведение «Северная невеста плантатора» отличается от других романов-антиподов тем, что автор в нём не столько ставит акцент на добропорядочности плантаторов, сколько подчёркивает негативное поведение аболиционистов, осуждая его. Кроме того, по мнению Гентс, северяне, борющиеся с рабовладельческим строем на Юге, преследуют глубоко личные цели. Они пытаются обеспечить себя дешёвой рабочей силой, в которой нуждаются на предприятиях Севера. В рамках индустриальной революции и развития производства потребность в подобных работниках всё время возрастает. Забота же о правах, благополучии и жизни рабов оказывается для них на последнем месте.

Таким образом, на примере двух ярких и разноплановых образцов проколониальных произведений можно выделить два основных направления, которых придерживаются авторы исследуемого жанра, восхваляя образ жизни на юге страны. С одной стороны, создатели проколониальных сочинений явно идеализируют действительность: жизнь чёрнокожих американцев на плантациях безмятежна, их добрые хозяева учат слуг грамоте и заботятся о них как о собственных детях (эта идея реализована в романе М. Истман «Хижина тёти Филлис»). С другой стороны, пафос многих произведений направлен на критику движения аболиционистов, выступающих за отмену рабства на юге США. Эти люди изображаются как антигерои и предстают перед читателем в нелицеприятном свете. На наш взгляд, эта тенденция хорошо прослеживается в романе «Северная невеста плантатора» К.Л. Гентс.

Тем не менее, невзирая на особенности указанных тенденций в произведениях, поддерживающих идею рабовладельчества, рассматриваемый жанр в литературе США был обречён на исчезновение. Просуществовав

всего лишь 8 лет, проколониальный роман столкнулся с суровой реальностью, заключающейся в растущем количестве выступлений чернокожего населения страны против своих эксплуататоров. С началом Гражданской войны в США (1861–1865) данный жанр прекращает своё существование в рамках национальной литературы страны.

Библиографический список

Источники

1. *Eastman M.H.* Aunt Phillis's Cabin; or, Southern Life As It Is. URL: <http://www.utc.iath.virginia.edu/proslav/eastmanhp.html> (дата обращения: 10.02.2014).
2. *Hentz C.L.* The Planter's Northern Bride. URL: <http://www.utc.iath.virginia.edu/proslav/hentzhp.html> (дата обращения: 10.02.2014).

Литература

3. *Баранова К.М.* XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина): монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 250 с.
4. *Showalter E.* A Jury of Her Peers: American Women Writers from Anne Bradstreet to Annie Proulx. New York: Vintage Books, 2009. 586 p.

Справочные и информационные издания

5. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3 т. / Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. Т. 2. М.: Прогресс, 1978. 526 с.

References

Istochniki

1. *Eastman M.H.* Aunt Phillis's Cabin; or, Southern Life As It Is. URL: <http://www.utc.iath.virginia.edu/proslav/eastmanhp.html> (data obrashheniya: 10.02.2014).
2. *Hentz C.L.* The Planter's Northern Bride. URL: <http://www.utc.iath.virginia.edu/proslav/hentzhp.html> (data obrashheniya: 10.02.2014).

Literatura

3. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty' (tvorchestvo Dzh. E'dvardsa i B. Franklina): monografiya. M.: Izd-tvo MGOU, 2010. 50 s.
4. *Showalter E.* A Jury of Her Peers: American Women Writers from Anne Bradstreet to Annie Proulx. New York: Vintage Books, 2009. 586 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. Literaturnaya istoriya Soedinyonny'x Shtatov Ameriki: v 3 t. / Pod. red. R. Spillera, U. Torpa, T.N. Dzhonsona, G.S. Ke'nbi. T. 2. M.: Progress, 1978. 526 s.

А.П. Журавлёва

Индийская тема в творчестве Вашингтона Ирвинга и Джеймса Фенимора Купера

В статье анализируется представление авторов раннего романтического периода американской литературы В. Ирвинга и Дж.Ф. Купера о коренных жителях североамериканского континента.

The article presents the perception of the two authors of the early period of romanticism: J.F. Cooper and W. Irving of the redskins.

Ключевые слова: колонизация в Америке; индийская тема; индийская культура и фольклор; индийский характер.

Keywords: colonization of America; Indian issue; Indian culture and folklore; Indian character.

История всегда находит отражение в произведениях художественной литературы, особенно актуально исследование аспектов истории родной для автора страны. Период американского романтизма (1820–1860 гг.) — время, когда индейцы на североамериканском континенте были представлены уже немногочисленными племенами. Писатели — потомки первых колонистов живо интересовались культурой и образом жизни коренных американцев, что находило отражение в их творчестве. Значимыми работами на индейскую тему стали произведения Г. Лонгфелло, Г. Мелвилла, Л.М. Чайлд и других. Вышеназванные авторы, отмечая исчезновение индейского народа, испытывали чувство сожаления и своим творчеством пытались возвысить «краснокожих», показать глубину и многослойность их культуры. Особенно ярко это проявилось в творчестве В. Ирвинга и Дж.Ф. Купера — известных писателей этапа раннего романтизма. В статье ставится задача сравнить подходы этих авторов к теме аборигенов, поскольку среди всех американских писателей-романтиков именно их творчество показательно для оценки многообразия содержания двух полюсов рассматриваемой тематической палитры.

Биографии и творческое наследие вышеназванных писателей обнаруживают, что у них много общего начиная с жизненных впечатлений. Так, в биографии Ирвинга говорится о том, что мальчишкой он бывал в месте под названием Catskills. Эта гористая местность отличается особенной красотой ландшафта, поскольку сохранена в том виде, какой она была во времена процветания индейского народа. Купер же жил неподалеку и часто посещал эти места. Логично полагать, что именно этот пейзаж разбудил в молодых писателях интерес к индейской теме.

Красной нитью через ряд романов двух авторов проходит жёсткое неприятие поведения своих предков по отношению к индейцам. Это наиболее ярко выражено в ранних произведениях писателей.

Общей чертой в характеристике творчества двух романтиков можно считать длительный перерыв в работе по теме жизни аборигенов. У Ирвинга: 1820–1835 годы, а у Купера: 1829–1840 годы, и у обоих это связано с поездкой в Европу. Турне по Старому Свету помогли писателям взглянуть на тему под новым углом зрения, что отразилось в трилогии индейских романов у Ирвинга и семи произведениях у Купера.

Несмотря на тот факт, что в юности Вашингтон Ирвинг уезжал в Европу на 2 года, а позже на целых 17 лет, он посвятил индейцам не одну свою работу. Говоря о раннем периоде творчества писателя, важно рассмотреть известное произведение Ирвинга «История Нью-Йорка» (1809) [3]. В начале повествования, проводя параллель с прибытием колонистов на территорию Северной Америки, автор рассказывает о пришествии инопланетян на Землю, якобы превосходящих обитателей нашей планеты во всех отношениях. Высмеивая взгляды пришельцев, писатель открыто иронизирует над соображениями и действиями своих предков, его проза изобилует эпитетами и метафорами «a race of two-legged animals, miserable barbarians, ungrateful wretches, poor savages». Ирвинг использует прямые сравнения, при этом тон повествования приобретает наигранную серьёзность: «in much the same manner as the reformed and enlightened savages of this country are kindly suffered to inhabit the inhospitable forests of north, or the impenetrable wilderness of South America» [3: p. 39]. Таким образом, в этом произведении прослеживается уважительное отношение автора к коренным американцам и их судьбе, однако в нём нет конкретных образов «краснокожих». Эти образы появятся позже, а именно в «Книге эскизов» [6]. Глава «Traits of Indian character» начинается со следующего обобщённого портрета индейца: «His nature is stern, simple and enduring; fitted to grapple with difficulties and to support privations» [6: p. 248]. В этой книге можно заметить повторение фраз, уже применённых писателем к индейцам в «Истории Нью-Йорка»: «unfortunate aborigines, **doubly** wronged by white men» [6: p. 248] с целью ещё раз напомнить читателям о печальном пути коренных американцев и осудить поведение колонистов.

Писатель говорит о том, что индейский характер изменился под влиянием переселенцев, и чем ближе индейцы соприкасаются с белыми, тем соответственно больше изменения, причём в худшую сторону. В «Книге эскизов» Ирвинг обращается к прошлому и говорит о чувствах индейцев, ставших ненужными бродягами на своей земле, тогда как раньше они были её «господами»: «How different the undisputed lords of the soil was their state while yet! Their wants were few, and the means of gratification within their reach» [6: p. 250]. Эта цитата близка мысли Купера в романе «Последний из Могикан»: «we were one people and we were happy. The salt lake gave us its fish, the wood its deer, and the air its birds» [1: p. 41]. Оба автора подчёркивают гармонию, царившую в индейском мире до появления белых переселенцев. Далее Ирвинг предсказывает будущее индейцев: «They will vahish like a vapour from the face of the earth» [6: p. 258], а памятники им, согласно

писателю, останутся лишь только в виде произведений художественной литературы: «Some dubious memorial of them should survive the lapse of time, it may be in the romantic dreams of a poet» [6: p. 258]. Причём рассказы об аборигенах Земли обетованной будут сродни сказкам о сатирах и фавнах. Далее в тексте «Книги эскизов» автор задаёт главный для него вопрос: а будет ли в этих произведениях правда о том, как охотились на индейцев и убивали их как животных, как изгнали их с родной земли и будет ли стыдно читателям за своих предков?

Самым значительным произведением В. Ирвинга, связанным с темой коренных американцев, является трилогия «Three Western Narratives». В основе первой части, названной «A Tour on the Prairies» (1832) [4], лежит путешествие писателя в 1832 году на территорию, тогда именуемую индейской (territory of untamed Indians), с целью личного знакомства с племенами «краснокожих». Во время экспедиции Ирвингу встречаются предводители племён Крик (Creek), Осеидж (Osage), Чироки (Cherokee), Пауни (Pawnee) и других. Но их контакты с писателем непродолжительны, и в основном это индейцы, уже находившиеся во взаимодействии с колонистами. Писатель с любопытством наблюдает за коренными жителями континента и описывает их обычаи и внешние особенности в дневнике. Автору даже удалось услышать некоторые мифы и легенды коренных жителей континента из уст самих «краснокожих». Проведя больше всего времени в обществе индейцев племени Осеидж, автор составил интересную характеристику, выделив свойственную индейцам наблюдательность: «The Osage were also very observant people, they are curious observers, noting every thing in silence but with a keen and watchful eye and occasionally exchanging a glance or a grunt with each other when any thing particularly strikes them» [4: p. 43].

Вторая часть трилогии «Astoria: or the Enterprise beyond the Rocky Mountains» (1836) [5] основана на документах форта Астория и выполнена по просьбе самого Джона Эстора (John Astor), в честь которого был назван форт. В этом произведении Ирвинг описывает разные племена и их традиции. Повествование автора сложно назвать романтическим, он работает как реалист, не возвращаясь к событиям прошлых лет, а описывая индейскую действительность своего времени. Ирвинг уделяет большое внимание деталям, посвящая целые части произведения таким подробностям индейского быта, как «Indian Sepulchres», «Indian Fishing Mart», и даже «Indian Toilet». В этом произведении автор именуёт аборигенов не иначе как «primitive lords of the soil» [5: p. 140].

Заключительный роман трилогии под названием «The Adventures of Captain Bonneville» (1837) [7] представляет собой дневниковые записи капитана, переработанные Ирвингом. Особое внимание автор уделяет нередко формировавшимся в то время союзам белого мужчины и краснокожей женщины. Индианки (скво) описаны как «generally well-formed and delicate» [7: p. 162]. Автор отмечает их любовь, а главное — преданность мужьям. Ирвинг в своём творчестве говорит о возможности существования счастливых «красно-белых» пар, у Купера же их судьба всегда трагична. В этой части трилогии автор делает акцент на таких чертах индейского характера, как любопытство и азартность: «They are great gamblers; and, in proportion to their means play bolder, and bet higher than white men» [7: p. 461]).

Во всех романах трилогии «Three Western Narratives» Ирвинг подчёркивает, что индейцы изменились под влиянием переселенцев, и для того чтобы глубже и правильнее понять индейскую душу, нужно вернуться в далёкое прошлое (к истокам), а сделать это возможно посредством анализа фольклорного наследия. Этим объясняется интерес автора к мифам и легендам автохтонного населения североамериканского континента.

Индейская тема в ранних произведениях и романах трилогии раскрыта Ирвингом по-разному. По мнению отечественного американиста А.А. Елистратовой, «в «Астории» и «Приключениях капитана Бонвиля» участь индейцев, вытесняемых колонизацией с американского материка, уже не волнует Ирвинга так, как бывало когда-то в «Истории Нью-Йорка» и в «Книге эскизов» [8: с. 127].

Джеймс Фенимор Купер масштабнее, чем Ирвинг, осветил индейскую тему в своём творчестве. Треть его художественных произведений, а их у автора более 35, посвящены индейской проблеме. Прежде всего это пенталогия о Кожаном Чулке, которая и принесла писателю известность. Даже в наши дни Купера знают как автора романа «Последний из Могикан». Книги пенталогии принадлежат к разным этапам творчества писателя и описывают более 60 лет из истории колонизации Америки. Автор подробно раскрывает такие темы, как внутреннее устройство индейского поселения, взаимоотношения индейцев и переселенцев, вражда между племенами.

Однако романы пенталогии не могут дать исчерпывающего представления об индейцах в творчестве Купера. Согласимся с мнением современного чешского американиста Митчела Пепрника (Michal Peprník) о том, что более сложные индейские образы представлены за рамками знаменитого пятикнижия Купера: «Outside the Leatherstocking Tales Cooper tried to achieve more complex Indian» [10: p. 130]. Дело в том, что в серии романов о Кожаном Чулке большая часть краснокожих героев нарисована в чёрно-белых тонах, и их можно разделить на «good and bad Indians». Более глубокие индейские характеры были созданы писателем в романах «Долина Виш-тон-Виш», «Вайандоте», «Прогалины в дубровах».

Особенностью индейских образов в творчестве Купера является то, что они не статичны: это не нарисованные маски, а развивающиеся личности. Так, например, в первом индейском романе «Пионеры» показана духовная эволюция одного из главных героев Джона Могиканина (John the Mohican). При этом у писателя она неотделима от процесса христианизации индейцев. Также в заключении романа «Вайандоте» мы видим «краснокожего» персонажа Ника-Проныру (Saucy Nick), обращённого в христианство и глубоко раскаявшегося в своих грехах. Самым ярким примером может служить образ грозного индейского вождя Питера Скальпа (Scalping Peter) из романа «Прогалины в дубровах», в конце повествования ассимилировавшегося до такой степени, что он не только принял христианство, но и стал членом семьи колонистов, которые ухаживают за ним: «There he was, living in the midst of the hated race, loving and beloved» [2: p. 496].

Интерес представляет исследование французского американиста Жаклин Фаулон (Jacqueline Foulon) «Breaks and Continuities in Cooper's Representation of an Indian» [9], в котором она делит героев-индейцев из произведений

Купера на четыре группы: традиционный индеец, героический индеец, индеец служащий и исчезающий индеец.

Вышеизложенное доказывает, что творчество Купера характеризуется большим, по сравнению с творчеством Ирвинга, разнообразием индейских образов (не штампов), начиная с резко отрицательных и однозначно положительных — до сложных, меняющихся характеров. Очевидно, что индейцы Купера жизненней и естественней как личности и заслуживают более подробного анализа.

В итоге, несмотря на схожую гражданскую позицию, в творчестве каждого из писателей проявляются разные полюсы рассматриваемой темы. Так, Ирвинг отмечал отличительные черты племени и создавал собирательный образ индейцев, сочетая два подхода: философский и документальный. Он больше интересовался мифами и легендами индейцев, тогда как Купер описывал исторические события, обращаясь к недалёкому прошлому. В то время как Ирвинг уделял больше внимания особенностям культуры коренных американцев, Купер создавал конкретные запоминающиеся образы индейцев, ставшие «фирменным знаком» творчества писателя. Главным отличием взглядов двух писателей является то, что для Ирвинга индейцы — его современники, т. е. настоящее, а в трагической истории колонизации, описанной Купером, коренные американцы — это уже прошлое. Писатель скорбит о них как о частице американской национальной самобытности, в основе которой лежит мультикультурализм.

Индейская тема, как сугубо американская, выделяла творчество двух литераторов из наследия Старого Света и формировала в Америке корпус национальной литературы.

Уникальный подход каждого из них, а также тот факт, что писатели рассказывали о различных индейских племенах, создаёт для читателей более полную картину мира «краснокожих». В. Ирвинг и Дж.Ф. Купер давали возможность своим современникам увидеть приближённую к реальной, однако романтизированную, историю взаимоотношений колонистов с коренным населением. Тем самым произведения обоих авторов во многом способствовали формированию общественного мнения об индейской культуре у американцев второй четверти XIX века.

Библиографический список

Источники

1. *Cooper J.F.* The Last of the Mohicans; A Narrative of 1757: in 2 vol. Vol. 1. Philadelphia: H.C. Carey & Lea, 1832. 262 p.
2. *Cooper J.F.* The Oak-openings: or, The Bee-hunter. NY: D. Appleton and Company, 1873. 497 p.
3. *Irving W.* A History of New York from the Beginning of the world to the end of the Dutch Dynasty: in 2 vol. Vol. 1. Philadelphia: Lee and Blanchard, 1840. 512 p.
4. *Irving W.* A Tour on the Prairies. Paris: Baudry's European Library, 1835. 270 p.
5. *Irving W.* Astoria: or, Enterprise Beyond the Rocky Mountains: in 3 vol. Vol. 1. London: Richard Bentley, 1836. 294 p.
6. *Irving W.* Sketch Book of Geoffrey Crayon. Paris: Baudry's European Library, 1846. 336 p.

7. *Irving W.* The Adventures of Captain Bonville in the Rocky Mountains and the far west. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1871. 503 p.

Литература

8. История американской литературы: в 2 т. / [А.А. Аникст, А.А. Елистратова, В.М. Жирмунский, А.И. Старцев, А.И. Шишмарев]. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 343 с.

9. *Foulon J.* Breaks and Continuities in Cooper's Representation of an Indian. URL; James Fenimore Cooper Society Web-site. 2013. Режим доступа: <http://external.oneonta.edu/cooper/articles/suny/2011suny-foulon.html>.

10. Theory and Practice in English Studies 4. Cooper's Indians. Brno: Masarykova univerzita, 2005. P. 127–133.

References

Istochniki

1. *Cooper J.F.* The Last of the Mohicans; A Narrative of 1757: in 2 vol. Vol. 1. Philadelphia: H.C. Carey & Lea, 1832. 262 p.

2. *Cooper J.F.* The Oak-openings: or, The Bee-hunter. NY: D. Appleton and Company, 1873. 497 p.

3. *Irving W.* A History of New York from the Beginning of the world to the end of the Dutch Dynasty: in 2 vol. Vol. 1. Philadelphia: Lee and Blanchard, 1840. 512 p.

4. *Irving W.* A Tour on the Prairies. Paris: Baudry's European Library, 1835. 270 p.

5. *Irving W.* Astoria: or, Enterprise Beyond the Rocky Mountains: in 3 vol. Vol. 1. London: Richard Bentley, 1836. 294 p.

6. *Irving W.* Sketch Book of Geoffrey Crayon. Paris: Baudry's European Library, 1846. 336 p.

7. *Irving W.* The Adventures of Captain Bonville in the Rocky Mountains and the far west. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1871. 503 p.

Literatura

8. Istoriya amerikanskoj literatury': v 2 t. / [А.А. Аникст, А.А. Елистратова, В.М. Жирмунский, А.И. Старцев, А.И. Шишмарев]. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 343 с.

9. *Foulon J.* Breaks and Continuities in Cooper's Representation of an Indian. URL; James Fenimore Cooper Society Web-site. 2013. Режим доступа: <http://external.oneonta.edu/cooper/articles/suny/2011suny-foulon.html>.

10. Theory and Practice in English Studies 4. Cooper's Indians. Brno: Masarykova univerzita, 2005. P. 127–133.

Ли На

Развитие гоголевской традиции в повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова

Статья посвящена анализу развития гоголевской традиции в повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова. Доказывается, что в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова существует параллелизм сюжетных ходов, сходство принципов изображения реальности и построения пространственно-временных моделей.

This article is devoted to analysis of the development of N. Gogol's tradition in the story «Diaboliad» by M. Bulgakov. These writers' works prove to demonstrate parallel plot twists, similar principles of reality depiction and spatial and temporal model construction.

Ключевые слова: Булгаков; «Дьяволиада»; гоголевская традиция; Гоголь; дьявол; нечистая сила.

Keywords: Gogol; Bulgakov; «Diaboliad»; N. Gogol's tradition; Devil; evil power.

Прозаик и драматург М.А. Булгаков «предложил русской литературе XX столетия путь художественного совмещения реалистической традиции, внимания к социальным сторонам жизни, бытописательства, скрупулезного изображения бытовых проявлений обыденности, удивительного умения воссоздать подлинный и почти физически ощутимый городской интерьер и пейзаж... в его архитектуре, цветовом колорите, едва ли не в запахе, — с не-реальным, мистическим, фантастическим. <...> Обращаясь к фантастическому гротеску... он идёт по пути Н.В. Гоголя» [З: с. 71].

Именно Н.В. Гоголя Булгаков считал своим учителем в литературе. В одном из писем другу Павлу Попову, биографу и философу, Булгаков писал, мысленно обращаясь к Гоголю: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью». Для Гоголя и Булгакова одним из важнейших факторов творчества являлась способность предвидения, связанная с фантазмагорией и мистикой. В их поэтике прекрасно сплетаются реальность и фантастика. У Гоголя — это фантастика малороссийских и петербургских повестей, у Булгакова — московских повестей («Дьяволиада», «Собачье сердце», «Роковые яйца») и романа «Мастер и Маргарита». В этих произведениях трудно не заметить сходство художественной системы Булгакова с гоголевской — на уровне отдельных элементов авторской поэтики, в сходстве образов, сюжетов, в повествовании, даже пространстве.

Внутри целостного московского мифа повесть Булгакова «Дьяволиада» является его мистико-фантазмагорической составляющей. (Наиболее заметную, основополагающую роль в создании мистического мифа о Москве сыграло более позднее произведение Булгакова — роман «Мастер и Маргарита».)

Мы рассмотрим развитие гоголевской модели в повествовании Булгакова, сопоставив ранние повести Гоголя с булгаковской «Дьяволиадой».

Способ построения художественной реальности, в том числе пространства, в повести Булгакова соответствует той традиции, начало которой положил именно Гоголь. Фантастическое или мистическое событие, внезапно вторгающееся в упорядоченную и размеренную жизнь, — одна из основных тем всего творчества Гоголя. Наиболее ярко и совершенно по-разному эта тема выражена в двух произведениях писателя — мистической повести «Вий» и повести «Нос», которую можно назвать абсурдистской.

Как в «Вие», так и в «Носе» повседневное и обыденное резко контрастирует с мистическим, неправдоподобным, странным. В фантастическом «Вие», входящем в цикл малороссийских повестей Гоголя, повседневное течение жизни нарушается вторжением в неё дьявольских сил, что приводит к фатальным и необратимым последствиям. Трое студентов киевской бурсы отправляются на каникулы, но сбиваются в ночи с дороги и выходят к хутору. Старуха хозяйка пускает бурсаков переночевать с условием, что положит троих в разных местах. В начале повествования всё происходит нормально и спокойно, но неожиданно возникает абсолютно невообразимая ситуация: Хома Брут (главный герой, бурсак-философ) уже собирается крепко заснуть в пустом овечьем хлеву, как вдруг входит старуха («Эге, да это ведьма» [2: с. 186], — думает герой), и происходит страшное событие, в которое «нечистая сила» вовлекает главного героя.

В булгаковской повести «Дьяволиада» присутствует такая же гоголевская модель, когда вроде бы обыденная ситуация обнаруживает в себе некие мистические начала. Главный герой Варфоломей Коротков, нежный, тихий блондин, состоял на должности делопроизводителя в Главцентрбазспимате (Спимат) и прослужил там целых одиннадцать месяцев. Реальная действительность, реальные герои, показанные в конкретных жизненных обстоятельствах, не несут в себе ничего сверхъестественного. И вдруг происходят трагические события. Они возникают внезапно и кончаются быстро, но приносят герою страдания и смерть.

И Хома, и Коротков вступают в контакт с параллельной реальностью не случайно, они не могут избежать разрушительного действия нечистой силы — они сами её вызывают. В гоголевском «Вие» зловещие события начинают развиваться после того, как Хома Брут между делом поминает чёрта: «Что за чорт! — сказал философ Хома Брут: сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор» и «Ей-Богу!» — сказал, опять остановившись, философ. — Ни чертового кулака не видно» [2: с. 182]. Так, неосознанно, Брут вызывает нечистую силу.

То же самое бессознательно делает Коротков. Получив зарплату спичками, он начинает проверять их качество: «Всю ночь Коротков не гасил огня и лежал, чиркая спичками». В результате «под утро комната наполнилась удушливым серным запахом», в мареве которого Короткову привиделся «огромный, живой

биллиардный шар на ножках» [1: с. 11], от которого сильно пахло серой. На следующий день является Кальсонер. Между «дурацким сном» Короткова и явлением Кальсонера не происходит никаких других событий, два эпизода следуют один за другим, вследствие чего со всей очевидностью между ними обнаруживается причинно-следственная связь.

Следует отметить, что Хома Брут в повседневной жизни нередко ведёт себя вопреки заповедям Господа: пьёт, крадёт, врёт, даже вступает в связь с молодой вдовой и, наконец, сам вызывает нечистую силу, в итоге подписывая договор с дьяволом: «И если мы что-нибудь, как-нибудь того, или какое другое что сделаем, — то пусть нам и руки отсохнут, и такое будет, что бог один знает» [2: с. 184]. Своей историей он как бы подтверждает собственные слова: «Чему быть, того не миновать». Его трагедию можно считать наказанием. У него была возможность выбора. Прежде чем пустить бурсаков на ночёвку к себе на двор, старуха выгоняла их: «Пошли! пошли! Тут вам нет места» [2: с. 184]. Как свободный человек, он сам делает свой выбор. Его единственное спасение — молитва — помогает ему в первые два дня. Но в последний момент Хома прослушал крик петуха и от страха погиб.

Столь очевидной вины, пожалуй, у Короткова нет. Его вина лишь в том, что он работает в Спимате. Булгаков не случайно выбирает место службы Короткова, поскольку только в Базе Спичечных Материалов пользуются серой, но именно серный запах связан с адом и дьяволом. Однако этот довод оказывается недостаточным, чтобы доказать вину Короткова. Причину его смерти можно обнаружить в новой, чуждой для героя социальной реальности, в столкновении «маленького человека» с государством. «У М.А. Булгакова в сатирических повестях оно чаще обезличено, предстаёт в виде бездушной государственной машины, противостоящей страдающим от неё интеллигентам и служащим, вроде делопроизводителя Короткова в “Дьяволиаде”, профессоров Персикова и Преображенского в “Роковых яйцах” и “Собачьем сердце”, Мастера в “Мастере и Маргарите”» [8: с. 620]. «Коротков никаких преступлений не свершал, а его сумасшествие — следствие неспособности выбраться из бюрократического лабиринта» [8: с. 314].

Нельзя не обратить внимания на общность представлений Гоголя и Булгакова о главном герое. Булгаков продолжает гоголевскую тему «маленького человека», его столкновения с государственной машиной. Коротков в «Дьяволиаде» сходит с ума, увидев действительность замутнённым, несфокусированным взглядом, и прыгает с крыши высокого здания, — как гоголевский Поприщин из «Записок сумасшедшего», почувствовавший приближение истины, но не умеющий разгадать её до конца. Подобный ракурс темы «маленького человека» можно обнаружить и в других произведениях Гоголя: «Невский проспект», «Шинель», «Нос».

Б.В. Соколов, автор «Булгаковской энциклопедии», полагает, что в «Дьяволиаде» показан гоголевский «маленький человек», ставший жертвой набирающей

обороты современной бюрократической машины, причём столкновение Короткова с этой машиной в помутнённом сознании уволенного делопроизводителя превращается в столкновение с неодолимой дьявольской силой. Главный герой воспринимает происходящее словно в наркотическом бреду. М.А. Булгаков, компетентный в вопросах наркомании (см. повесть «Морфий»), клинически точно воспроизводит последствия употребления наркотика. Позднее в «Мастере и Маргарите» в обстоятельства «маленького человека» помещён уже не мелкий чиновник, а гениальный Мастер, и там нечистая сила в лице Воланда и его свиты помогает гению обрести покой, а его труду — бессмертие [8: с. 313–314].

В петербургских повестях Гоголя и в московских повестях Булгакова можно обнаружить параллелизм сюжетных ходов и общность принципов изображения реальности и построения пространственно-временных моделей. Булгаков описывает пространство такими же средствами, которыми пользуется Гоголь. В рассказе «Заколдованное место» есть мотив, когда некое пространство вдруг неожиданно и немотивированно превращается в заколдованное место. У Булгакова наблюдается похожий мотив: Центроснаб получает фантастические черты, превращается почти в заколдованное место. В двух этих произведениях совпадает общее ощущение безвыходности и замкнутости, с той большой разницей, что заколдованное место у Гоголя — ограниченная территория, где властвует нечистый дух, а в повести Булгакова таким заколдованным местом является всё художественное пространство произведения: «Коротков оказался в тупом полутемном пространстве без выхода. Бросаясь в стены и царапаясь, как засыпанный в шахте, он наконец навалился на белое пятно, и оно выпустило его на какую-то лестницу» [1: с. 36]. Даже эволюция пространственных моделей Булгакова продолжает гоголевскую традицию, следует от периферии к центру. У Гоголя освоение пространства Диканьки переходит в идею Миргорода, далее перетекает к столичному городу («Петербургские повести») и, наконец, обращается на «всю Русь» («Мертвые души»). Булгаков проходит такой же путь: от «Записок юного врача» к «Белой гвардии» и позднее — к роману «Мастер и Маргарита», где художественное пространство оказывается больше реального, но при этом обладает конкретными физическими константами, как, например, «нехорошая квартира», в которой мы находим страдающего от похмелья Степу Лиходеева, а потом, после его перемещения в Ялту, её площадь вырастает до дворца Воланда. Если у Гоголя всё происходит в Петербурге, то у Булгакова — в Москве, которая, как Петербург для Гоголя, становится сценой зла и преступлений.

Известно, что Гоголь создаёт характеристики персонажей, используя метафорические сближения с животными и материальными предметами (Собакевич сопоставляется с медведем средней величины, фамилия Коробочки говорит сама за себя и т. д.). Булгаков тоже пользуется этим приёмом: таковы говорящие фамилии (Кальсонер, Коротков), или же приём антропоморфизации: «Пит! Питт! — закричала за стеклами мотоциклетка, выстрелила пять раз и,

закрыв дымом окна, исчезла» [1: с. 19]; «Лифт... выплюнул человека с портфелем» [1: с. 22]; «Ку-ку! — радостно крикнула лесная кукушка и выскочила из нюрнбергского разрисованного домика на стене» [1: с. 46]. Или, наоборот, происходит уподобление человеческого голоса искусственным звукам предметов или звукам животных: «ухнул в медь тяжкий голос: — Еду! Сейчас!» [1: с. 18], «каркнула дверь» [1: с. 40], «кукарекнул секретарь» [1: с. 42]. При описании внешности Карьсонера Булгаков пользуется приёмами литоты и оксюморона: «Этот неизвестный был настолько маленького роста, что достигал высокому Короткову только до талии»; «квадратное туловище сидело на искривленных ногах»; «голова представляла собою точную гигантскую модель яйца»; «зеленые маленькие, как булабочные головки, глаза сидели в глубоких впадинах. Тело неизвестного было облечено в расстегнутый, сшитый из серого одеяла френч, из-под которого выглядывала малороссийская вышитая рубашка, ноги в штанах из такого же материала и низеньких с вырезом сапожках гусара времён Александра I» [1: с. 12]. Необычный вид, странная одежда (сочетание несочетаемого), голос медного таза и слова неизвестного пахнут спичками. Все эти детали указывают на появление дьявола.

В отличие от гоголевского чёрно-белого мира, пространство булгаковских произведений наполнено пёстрыми цветами: подписи ассигновки меняются цветами — «наискось было написано красными чернилами», «ниже фиолетовыми чернилами» [1: с. 8], «третья надпись зелеными чернилами» [1: с. 9]. Коробки спичек тоже разного цвета — «В руках у него было четыре больших жёлтых пачки, пять маленьких зеленых, а в карманах тринадцать синих коробок спичек». Не только цвета, но и различные звуки и выражения лиц людей наполняют пространство булгаковского произведения: «Радостно воскликнул Коротков»; «Коротков... широко и глупо улыбаясь» [1: с. 9]; «Она с шипеньем вспыхнула зеленоватым огнем, переломилась и погасла» [1: с. 10]; «Лысый квадратный неожиданно рассердился. Глазки его вспыхнули желтоватыми искорками» [1: с. 13]; «Раз только долетел смутный чугунный голос» [1: с. 15]; «При этом лучше всех, глубже и мертвеннее молчал зеленоватый Коротков»; «Как? Как? — прозвенел два раза Коротков совершенно как разбитый о каблук альпийский бокал...» [1: с. 16]; «Лицо Короткова сменило гнилую зеленую плесень на пятнистый пурпур»; «негромко выкрикнул Коротков, становясь из пурпурного белым, как горноста́й» [1: с. 17]. С развитием сюжета повести меняется мимика и голос персонажей. Возникает комический эффект.

Тема высшей силы, и даже дьявольской силы, — одна из важнейших тем Гоголя. «Чёрт», «дьявол» присутствуют практически во всех произведениях Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести», «Мёртвые души»). Тема борьбы с нечистой силой, пытающейся завладеть миром, встречается и на страницах булгаковских произведений, недаром столь часто появляется в них фигура дьявола. Всё содержание «Дьяволиады» подтверждает данное предположение. Повесть носит вполне «гоголевское»

название — «Дьяволиада», и пятая глава называется «Дьявольский фокус», седьмая глава — «Орган и кот», все эти названия ассоциируются с дьяволом. Есть в повести такой образ, как старичок — свита сатаны. Он сказал Колобкову «голосом пророчески грозным — не пойдут они вам впрок, денежки эти сатанинские» [1: с. 39–40]. В десятой главе «Страшный Дыркин» бедный Коротков под давлением нечистой силы (здесь, главным образом, бюрократическое влияние) чуть не стал таким, как его антиподы: «Меня нельзя арестовать, — ответил Коротков и засмеялся сатанинским смехом» [1: с. 43]. Потом эти мотивы разовьются в романе «Мастер и Маргарита», наброском к которому является повесть «Дьяволиада».

«Дьяволиада» имеет подзаголовок «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя». Как в греческой мифологии, так и в римской, египетской, индийской и китайской, упоминание о близнецах часто связывается с Богом и дьяволом. Появление близнецов в произведениях Булгакова ассоциируется с нечистой силой, и наоборот. «Двойничество возведено у М.А. Булгакова в квадрат. Коротков не только получает в повести двойника, но и ведёт борьбу с двойниками: близнецы Кальсонеры представляются больному сознанию Короткова двоящимся обликом его начальника. Перед ошеломлённым, потерявшимся Коротковым предстаёт то Кальсонер — зав., то Кальсонер — делопроизводитель, Кальсонер, который спрашивает, не уехал ли Кальсонер; Кальсонер — начальник, грозный, самоуверенный, и Кальсонер — подчиненный, робкий, униженный» [5: с. 298].

В какой-то мере и Гоголя с Булгаковым можно назвать «близнецами». В их жизненной и творческой судьбе много пересечений. Оба они родились на Украине и любили Киев — «мать городов русских». Многие свои шедевры они создали в Москве. Н.В. Гоголь — один из главных создателей «петербургского мифа», М.А. Булгаков — создатель «московского мифа» нового времени. Они были похоронены на одном и том же кладбище — под стенами Новодевичьего монастыря. История с их надгробиями вошла в анналы классической мистики: после перезахоронения Н.В. Гоголя в 1931 году камень с его бывшей могилы — гранитная «Голгофа» — девять лет дожидался смертного часа М.А. Булгакова, чтобы лечь в его изголовье.

Библиографический список

Источники

1. Булгаков М.А. Дьяволиада // Булгаков М.А. Собачье сердце: Повести. СПб.: Азбука, 2011. С. 35–80.
2. Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. Т. 2. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. С. 175–218.

Литература

3. Голубков М.М. Мистика Москвы. Повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» как «пратекст» «московского текста» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов, 2011. С. 67–80.
4. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (20–90-е годы): учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 368 с.

5. *Кормилов С.И., Зайцев В.А., Скороспелова Е.Б.* История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2008. 576 с.
6. *Кривонос В.Ш.* М.А. Булгаков и Н.В. Гоголь — мотив «Заколдованного места» в «Мастере и Маргарите» // Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 1. С. 42–48. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1994/01/941-042.htm>.
7. *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века (от А. Белого до Б. Пастернака). М.: Теис, 2003. 358 с.
8. *Соколов Б.В.* Булгаков. Энциклопедия: Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М.: Эксмо, 2005. 831 с.
9. *Соколов Б.В.* Три жизни Михаила Булгакова. М.: Эллис Лак, 1997. 428 с.
10. *Чудакова М.О.* Булгаков и Гоголь // Русская речь. 1979. № 3. С. 38–48.

References

Istochniki

1. *Bulgakov M.A.* D'yavoliada // Bulgakov M.A. Sobach'e serdce: Povesti. SPb.: Azbuka, 2011. S. 35–80.
2. *Gogol' N.V.* Vij // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch.: [v 14 t.]. T. 2. [M.; L.]: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. S. 175–218.

Literatura

3. *Golubkov M.M.* Mistika Moskvy'. Povest' M.A. Bulgakova «Sobach'e serdce» kak «pratekst» «moskovskogo teksta» // Slavyanskij mir: duxovny'e tradicii i slovesnost'. Tambov, 2011. S. 67–80.
4. *Golubkov M.M.* Istoriya russkoj literaturnoj kritiki XX veka (20–90-e gody'): ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2008. 368 s.
5. *Kormilov S.I., Zajcev V.A., Skorospelova E.B.* Istoriya russkoj literatury' XX veka (20–90-e gody'): Osnovny'e imena: ucheb. posobie. M.: Izd-vo MGU, 2008. 576 s.
6. *Krivosnos V.Sh.* М.А. Булгаков и Н.В. Гоголь — мотив «Zakoldovannogo mesta» v «Mastere i Margarite» // Seriya literatury' i yazy'ka. 1994. Т. 53. № 1. С. 42–48. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1994/01/941-042.htm>.
7. *Skorospelova E.B.* Russkaya proza XX veka (ot A. Belogo do B. Pasternaka). M.: Teis, 2003. 358 s.
8. *Sokolov B.V.* Bulgakov. E'nciklopediya: Personazhi, prototipy', proizvedeniya, druž'ya i vragi, sem'ya. M.: E'ksmo, 2005. 831 s.
9. *Sokolov B.V.* Tri zhizni Mixaila Bulgakova. M.: E'llis Lak, 1997. 428 s.
10. *Chudakova M.O.* Bulgakov i Gogol' // Russkaya rech'. 1979. № 3. S. 38–48.

А.В. Щербаков

Самостоятельная работа в системе педагогической подготовки бакалавров

В статье рассматривается понятие «самостоятельная работа», а также дифференциация понятий «самостоятельная работа» и «самостоятельная учебная деятельность»; анализируется ФГОС высшего профессионального образования и сопутствующие документы с целью выяснения роли и положения самостоятельной работы в современной системе подготовки бакалавров; оцениваются потенциальные перспективы развития вопроса самостоятельной работы бакалавров.

The paper brings forward the concept of «autonomous activity in education» as well as difference between «autonomous activity in education» and «autonomous educational activity»; contains an analysis of the Federal higher education standard and accompanying documents in order to identify the role of autonomous activity in contemporary bachelor education system; and demonstrates the potential future of autonomous bachelor education.

Ключевые слова: самостоятельная работа; самостоятельная учебная деятельность; ФГОС; бакалавриат; компетентностный подход.

Keywords: autonomous work; autonomous educational activity; Federal higher education standard; bachelor course; competency-based learning.

В условиях современного развития общества [8] перед высшим профессиональным образованием стоит ряд принципиальных задач, связанных с преобразованием системы профессиональной подготовки в вузе. Государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 годы предполагает модернизацию образовательных программ с целью достижения современного качества результатов учебной деятельности на всех уровнях, в том числе на уровне высшего профессионального образования. В результате реализации данной Госпрограммы предполагается обучение всех студентов по индивидуальным учебным планам, включающим значительную долю самостоятельной работы. В этом же документе отражается необходимость поддержки учреждений высшего образования, реализующих гибкость образовательного процесса и высокую долю самостоятельной работы, в рамках процесса интеграции в Болонскую образовательную систему [1].

Самостоятельная работа — одна из важнейших составляющих учебно-воспитательного процесса как в образовании в целом, так и в вузе в частности. Самостоятельная работа не только позволяет овладевать знаниями и формировать профессиональные умения и навыки. Она является фундаментальной, неотъемлемой компонентой творческой и исследовательской деятельности

и обеспечивает формирование профессиональной компетенции. Суть самостоятельной работы состоит в выполнении задачи без посторонней помощи; в опоре на собственные знания, умения, убеждения, опыт, мировоззрение, выражение собственного отношения к чему-либо, собственной аргументации, проявление инициативы, творческого начала [7].

Анализ литературы показывает, что исследователи трактуют термин «самостоятельная работа» по-разному. Но в целом можно выделить две основных трактовки, в центре которых — понятие **самостоятельности** как в определённом смысле автономности обучающегося от педагога.

Одно из значений термина отражает сугубо организационный фактор: под ним подразумеваются действия учебного характера, совершаемые без непосредственного участия педагога, но по его заданию в специально предоставленное для выполнения время [6]. Такое значение термина указывает на качество самого действия (например, в составе какой-либо задачи). Другое значение термина «самостоятельная работа», более широкое, подразумевает как организационную сторону процесса, так и характеристику результата произведённого действия, а также такие личностные качества обучающегося, как умение работать без помощи педагога или вообще чьей-либо помощи, при наличии стремления к такого рода работе. Некоторые исследователи для этого значения выделяют отдельный термин — «самостоятельная учебная деятельность» [4; 9].

Так как эти термины находятся в разных плоскостях, они оба подразумевают разный ряд проблем и вопросов, которые необходимо разрешить для полноценной их реализации. В случае рассмотрения термина «самостоятельная работа» необходимо понимать, что этот термин не тождественен понятию «внеаудиторная работа». В то время как любая внеаудиторная работа самостоятельна по своей сути, самостоятельная работа также может быть организована и аудиторно. Один из ярких примеров аудиторных заданий, предполагающих самостоятельную работу, — контрольная работа. Для организации самостоятельной работы необходимо выполнить следующие условия:

- наличие цели;
- наличие конкретного задания;
- чёткое определение формы выражения результатов работы;
- чёткое определение формы проверки работы;
- временные сроки выполнения работы;
- возможность использования справочного материала;
- обязательное выполнение работы каждым обучающимся без прямого вмешательства педагога.

Таким образом, абстрактно задание на самостоятельную работу можно выразить с помощью следующей краткой инструкции: «Нам нужно получить результат *a*. Для этого мы выполним задачу *b* и получим *c*. Проверим, что получилось способом *d*. У вас есть (*e*) секунд / минут / часов / дней / месяцев / лет для выполнения работы. Справочными материалами пользоваться *f* (нельзя /

можно). Результаты жду от всех присутствующих / всех участников группы. Работайте, я не буду вам мешать».

В самостоятельных работах студенты сами отыскивают способы решения практических заданий. Логика рассуждений обучающегося может быть своеобразной, отличной от системы размышлений, предлагаемой преподавателем или описанной в учебном пособии.

Самостоятельная учебная деятельность — гораздо более широкий термин. Это форма деятельности, структурируемой самим студентом, которая поддается контролю и коррекции по процессу и результату, ведётся под руководством преподавателя с учётом психологических и личных интересов студента, является средством их профессионального саморазвития, обеспечивает интенсивное функционирование процессов самоопределения, самореализации и саморегуляции [5]. Самостоятельная учебная деятельность включает в себя как организационный аспект (самостоятельная работа), так и содержательный, целевой и технологический аспекты.

Цель самостоятельной учебной деятельности — развитие способности индивида, его готовности к творческой продуктивной самостоятельной деятельности вне образовательного процесса. Эта деятельность может быть как общей (к примеру, логический анализ и синтез информации, моделирование и проектирование, общение), так и узкоспециализированной (планирование учебных мероприятий, организация учебно-воспитательной среды). Способность и готовность к деятельности попадает под определение понятия «компетенция».

Под компетенциями в рамках компетентностного подхода понимается совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности индивида, необходимых для осуществления лично и социально значимой продуктивной деятельности по отношению к объектам реальной действительности. Понятие компетенции является ключевым для компетентностного подхода к обучению.

В современной парадигме методики обучения иностранным языкам компетентностный подход служит организационно-целевой основой высшего профессионального образования. Принятая в западноевропейских системах профессионального образования модель обучения на базе компетенций обеспечивает развитие профессионально значимых качеств, отвечающих потребностям современного рынка труда и конкретного работодателя, способствующих интеграции специалиста в профессиональную деятельность. В практике высшего профессионального образования компетентностный подход объединяет усилия исследователей по разработке образовательных стандартов с новым содержательным, организационным, целевым и технологическим наполнением.

Структура и содержание профессионального образования связана с утверждением федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), отвечающих требованиям развития экономики страны, и переходом на многоуровневое высшее профессиональное образование — образовательные программы подготовки бакалавров и магистров.

В пункте № 5 ФГОС излагаются требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата. Предполагаемый результат выражается в обладании индивидом некоторого числа компетенций, разделённых на две группы: общекультурные компетенции и профессиональные компетенции. Общекультурные компетенции более широки и универсальны в своём применении (к примеру, готовность к самопознанию, самостоятельности; готовность к самооценке и саморазвитию), тогда как профессиональные имеют значение для самореализации индивида в учебно-профессиональной, образовательно-проектировочной, организационно-технологической и научно-исследовательской деятельности. Списки компетенций выстраиваются исходя из анализа содержания профессиональной деятельности: к примеру, для преподавателей иностранного языка важнейшую роль играют межкультурная и языковая компетенции.

Учёт трудоёмкости во ФГОС ведётся в «зачётных единицах», где одна зачётная единица соответствует 36 академическим часам. Общая трудоёмкость каждой дисциплины не может составлять менее двух зачётных единиц (72 академических часа), в то время как максимальный объём нагрузки не может превышать 54 академических часа в неделю, включая все виды аудиторных и внеаудиторных работ [2; 3].

Согласно ФГОС, максимальный объём очных учебных занятий при освоении основной образовательной программы составляет 24 академических часа в неделю, что оставляет внеаудиторной работе 30 часов в неделю. ФГОС не уточняет, сколько из 24 аудиторных часов должно быть посвящено аудиторной самостоятельной работе.

Отдельные ФГОСы предполагают лабораторные практикумы и практические занятия [2] как виды самостоятельной работы, а также научно-исследовательскую работу обучающихся, что можно считать видом самостоятельной учебной деятельности.

Стандарт также касается технического обеспечения самостоятельной работы бакалавра. Согласно упомянутому документу, каждый обучающийся должен быть обеспечен доступом к Всемирной вычислительной сети и к библиотечному фонду, укомплектованному основной учебной литературой по дисциплинам базовой части программы, а также к фонду дополнительной литературы, включающей в себя официальные, справочно-библиографические и специализированные периодические издания.

ФГОС сам по себе не является основной образовательной программой, но представляет собой образец для составления образовательной программы образовательными учреждениями, как указано в пункте 7.1 документа. Стандарт используется при составлении технологических карт преподаваемых дисциплин.

При выяснении положения самостоятельной работы в системе профессиональной педагогической подготовки бакалавров в результате анализа документов можно выявить следующие проблемы:

- Государственная программа «Развитие образования» не делает явных различий между самостоятельной работой и самостоятельной учебной деятельностью.

- Федеральный государственный образовательный стандарт делает различие лишь между аудиторной и внеаудиторной работой, не принимая во внимание виды самостоятельных аудиторных работ.

Анализ вышеприведённых документов позволяет сделать вывод, что при попытке ввода понятия «самостоятельная работа», в соответствии с вызовами современного общества и требованиями компетентностного подхода, в рамках стандарта оно было рассмотрено недостаточно подробно. Вместе с тем социальный императив постиндустриального общества требует организации обучения не только и не столько в рамках образовательного учреждения, сколько на протяжении всей жизни (lifelong learning). Это вынуждает исследователей планировать и разрабатывать методическую и содержательную компоненты образовательного процесса в рамках бакалавриата с учётом того, что образование будет продолжено средствами дистанционного обучения, персональных образовательных сред или даже очного дополнительного образования. С другой стороны, такой ход событий невозможен без применения электронных информационно-коммуникационных технологий, которые способны как расширить существующие возможности самостоятельной работы и самостоятельной учебной деятельности, так и создать новые. Однако электронные ИКТ обладают своей спецификой, что также необходимо учитывать для полной и всесторонней реализации их потенциала в образовательном контексте.

Библиографический список

Источники

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: <http://goo.gl/WTwLM7> (дата обращения: 06.01.2014).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению «050400»: Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prgm200-1.pdf (дата обращения: 07.01.2014).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению «051000»: Профессиональное обучение (по отраслям) (квалификация (степень) «бакалавр»). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prgm781-1.pdf (дата обращения: 07.01.2014).

Литература

4. *Вирановская Е.В.* Подготовка будущего учителя к организации самостоятельной учебной деятельности учащихся : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Орск, 2004. 221 с.
5. *Воронова Е.Н.* Самостоятельная учебная деятельность как средство профессионального саморазвития студентов педагогических вузов (На материале занятий по иностранному языку): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Саратов, 2005. 223 с.

6. *Есинов Б.П.* Самостоятельная работа учащихся на уроках. М.: Учпедгиз, 1961. 239 с.

7. *Мальцева Н.А.* Организация самостоятельной учебной деятельности на основе профессиональных ситуаций (Иноязычное опосредованное общение): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Воронеж, 2002. 180 с.

8. *Новиков А.М.* Методология учебной деятельности. М.: Эгвес, 2005. 176 с.

9. *Симонян К.В.* Методика использования компьютерных технологий при организации самостоятельной работы студентов: языковой вуз, начальный этап: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2008. 213 с.

References

Istochniki

1. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» na 2013–2020 gody'. URL: <http://goo.gl/WTwLM7> (data obrashheniya: 06.01.2014).

2. Federal'ny'j gosudarstvenny'j obrazovatel'ny'j standart vy'sshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu «050400»: Psixologo-pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikaciya (stepen') «bakalavr»). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm200-1.pdf (data obrashheniya: 07.01.2014).

3. Federal'ny'j gosudarstvenny'j obrazovatel'ny'j standart vy'sshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu «051000»: Professional'noe obuchenie (po otraslyam) (kvalifikaciya (stepen') «bakalavr»). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm781-1.pdf (data obrashheniya: 07.01.2014).

Literatura

4. *Viranovskaya E.V.* Podgotovka budushhego uchitelya k organizacii samostoyatel'noj uchebnoj dejatel'nosti uchashhixsya: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Orsk, 2004. 221 s.

5. *Voronova E.N.* Samostoyatel'naya uchebnaya dejatel'nost' kak sredstvo professional'nogo samorazvitiya studentov pedagogicheskix vuzov (Na materiale zanyatij po inostrannomu yazy'ku) : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Saratov, 2005. 223 s.

6. *Esipov B.P.* Samostoyatel'naya rabota uchashhixsya na urokax. М.: Uchpedgiz, 1961. 239 s.

7. *Mal'ceva N.A.* Organizaciya samostoyatel'noj uchebnoj deyatel'nosti na osnove professional'ny'x situacij (Inoyazy'chnoe oposredovannoe obshhenie): dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Voronezh, 2002. 180 s.

8. *Novikov A.M.* Metodologiya uchebnoj dejatel'nosti. М.: E'gves, 2005. 176 s.

9. *Simonyan K.V.* Metodika ispol'zovaniya komp'yuterny'x tehnologij pri organizacii samostoyatel'noj raboty' studentov: yazy'kovej vuz, nachal'ny'j e'tap: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. М., 2008. 213 s.

**Итоги XI Международного
симпозиума МАПРЯЛ «Теоретико-
практическое изучение русского языка
и его сопоставительно-типологическое
описание» (г. Велико-Тырново, Болгария,
3–6 апреля 2014 г.)**

З–6 апреля 2014 года в г. Велико-Тырново (Болгария) состоялся XI Международный симпозиум МАПРЯЛ'14 «Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание». Ассоциированными членами-учредителями симпозиума традиционно выступили Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Общество русистов в Болгарии, Министерство образования и науки Республики Болгария, Российский культурно-информационный центр (г. София), Федерация дружбы с народами России и СНГ, Болгарская национальная сеть базовых школ с изучением русского языка.

В симпозиуме приняли участие более ста человек из двенадцати стран: Болгарии, России, Сербии, Японии, Украины, Ирана, Румынии, Польши, Казахстана, Турции, Грузии, Словакии. Среди участников симпозиума такие учёные, как профессор М.В. Всеволодова (Москва, Россия), профессор С.П. Димитрова (София, Болгария), профессор Л.Г. Викулова (Москва, Россия), профессор Е.Г. Тарева (Москва, Россия), профессор Е.Ф. Серебренникова (Иркутск, Россия), профессор Э.М. Рянская (Нижевартовск, Россия), профессор А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия), профессор С. Георгиева (Пловдив, Болгария), профессор Н. Иванова (Бургас, Болгария). Всего прозвучало более 90 докладов и сообщений.

В ходе работы симпозиума состоялось пленарное заседание, прошло заседание круглого стола, была организована работа четырнадцати секций, среди которых наибольший интерес вызвали:

- секция «Культурология и лингвокультурология. Русский язык в этнокультурной парадигме»,
- секция «Теоретические и прикладные аспекты перевода»,
- секция «Современные технологии в лингвистическом исследовании и в преподавании русского языка как иностранного»,
- секция «Проблемы методики преподавания русского языка как иностранного».

Симпозиум продемонстрировал стремление ведущих учёных в области зарубежной русистики к консолидации усилий в решении проблем сохранения роли русского языка на пространстве ближнего и дальнего зарубежья, повышении качества преподавания русского языка как иностранного в различных образовательных и национально-культурных условиях. Тематика докладов и сообщений свидетельствует о том, что интерес к филологическим, лингвистическим и лингводидактическим вопросам в целом не зависит от политической конъюнктуры, смены государственных границ и социально-экономических условий развития различных стран*. Симпозиум показал неуклонный рост интереса к русскому языку как средству международного общения в различных регионах мира, к русской культуре — носителю великой духовности.

Результаты работы симпозиума подтверждают, что исследования в области языков, в том числе русского языка, нацелены на упрочение научных связей, на расширение научного и образовательного лингвистического пространства, способствующее объединению народов, сближению и взаимодействию культур.

Особый характер работе симпозиума придавало чествование 50-летнего юбилея кафедры русистики Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия, в гостеприимных стенах которого было организовано научное общение. Кафедра русистики (до 2009 г. кафедра русского языка) — одна из первых четырёх кафедр созданного в 1963 году в г. Велико-Тырново Высшего педагогического института имени Братев Кирилла и Мефодия. Это старейшая кафедра иностранных языков Республики Болгария (основана в 1963 г.). Её возникновение стало первым шагом к созданию крупного университета, второго по времени создания и по значимости в Болгарии.

Среди основателей и талантливейших руководителей кафедры следует назвать профессора Г.А. Тагамлицкую (1916–1998), доцента Й. Еленски, доцента М. Люлюшева, доцента М. Тончеву. С 1995 года кафедрой руководит профессор Г. Гочев.

За время своего существования кафедра подготовила значительное количество специалистов-русистов по трём специальностям — русская филология, болгарский язык и русский язык, прикладная лингвистика. Эти три основные специальности и сегодня продолжают быть достаточно востребованными среди

* К сожалению, события политического характера повлияли на решение украинских учёных-русистов отказаться от участия в работе симпозиума.

абитуриентов, поступающих в университет. Студенты получают образовательные степени «бакалавр-учитель», «бакалавр-переводчик», а также «магистр» по результатам освоения магистерских программ «Русское языкознание», «Транслятология (с одним или с двумя иностранными языками)», «Культура и коммуникации».

Кафедра русистики сотрудничает с ведущими вузами Российской Федерации, она стремится к расширению научного и образовательного взаимодействия с коллегами, близкими по духу, по стремлению расширять границы русского мира и русской культуры.

Е.Г. Тарева

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» 2014, № 4 (16)

Беляева Анна Викторовна — соискатель кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: agneus@rambler.ru

Бубнова Ирина Александровна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Васильев Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Громова Камилла Алексеевна — ассистент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: kittenhope@mail.ru

Журавлёва Анна Петровна — учитель английского языка ГОУ СОШ № 222 г. Москвы; аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: anna.varkan@gmail.com

Зойдзе Элла Амирановна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры англистики и межкультурной коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: ella_zoidze@list.ru

Иванова Неля Стефанова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянских языков Университета им. Асена Златарова (г. Бургас, Болгария).

E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Казаченко Оксана Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: kazachenko_07@mail.ru

Карандеева Людмила Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: karandeevalg@mail.ru

Клеймёнова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: n.kleimenova@mail.ru

Колбасин Вадим Николаевич — старший преподаватель кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: vadimnick@list.ru

Красных Виктория Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: victoryvk@gmail.com

Кузьмина Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: olga.v.kuzmina@gmail.com

Кулешова Анна Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: ksas3@yandex.ru

Ли На — аспирант кафедры русской литературы XX века филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (КНР).

E-mail: Linda-6600@mail.ru

Макеева Светлана Николаевна — кандидат педагогических наук старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: sssmak2@mail.ru

Розенхольм Арья — доктор философских наук, профессор русской литературы и культуры Тамперского университета (Финляндия).

E-mail: arja.rosenholm@uta.fi

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по магистратуре, заведующая кафедрой французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Фу Мэйянь — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Института европейских языков и культуры Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР).

E-mail: gaudy_fu@mail.ru

Щербаков Андрей Валерьевич — аспирант кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ МГПУ.

E-mail: doctor@equivalent.me

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2014, № 4 (16)

Belyaeva Anna Viktorovna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: agneus@rambler.ru

Bubnova Irina Alexandrovna — Doctor of Philology, docent, head of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Vasilyev Sergey Anatolyevich — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Gromova Kamilla Alexeevna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: kittenhope@mail.ru

Zhuravlyova Anna Petrovna — English Teacher of SEI SCSch № 222, Moscow; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: anna.varkan@gmail.com

Zoidze Ella Amiranovna — PhD (Philology), senior assistant professor of Anglistics and Cross-cultural Communication department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ella_zoidze@list.ru

Ivanova Nelya Stefanova — PhD (Philology), docent, associate professor of Slavic Languages department, Assen Zlatarov University (Bourgas, Bulgaria).

E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Kazachenko Oksana Vasilyevna — PhD (Philology), associate professor of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: kazachenko_07@mail.ru

Karandeeva Lyudmila Georgievna — PhD (Philology), docent, associate professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: karandeevalg@mail.ru

Klejmyonova Nataliya Mikhailovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: n.kleimenova@mail.ru

Kolbasin Vadim Nikolaevich — senior assistant professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: vadimnick@list.ru

Krasnykh Viktoria Vladimirovna — Doctor of Philology, docent, professor of Department of Theory of Discourse and Communication Studies, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: victoryvk@gmail.com

Kuleshova Anna Vasilyevna — PhD (Philology), associate professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ksas3@yandex.ru

Kuzmina Olga Vladimirovna — senior assistant professor of Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: olga.v.kuzmina@gmail.com

Li Na — postgraduate of Department of the XXth century Russian Literature, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University (PRC).

E-mail: Linda-6600@mail.ru

Makeeva Svetlana Nikolaevna — PhD (Pedagogy), senior assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: sssmak2@mail.ru

Rozenholm Arja — Doctor of Philosophy, professor of Russian literature and culture, University of Tampere (Finland).

E-mail: arja.rosenholm@uta.fi

Tareva Elena Genrikhovna — Doctor of Pedagogy, full professor, assistant director of Master's degree postgraduate studies of Institute of Foreign Languages, MCTTU, head of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Fu Me'ian' — PhD (Philology), senior assistant professor of Russian Studies department of European Studies, Tjianjin Foreign Studies University (PRC).

E-mail: gaudy_fu@mail.ru

Scherbakov Andrey Valeryievich — postgraduate student of German Language and Modern Educational Technologies department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: doctor@equivalent.me

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русистике), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 4 (16), 2014

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова

Корректор:
Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:
О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 29.12.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.